

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Сосна Николай Александрович

**Миссия Н.П. Игнатьева в Китай в 1859–1860 годах в контексте внешней
политики России на Дальнем Востоке во второй половине 1850-х годов**

5.6.1 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор, член-корреспондент РАН
С.В. Мироненко

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Введение.....	3
Глава 1. Предыстория миссии Н.П. Игнатъева	36
§ 1. <i>Краткий обзор русско-китайских отношений до середины XIX в.....</i>	<i>36</i>
§ 2. <i>Генерал и адмирал. Деятельность Н.Н. Муравьева в Восточной Сибири и Е.В. Путятина в Китае в 1857–1858 гг.....</i>	<i>44</i>
§ 3. <i>Дипломат поневоле: деятельность П.Н. Перовского в Китае в 1858–1859 гг.....</i>	<i>91</i>
Глава 2. Нелегкий год. Первый период деятельности миссии Н.П. Игнатъева в Китае	119
§ 1. <i>Краткие сведения о жизни и деятельности Н.П. Игнатъева</i>	<i>119</i>
§ 2. <i>Подготовка миссии Н.П. Игнатъева.....</i>	<i>126</i>
§ 3. <i>От Москвы до Пекина.....</i>	<i>138</i>
§ 4. <i>“Переговорами здесь положительно ничего нельзя добиться”: первые месяцы дипломатической деятельности Н.П. Игнатъева в Пекине.....</i>	<i>150</i>
§ 5. <i>От незначительных улучшений – к прежнему положению. Отъезд Н.П. Игнатъева из Пекина.....</i>	<i>183</i>
Глава 3. Неожиданный успех. Второй период деятельности миссии Н.П. Игнатъева в Китае	196
§ 1. <i>От Бэйтана до Тяньцзиня. В поисках решения.....</i>	<i>196</i>
§ 2. <i>От Тяньцзиня до Пекина. Переворот в положении Н.П. Игнатъева</i>	<i>214</i>
§ 3. <i>Снова в столице. Пекинский договор – триумф Н.П. Игнатъева</i>	<i>225</i>
Глава 4. Последствия поездки Н.П. Игнатъева в Китай.....	247
Заключение	271
Список источников и литературы	281

Введение

В середине XIX в. русско-китайские взаимоотношения, до этого протекавшие мирно, но не активно, испытали качественные изменения. Было бы неверно утверждать, что на Китай до этого времени не обращали внимания, но внешнеполитические интересы России были устремлены в другом направлении – в Западную Европу, на Ближний Восток и Кавказ. Упомянутые ранее изменения были обусловлены целым рядом причин. Во-первых, поражение в Крымской войне заставило Россию обратить более пристальное внимание на ранее малознакомые и считавшиеся второстепенными регионы – Среднюю Азию и Дальний Восток. Россия сосредоточивалась, но это не означало перехода к полной пассивности во внешней политике. Во-вторых, в первой половине XIX в. началось проникновение в Китай других крупных европейских держав, прежде всего Англии и Франции, связанное с известными «опиумными» войнами. В Петербурге не могли оставаться простыми наблюдателями, в том числе и по той причине, что русско-китайская граница, считавшаяся во многих местах условной, имела огромное протяжение и политика невмешательства могла привести к сосредоточению в пограничных регионах потенциально враждебных ей сил. Наконец, в-третьих, определенное значение имели и экономические мотивы, связанные с русско-китайской торговлей, испытывавшей значительные ограничения.

В 1858 г. были заключены Айгунский и Тяньцзиньский договоры с Китаем, которые, казалось, решали большинство поставленных задач. Однако сложная международная обстановка и традиционные особенности китайской дипломатии, часто неподвластные пониманию европейцев того времени, привели к практически патовой ситуации, когда заключенные договоры не были официально признаны. Именно в этих условиях возникла необходимость отправки в Поднебесную империю новой миссии, которая должна была сочетать в себе как военный, так и дипломатический аспекты. Руководство этим посольством было поручено недавно с

успехом исполнившему тяжелейшее поручение в Средней Азии 27-летнему свитскому генерал-майору Николаю Павловичу Игнатьеву.

Научная значимость и актуальность. История развития отношений между Россией и Китаем в XIX в. до сих пор включает в себя недостаточно изученные вопросы, одним из которых является контекст подписания в 1860 г. Н.П. Игнатьевым Пекинского договора – одного из ключевых документов, определившего последующие взаимоотношения обеих стран. Актуальность исследования обусловлена также тем, что в нем рассмотрение данного вопроса увязано с анализом деятельности лица, которое впоследствии стало видным представителем российской бюрократии, – Н.П. Игнатьева. Изучение дипломатической миссии Н.П. Игнатьева в Китай важно для анализа начальных этапов его государственной деятельности. Таким образом, тема диссертации важна как для исследования внешней политики России, так и для реконструкции биографии фигуры, сыгравшей спустя годы после своей пекинской миссии важную роль в формировании внутренней политики страны.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является процесс выработки русско-китайских межгосударственных отношений во второй половине 1850-х гг. Предмет исследования – деятельность Н.П. Игнатьева в Китае в 1859–1860 гг. как одна из наиболее важных вех этого процесса.

Хронологические рамки исследования в основном ограничиваются 1856–1860 гг., то есть периодом заметной активизации внешней политики России на Дальнем Востоке. В указанный период времени внимание Российской империи в этом регионе было сфокусировано главным образом на Китае, вследствие чего русско-японские и русско-корейские отношения практически не затрагиваются в настоящей работе.

Территориальные границы исследования обусловлены его объектом и предметом и совпадают с рубежами Российской и Цинской империй в указанных хронологических рамках. Рассматриваемые в диссертации события происходили преимущественно в Пекине и Санкт-Петербурге.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – восстановление полной и

исторически достоверной картины деятельности Н.П. Игнатьева в период его пребывания в Китае в рамках планов дальневосточной внешней политики России во второй половине 1850-х гг. Для реализации данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

– рассмотреть причины активизации внешней политики России на Дальнем Востоке, принципы и механизмы реализации поставленных российским правительством в этом отношении задач, а также деятельность Н.Н. Муравьева, Е.В. Путятин и П.Н. Перовского с целью вписать миссию Н.П. Игнатьева в исторический контекст и выделить главные причины ее отправки в Китай в начале 1859 г.;

– изучить процесс подготовки миссии к отправке;

– систематизировать и изложить деятельность миссии и особенно ее руководителя с момента отъезда в Китай и до возвращения в Россию;

– проанализировать результаты миссии Н.П. Игнатьева для формирования внешнеполитической линии России в отношении Китая в последующие годы;

– оценить место и значение миссии Н.П. Игнатьева в истории российской внешней политики и ту роль, которую сыграло данное поручение в дальнейшей карьере этого дипломата.

Методологическая основа исследования представляет собой комплекс общенаучных и специальных исторических принципов, подходов и методов. Особое значение для работы имели принципа историзма и объективности.

Принцип историзма ориентировал автора на анализ деятельности Н.П. Игнатьева в тесной взаимосвязи с окружавшей его общественно-политической обстановкой и в рамках той международной ситуации, которая влияла на выполнение им его дипломатической миссии.

Принцип объективности нацеливал на оценку результатов деятельности Н.П. Игнатьева в соответствии с теми возможностями, которые были обусловлены окружавшей его действительностью.

Оба указанных принципа в исследовании реализовывались путем достижения синтеза:

– историко-антропологического подхода, объясняющего историю как результат человеческой деятельности;

– историко-генетического подхода, предполагающего рассмотрение деятельности человека в ее развитии, с учетом особенностей его происхождения, влияния ближайшего окружения, условий общественного и служебного положения;

– историко-сравнительного и историко-типологического методов, позволяющих объективно, адекватно и всесторонне оценивать качественный уровень итогов деятельности изучаемого лица.

Степень изученности темы. Освещение темы исследования и отдельных ее аспектов в историографии на первый взгляд представляется обстоятельным, что находит отражение в целом ряде разноплановых работ, охватывающих большой хронологический промежуток.

Тем не менее собственно миссия Игнатьева в Китай заинтересовала всего двух исследователей. В 2005 г. была опубликована статья А.П. Толстых, в которой он ставит цель «восполнить недостаток информации» о биографии Игнатьева. Автор использует как мемуары Н.П. Игнатьева, которым склонен доверять практически безоговорочно, так и архивные материалы¹. Однако, в основном он ограничивается хронологическими рамками воспоминаний (август–ноябрь 1860 г.), рассматриваемых в качестве основного источника, и практически не уделяет внимания предшествующим событиям. В работе присутствуют и достаточно грубые ошибки (например, военным министром в 1859 г. назван Ф.А. Ридигер, в то время как на самом деле им являлся Н.О. Сухозанет; лорд Элгин – командующим английскими войсками вместо посланника и пр.)². Содержание статьи, цель ее написания и объем позволяют

¹ Толстых А.П. Деятельность Н.П. Игнатьева в Китае в 1859–1860 гг. // Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 9. Воронеж, 2004. С. 117–118.

² Там же. С. 119–120.

говорить о ней именно как об ознакомительной, не претендующей на серьезное изучение всего корпуса источников и литературы.

Еще одну специальную работу китайской миссии Игнатьева посвятил американский исследователь Марк Мэнколл³. Его статья основана только на опубликованных русскоязычных источниках, главные из которых – мемуары Игнатьева. Для зарубежной историографии она явилась первым опытом обращения к данной тематике, перекликаясь со статьей А.П. Толстых по характеру и содержанию.

В исследованиях, посвященных более общим темам, довольно много внимания уделяется пребыванию Н.П. Игнатьева в Китае. Отечественную дореволюционную историографию нельзя назвать обширной. Впервые широкая публика смогла узнать о событиях, сопровождавших миссию Игнатьева в Пекине, уже в 1861 г., когда появилась изданная отдельной книгой статья иркутского чиновника Д.И. Романова⁴. Книга основана, скорее всего, на рассказах самого Николая Павловича. Вот что автор пишет о его роли в заключении Пекинского договора: «Такой громкий и блестящий дипломатический успех, доставивший России такие важные и неожиданные результаты и поставивший ее значение в Китае на такую высокую степень могущества, является каким-то небывалым, поразительным эпизодом в сношениях России с Китаем»⁵. Однако данное сочинение носит публицистический характер и с трудом может называться исследованием.

Первой же серьезной попыткой подробно рассказать читателю о деятельности российского посланника в Китае, еще до выхода его воспоминаний, стала статья П. Шумахера, опубликованная в журнале «Русский архив» в 1878 г.⁶. Автор, больше известный как поэт и литератор, служил в 1860-е гг. чиновником особых поручений

³ *Mancall M.* Major-General Ignatiev's Mission to Peking, 1859–1860 // *Papers on China*. Harvard: Harvard University, East Asian Research Center. Vol. 10. 1956. P. 55–96.

⁴ *Романов Д.И.* Последние события в Китае и значение их для России. Иркутск, 1861.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ *Шумахер П.* К истории приобретения Амура, сношения с Китаем с 1848 по 1860 год // *Русский архив*. 1878. № 3. С. 257–342.

при генерал-губернаторе Восточной Сибири, постоянно пребывал в разъездах и успел многое узнать об этом регионе. Для написания статьи он воспользовался не только своими впечатлениями, но и многочисленными служебными документами, хранившимися в канцелярии генерал-губернатора и в других ведомствах. К сожалению, единственное указание на их происхождение дал сам Шумахер в подзаголовке к статье: «неопубликованные источники», без каких-либо уточнений. Исследование содержит действительно уникальную информацию, но в целом является скорее попыткой простого хронологического изложения событий. Это касается и миссии Игнатьева, которой автор не дает никакой оценки, ограничиваясь перечислением ее главных итогов⁷. Тем не менее имеющаяся в статье информация может служить ценным подспорьем для восстановления элементов адекватной картины происходящего на Дальнем Востоке в середине XIX в.

Спустя 24 года появилась книга барона А. Буксгевдена «Русский Китай», первый (и, как оказалось, единственный) том которой посвящен Пекинскому договору 1860 г.⁸ Автор – молодой офицер флота, проходивший службу на Дальнем Востоке. Подтверждением того, что А. Буксгевден опирался на мемуары самого Игнатьева, является найденная в процессе работы в ГА РФ записка, адресованная Игнатьеву и датированная 1900 г. В ней автор будущей книги писал: «Позволяю себе принести мои искренние поздравления с 40-летним юбилеем одного из замечательнейших договоров, заключенных когда-либо. Изучение его истории в настоящий момент является в высшей степени своевременным, и польза, которую оно может принести обществу теперь – несомненна. Поэтому я воспользовался разрешением вашего сиятельства, переданным мне Вашим сыном Владимиром, и, изучив напечатанные по этому вопросу труды Ваши, составил (пока еще начерно) очерк, озаглавив его «Пекинский договор». Работу эту позволяю себе представить на благоусмотрение и в

⁷ Там же. С. 304–333.

⁸ Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических отношений России с Китаем. I. Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902.

полное распоряжение вашего сиятельства»⁹. Понимая общественное значение своего труда, но ссылаясь на отсутствие свободного времени, достаточного количества источников и знаний по истории Востока, автор заключал, что не может написать ничего иного, кроме компиляции, но отмечал главное: «Никто не будет в состоянии отнять от работы ее силы, заключающейся в замечательных фактах, которые я лишь передаю»¹⁰. На эту компилятивность труда А. Буксгевдена указывала В.М. Хевролина¹¹. Игнатъев принимал большое участие в подготовке данной книги, серьезно редактируя текст, и в 1902 г. получил ее экземпляр¹².

Такой же компилятивный характер носит статья К. Губастова, опубликованная в сборнике памяти Игнатъева, выпущенном Славянским благотворительным обществом в 1909 г.¹³. Тогда же в «Военном сборнике» появилась большая статья генерал-лейтенанта Г.И. Тимченко-Рубана, основанная главным образом на материалах государственных архивов и посвященная историческому обзору присоединения к России территорий на Дальнем Востоке¹⁴. Для описания вклада Игнатъева в этот процесс в статье отведено всего несколько страниц, после чего следует вывод, что «Пекинским трактатом завершился акт присоединения к России Приамурья и Уссурийского края»¹⁵. Стоит заметить, что в статьях Тимченко-Рубана и Шумахера наблюдается вполне оправданное желание показать огромную роль Н.Н. Муравьева-Амурского в деле присоединения и освоения территорий на Дальнем Востоке, деятельность же Игнатъева оценивается как второстепенная, а его заслуги – как результат удачно сложившихся обстоятельств.

⁹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2491. Л. 15.

¹⁰ Там же. Л. 19 об.

¹¹ *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат. М., 2009. С. 77.

¹² ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2491. Л. 1, 25.

¹³ *Губастов К.А.* Миссия генерала Н.П. Игнатъева в Пекин // Памяти графа Н.П. Игнатъева. Речи, произнесенные на торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества 30 ноября 1908 г. СПб., 1909. С. 6–18.

¹⁴ *Тимченко-Рубан Г.* Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края // Военный сборник. 1909. № 12. С. 181–222.

¹⁵ Там же. С. 218–222.

После Октябрьской революции 1917 г. в отечественной исторической науке произошел глобальный переворот, прежде всего в идеологическом смысле. 1920-е гг., ставшие своеобразным переходным периодом, в рамках которого уживались как относительно нейтральные, так и новые тенденции, ознаменовались выходом публикации А.Л. Попова в журнале «Красный архив»¹⁶. Автор, на основании архивных документов официального происхождения (в сносках даются только их названия, без указания места хранения), пытался выяснить, каким образом выстраивалась генеральная линия российской дипломатии в отношении Китая на протяжении восстания тайпинов. В данный хронологический промежуток попадает и китайская миссия Н.П. Игнатьева. Собственные мысли автора ограничиваются выводом о том, что, предписывая Игнатьеву принять возможные меры по сохранению в Китае правящей династии, российское правительство тем самым способствовало подавлению тайпинского восстания.

В 1950-е гг. немногословные упоминания о деятельности Н.П. Игнатьева в Китае встречаются в обобщающих трудах «Международные отношения на Дальнем Востоке» и «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке»¹⁷. В монографии П.И. Кабанова «Амурский вопрос» основное внимание автора сосредоточено на деятельности Н.Н. Муравьева, и он не располагает большим количеством неопубликованных источников, но переговоры Игнатьева в Пекине освещены достаточно подробно, целостно и вписаны в контекст широкого движения России на Дальний Восток в середине XIX в¹⁸.

Всплеск интереса к истории взаимоотношений России и Китая произошел в результате обострения советско-китайских отношений в конце 1960-х гг., которое

¹⁶ Попов А.Л. Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания // Красный архив. 1927. № 21. С. 182–199.

¹⁷ Международные отношения на Дальнем Востоке (1840–1949) / Под общ. ред. чл.-корр. АН СССР Е.М. Жукова. М., 1956. С. 46–47 ; Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860–1895). М., 1956. С. 123–125.

¹⁸ Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959. С. 241–242, 245–252.

привело в т.ч. и к «информационной войне», проявившейся в исторической науке. С обеих сторон выпускались монографии, сборники статей и отдельные статьи, посвященные развенчанию «исторических мифов». Так, в 1979 г. вышел сборник под названием «Пекин: курсом провокаций и экспансий». В одной из статей, написанной А.Л. Нарочницким и Л.Г. Бескровным, прослеживается история русско-китайских отношений в XIX в., где кратко упомянуто и о деятельности Н.П. Игнатьева (названного «начальником российской военной миссии»), которому авторы отдают должное в подписании важнейшего для России Пекинского договора и спасении Пекина от разграбления войсками союзников¹⁹. Спустя 3 года появилась публикация «Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений»²⁰. А.А. Брежнев в своей статье о позиции России относительно тайпинского восстания в Китае обратил внимание и на действия Игнатьева. В частности, автору удалось опровергнуть распространенное убеждение, что именно российский посланник предложил китайским властям помощь в подавлении массовых выступлений²¹. С.И. Повальников, рассматривавший позицию России в урегулировании англо-франко-китайского конфликта, касаясь усилий Н.П. Игнатьева отмечал, что во многом именно благодаря им Цинская империя была спасена от тяжелейшего военного поражения²². А.Н. Хохлов, поднимая вопрос о военной помощи России Китаю в конце 1850-х гг., также не обошел стороной вклад Игнатьева в его решение путем установления вторичной договоренности о присылке оружия и военных инструкторов²³. Несмотря на обращение в каждом случае к довольно узким

¹⁹ Бескровный Л.Г., Нарочницкий А.Л. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX в. // Пекин: курсом провокаций и экспансии. М., 1979. С. 190–192.

²⁰ Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982.

²¹ Брежнев А.А. Россия и крестьянская война тайпинов // Там же. С. 188–190, 195–209, 203.

²² Повальников С.И. Война Англии и Франции против Китая (вторая «опиумная» война 1856–1860 гг.) и позиция России // Там же. С. 275–282.

²³ Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война и вопрос о помощи России Китаю // Там же. С. 313–316, 319–326.

проблемам, вышеуказанные статьи явились, по сравнению с предыдущим этапом, серьезным продвижением вперед в изучении интересующей нас темы.

В конце 1980-х гг. несколько монографий, посвященных истории развития русско-китайских отношений, было выпущено непосредственно на Дальнем Востоке. Миссия Н.П. Игнатъева в Китай и связанные с ней события в дальневосточном регионе были описаны Е.Л. Беспрозванных в его книге, посвященной роли Приамурья во взаимоотношениях России и Китая, и в коллективной монографии об истории северо-восточного Китая²⁴. Деятельность Н.П. Игнатъева рассматривается в них в самом общем виде без привлечения новых источников информации.

В постсоветский период анализ деятельности Н.П. Игнатъева в Китае отражен в нескольких кандидатских диссертациях. В 1999 г. иркутский исследователь А.В. Козюра в своей работе, посвященной главным образом Н.Н. Муравьеву-Амурскому, уделил отдельную главу его взаимоотношениям с Н.П. Игнатъевым, которые называет «дипломатическим альянсом»²⁵. При этом автор не уделяет достаточного внимания действиям российского уполномоченного и стремится выпукло обозначить роль генерал-губернатора Восточной Сибири в заключении Пекинского договора. В 2005 г. была защищена диссертация А.П. Толстых, которую он посвятил обзору государственно-дипломатической деятельности Н.П. Игнатъева в 1856–1878 гг. Скорее всего, именно большой хронологический промежуток, избранный автором, не позволил ему с нужной тщательностью проработать архивные фонды и исследовательскую литературу. Фрагмент исследования, посвященный китайскому периоду в деятельности дипломата, носит обзорный характер и в нем практически не использованы архивные материалы²⁶. Очевидно, в основе лежит уже упомянутая

²⁴ *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск, 1986. С. 270–278 ; История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.). Владивосток, 1987. С. 235–236, 248–250.

²⁵ *Козюра А.В.* Н.Н. Муравьев-Амурский и становление дальневосточной политики России, 1848–1860 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1999. С. 124–157.

²⁶ *Толстых А.П.* Государственно-дипломатическая деятельность Н.П. Игнатъева в 1856–1878 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2005. С. 45–59.

статья А.П. Толстых. В 2010 г. казанский исследователь Е.Г. Темников защитил диссертацию о межгосударственных отношениях России и Китая во второй половине XIX в., один из параграфов которой посвящен миссии Н.П. Игнатъева и заключению Пекинского договора²⁷. Автор активно использует документы из фондов АВПРИ, в т.ч. ежегодные отчеты МИД, но не привлекает материалы личного фонда Игнатъева в ГА РФ. Он не рассматривает подробно переговоры, которые в течение полутора лет дипломат вел в столице Китая, и сосредоточивает основное внимание на обстоятельствах заключения Пекинского договора.

В монографии В.М. Хевролиной, посвященной биографии Н.П. Игнатъева как дипломата, отдельная глава посвящена поездке Игнатъева в Китай. Сегодня она является наиболее серьезной попыткой рассмотрения этого вопроса. Привлеченные материалы ГА РФ и АВПРИ, а также использование опубликованных мемуаров Игнатъева позволили автору достаточно подробно осветить обстоятельства его деятельности, плоды которой так и не были использованы российским правительством в полном объеме²⁸. Однако обобщающий характер работы В.М. Хевролиной обусловил неглубокую проработку архивных материалов, в результате чего фонд архива миссии, хранящийся в АВПРИ так и не был использован, как и другие важные неопубликованные документы. Остались практически без внимания многочисленные отчеты Игнатъева, посылаемые им своему начальству, богатейшие материалы личной переписки с коллегами и родными, и проч.

Зарубежная историография также не обошла вниманием китайскую миссию Н.П. Игнатъева. На раннем этапе, видимо, за неимением достаточного количества источников, этот вопрос подробно практически не рассматривался. Так, в работе 1899 г. «Россия на Тихом океане...» Зенон Вольпичелли лишь упоминает об отправке «политического агента» в Пекин, результатом деятельности которого стало

²⁷ Темников Е.Г. Межгосударственные отношения России и Китая во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Казань, 2010. С. 111–145.

²⁸ Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатъев ... С. 71–107.

«дипломатическое оформление русской оккупации» Дальнего Востока²⁹. Вышедшая через два года книга французского ученого Анри Кордые содержит всего два упоминания о Н.П. Игнатеве и о его пребывании в Китае в одно время с французским дипломатом Гро³⁰. Десятилетие спустя Х.Б. Морзе, посвятив свое исследование внешней политике Китая (без использования русскоязычных источников), затронул только взаимоотношения русского уполномоченного с английскими и французскими дипломатами, не обращая внимания на его роль в урегулировании европейско-китайского конфликта³¹.

Значительно позже, в 1960-е гг., скорее всего, в связи со 100-летним юбилеем Тяньцзинских, а потом и Пекинских соглашений, появилась целая серия работ, посвященных международным отношениям на Дальнем Востоке в 1850–1860-е гг. Профессор Калифорнийского университета И.Ч.Й. Хсю в книге «Вхождение Китая в сообщество наций: дипломатическая фаза» сосредоточился, главным образом, на европейско-китайских взаимоотношениях. Но тем не менее он уделил небольшое внимание и деятельности Н.П. Игнатьева (с опорой на сочинения А. Буксгевдена и П. Шумахера), который, по его мнению, добился успеха только благодаря боязни китайских сановников потенциального присоединения русского дипломата к союзникам, а после их отъезда предъявил в Пекине слишком высокий счет за свои посреднические услуги³². В 1964 г. увидела свет книга японского ученого М. Банно под названием «Китай и Запад». Переговорам Н.П. Игнатьева с китайским правительством автор посвятил отдельную главу, написанную с опорой не только на опубликованные мемуары дипломата, но и на материалы китайских архивов³³. Книга

²⁹ *Vladimir [Zenone Volpicelli] Russia on the Pacific and the Siberian Railway*. London, 1899. P. 262–263.

³⁰ *Cordier H. Histoire des Relations de la Chine avec les puissances occidentales*. 1860–1900. Paris, 1901. P. 41, 45.

³¹ *Morse H.B. The international relations of the Chinese Empire: The period of conflict, 1834–1860*. London, 1910. P. 612–613.

³² *Hsü I.C.Y. China's Entrance to the Family of Nations, the Diplomatic Phase, 1858–1880*. Harvard, 1960. P. 103–105.

³³ *Banno M. China and the West. 1858–1861. The origins of the Tsungli Yamen*. Harvard, 1964. P. 141–169.

представляет собой в основном хронологическое изложение событий. Наконец, в монографии британской исследовательницы Р.К.И. Квестэд, изданной в 1968 г., рассмотрен, по ее словам, процесс «российской экспансии» в Восточной Азии, включающий и период деятельности Игнатьева в Поднебесной (о том, что самой экспансии автору найти так и не удалось, уже писали советские ученые³⁴)³⁵. Несомненным достоинством монографии Квестэд является детальная проработка материалов китайских архивов, в документах которых находит отражение отношение пекинских властей к русскому уполномоченному. В итоге Квестэд так оценивает деятельность Игнатьева: «Игнатьеву казалось, что он является куда более искусным дипломатом, чем другие, находившиеся в то время в Китае, и потому он может разыгрывать свою карту поистине в духе Макиавелли. Тем не менее его успех во многом был обязан захвату Пекина союзниками, что могло дать повод будущим китайским пропагандистам назвать его лакеем (“running dog”) Западного империализма. То, что он всегда и везде появлялся вслед за руководителями английских и французских сил, практически определило этот эпитет. Но в то же время стоит признать и то, что он оказал китайцам значительную помощь, не приложив для этого больших усилий, что он сделал больше, чем Путятин в 1858 г., который против собственной воли призывал к соглашению с союзниками <...>»³⁶. Здесь можно заметить определенную тенденциозность авторского подхода к рассмотрению событий середины XIX в. в Китае. Поскольку России в нем отводится роль экспансиониста, то оценка деятельности ее представителей имеет гиперкритический характер.

Определенный интерес к проблемам российского Дальнего Востока возник в конце XX в. в Германии. Д. Ландграф в 1987 г. выпустил объемную книгу об истории присоединения Амурского и Уссурийского регионов и о. Сахалин к Российской

³⁴ Повальников С.И. Война Англии и Франции ... С. 243.

³⁵ *Quested, R.K.I. The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. Kuala Lumpur, 1968. P. 194–281.*

³⁶ *Ibid. P. 281.*

империи³⁷. Автор не обошел вниманием и двухлетнюю деятельность Н.П. Игнатьева в Китае³⁸. В соответствующем разделе монографии Ландграф ограничился простым перечислением основных событий, с опорой на работы своих иностранных (прежде всего – Р.К.И. Квестэд) и советских (прежде всего – П.И. Кабанова) предшественников, а также на доступные русскоязычные опубликованные источники и публицистику.

В 1999 г. американский историк Дж. Л. Эванс предпринял еще одну попытку найти следы «русской экспансии» (правда, на сей раз в меньшем масштабе – на Амуре). В своей книге он подробно описывает и обстоятельства пребывания в Китае русского уполномоченного, посвятив этому сюжету две главы – «Пекинский провал Игнатьева» (о его переговорах с лета 1859 г. по лето 1860 г.) и «Пекинский трактат октября 1860 г.»³⁹. Обращает на себя внимание слишком громогласное определение «провал», примененное к стадии застоя в переговорах, и датировка Пекинского трактата октябрём 1860 г., в то время как он был подписан 2 (14) ноября. Исследование Эванса, основанное на сочинениях Игнатьева и Буксгевдена, не изобилует аналитическим материалом. Главный его вывод заключается в том, что Игнатьев (который назван «агентом» Н.Н. Муравьева-Амурского) «проявил ум в своих переговорах с Цинами, потому что ни разу не перешел дорогу интересам западных держав. Впрочем, – продолжает автор, – северо-восточная Азия находилась слишком далеко для англичан, чтобы они могли выразить свой протест. Вообще же Россия часто добивалась успеха в периферийных областях мира»⁴⁰. Эта цитата ярко показывает намерение автора возвеличить роль западных держав, принизив при этом достижения России, которое прослеживается во всем тексте его монографии.

Последняя на данный момент попытка освещения дипломатической миссии Игнатьева в Китае была предпринята в 2002 г. Д. Маккензи, считающийся одним из

³⁷ *Landgraf D.* Amur, Ussuri, Sachalin, 1847–1917. Neuried, 1987.

³⁸ *Ibid.* P. 399–449.

³⁹ *Evans J. L.* Russian expansion on the Amur (1848–1860). N.-Y., 1999. P. 139–160, 160–187.

⁴⁰ *Ibid.* P. 186.

главных биографов Н.П. Игнатьева, в заглавии своей монографии задается вопросом – можно ли назвать ее героя «лгуном-пашой»? В библиографическом списке в конце своей работы автор заявляет об использовании материалов ГА РФ и АВПРИ, что, однако, не находит подтверждения в двух главах, посвященных поездке российского дипломата в Китай – «Миссия в Пекин: год испытаний» и «Миссия завершена: Пекинский трактат»⁴¹. Маккензи воспользовался в качестве источников «Материалами...» и «Отчетной запиской...» самого Игнатьева, причем он практически неотступно соблюдает присутствующий там порядок изложения событий, прибегая к обильному цитированию. В этом отношении характер его труда мало чем отличается от сочинения А. Буксгевдена. Отмечая, что Игнатьев «достиг всех своих целей благодаря тяжелому и упорному труду», автор очень подробно рассказывает о тех наградах, которых Игнатьев был удостоен по приезду в Петербург, но не упоминает даже в двух словах о значении заключенного Игнатьевым договора в дальнейшей истории России⁴².

При проведении настоящего исследования нами использовались и общие работы, посвященные внешней политике России второй половины XIX века. Классической здесь может считаться монография Н.С. Киняпиной⁴³. Благодаря верности своему основному научному принципу, а именно – кропотливой работе прежде всего с архивными документами, Н.С. Киняпина сумела не только описать основные события указанного периода в области внешней политики, но и на основании имеющихся материалов подвергнуть глубокому анализу комплекс причин, приводивших к формированию главенствующих принципов деятельности Российской империи на международной арене. При работе над диссертацией были учтены наблюдения и выводы авторов коллективной монографии сотрудников Института российской истории (ИРИ) РАН «История внешней политики России. Вторая половина XIX

⁴¹ MacKenzie D. Count N.P. Ignat'ev: The Father of Lies? – N.-Y., 2002. P. 89–130, 131–202.

⁴² Ibid. P. 196.

⁴³ Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.

века»⁴⁴ и объемного труда О.Р. Айрапетова⁴⁵ (впоследствии расширенного до четырех томов⁴⁶), который в своем обзоре внешней политики Российской империи стремился охватить весь период XIX – начала XX вв.

В отдельную группу можно выделить работы, посвященные биографии Н.П. Игнатъева. После его смерти Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество, постоянным и деятельным членом которого он являлся, издало небольшую брошюру, содержащую речи, произнесенные на торжественном собрании общества в 1908 г.⁴⁷ Несмотря на откровенно апологетический характер речей, их можно рассматривать как одну из первых попыток анализа роли Н.П. Игнатъева в истории России XIX – начала XX вв. В 1932 г. в Софии был издан труд бывшего переводчика русского посольства в Константинополе А.М. Ону. По мнению автора, Игнатъев был прекрасным дипломатом и искренним патриотом, но «в своем патриотизме он доходил порой до настоящего фанатизма», что часто мешало ему установить трезвый взгляд на происходящее⁴⁸.

Главный вклад в изучение жизни и деятельности известного дипломата внесла В.М. Хевролина. В начале 1990-х гг. появились две научные статьи ее авторства, главной задачей которых было выделение основных этапов в дипломатической деятельности Игнатъева и отличительных черт, характеризующих его как дипломата⁴⁹. Окончательное выражение труды В.М. Хевролиной в этом направлении обрели в уже упоминавшейся выше монографии «Николай Павлович Игнатъев. Российский

⁴⁴ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1999.

⁴⁵ *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика России. 1801–1914. М., 2006.

⁴⁶ *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Тт. 1, 2. М. 2017 ; *Его же.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Тт. 3, 4. М., 2018.

⁴⁷ Памяти графа Н.П. Игнатъева. Речи, произнесенные на торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества 30 ноября 1908 г. СПб., 1909.

⁴⁸ *Ону А.М.* Граф Н.П. Игнатъев и внешняя политика России // Съезд русских академических организаций за границей. София, 1932. Труды. Ч. I. С. 435.

⁴⁹ *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатъев – дипломат // Портреты российских дипломатов. М., 1991. С. 137–160; *Ее же.* Российский дипломат Н.П. Игнатъев // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 136–153.

дипломат»⁵⁰. При создании этой книги автор ставила себе задачу написать биографию Н.П. Игнатьева с той целью, чтобы показать читателю своего героя с иной стороны, как крупного дипломата и искреннего патриота, не забывая, однако, и о слабых его сторонах. Как кажется, эта задача была решена В.М. Хевролиной с большим успехом.

Помимо этого, вспомогательными материалами для нас послужили исследования, посвященные непосредственной предыстории отправки российской миссии во главе с Игнатьевым в Китай⁵¹, а также те работы, где удалось почерпнуть

⁵⁰ *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев ...

⁵¹ *Cordier H.* L'expédition de Chine de 1857–1858: Histoire diplomatique. Paris, 1905 ; *Анисимов А.Л.* Борьба российской дипломатии против попыток Англии и Франции втянуть США в антицинский союз в период второй «опиумной» войны // *Americana*. Вып. 2: Материалы Международной научной конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия», г. Волгоград, 24–26 сентября 1997 г. Волгоград, 1997. С. 66–82 ; *Анисимов А.Л.* Нейтралитет России и США в период второй «опиумной» войны (1856–1860) // *Россия и политика держав в странах Востока*. Иркутск, 1991. С. 9–19 ; *Зарецкая С.И.* Внешнеполитический курс цинского правительства в период второй «опиумной» войны (1856–1860 гг.) // *Вопросы истории и историографии Китая*. М., 1968. С. 166–185 ; *Зарецкая С.И.* Внешняя политика Китая в 1856–1860 годах: отношения с Англией и Францией. М., 1976 ; *Илюшечкин В.П.* Крестьянская война тайпинов. М., 1967 ; *Кадырбаев А.Ш.* Итоги миссии российского посольства Е.В. Путятин в Китай. 1857–1858 годы // *Восточный архив*. 2018. № 2. С. 18–22 ; *Кадырбаев А.Ш.* На рубежах Дальнего Востока. Предыстория посольства Путятин в Китай (1844–1857) // *Родина*. 2010. № 4. С. 47–50 ; *Кадырбаев А.Ш.* От Кяхты до Бохайского залива: адмирал Е.В. Путятин на пути в Китай. 1857 год // *Восточный архив*. 2017. № 1. С. 4–13 ; *Кадырбаев А.Ш.* Подписание Тяньцзиньского договора и обретение Россией Приамурья и Уссурийского края // *Восточный архив*. 2018. № 1. С. 13–19 ; *Кадырбаев А.Ш.* Российское посольство Е.В. Путятин у берегов Поднебесной. Август–декабрь 1857 года // *Восточный архив*. 2017. № 2. С. 4–6 ; *Кадырбаев А.Ш.* Русская Америка или русский Дальний Восток? К вопросу о приоритетах российской политики в середине XIX века // *Восточный архив*. 2015. № 2. С. 4–6 ; *Кадырбаев А.Ш.* У истоков миссии Е.В. Путятин ко двору императора Цин // *Восточный архив*. 2014. № 2. С. 4–7 ; *Козюра А.В.* Российская историография о роли Н.Н. Муравьева-Амурского в становлении дальневосточной политики России // *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады Второй Международной научно-практической конференции*, г. Иркутск, 11–14 августа 1997 г. Кн. 2. Иркутск: ИГПУ, 1997. С. 28–32 ; *Мертваго Д.Б.* Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем, по 1860 год. СПб., 1884 ; *Плотникова М.М.* Внешнеполитическая деятельность на Дальнем Востоке графа Е.В. Путятин в контексте русско-китайских отношений XVII – середины XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2006 ; *Плотникова М.М.* Дипломатическая деятельность Е.В. Путятин // *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады Второй Международной научно-практической конференции*, г. Иркутск, 11–14 августа 1997 г. Кн. 2. Иркутск: ИГПУ, 1997. С. 32–41 ; *Плотникова М.М.* Проект договора между Россией и Китаем графа Е.В. Путятин // *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность / Доклады международной научно-практической конференции*. Кн. 1. Иркутск, 1995. С. 111–115 ; *Синиченко В.В.* Внутрибюрократическая борьба вокруг дальневосточной политики России (1856–1860) // *Диалог культур народов России, Сибири и стран*

сведения о жизни и деятельности его коллег – российских чиновников и военных⁵².

Поскольку деятельность Н.П. Игнатъева в Китае была направлена на расширение территории России на Дальнем Востоке, определенный интерес мы проявили как к сочинениям, описывающим этот регион в целом и его место в российской политике⁵³,

Востока. Кн. 1. Иркутск, 1998. С. 170–180 ; *Сладковский М.И.* Отношения между Россией и Китаем в середине XIX в. // Новая и новейшая история. 1975. № 3. С. 55–64 ; *Суворов В.А.* Н.Н. Муравьев-Амурский и закрепление за Россией Уссурийского края (1858–1860) // Россия и народы стран Востока / Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 1993. С. 19–32.

⁵² *Автономов А.С.* Российская дипломатия и пекинская духовная миссия в XVIII–XIX вв. // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999. С. 265–272 ; *Андреева С.Г.* Тяньцзиньский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) международные договоры и их влияние на судьбу Российской духовной миссии в Пекине // Тридцать третья научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Восточная литература, 2003. С. 81–89 ; *Болгурицев Б.Н.* Роль первой самостоятельной тихоокеанской эскадры под командованием И.Ф. Лихачева в заключении Пекинского договора // Российский флот на Тихом океане: история и современность / Материалы Тихоокеанской конференции, посвященной 300-летию Российского флота. Владивосток, 1996. С. 5–11 ; *Болгурицев Б.Н.* Русский флот на Дальнем Востоке (1860–1861 гг.): Пекинский договор и Цусимский инцидент. Владивосток, 1996 ; *Головин С.А.* Российская духовная миссия в Китае. Исторический очерк. Благовещенск, 2013 ; *Густерин П.В.* Архимандрит Аввакум (к истории подписания Тяньцзиньского трактата 1858 года) // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 197–200 ; *Единархова Н.Е.* Яков Парфеньевич Шишмарев // Русский консул в Монголии: Отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск, 2001 ; Краткая история Русской православной миссии в Китае: составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин, 1916 ; *Лапина В.Г.* Приобретатель для России Амура // Россия и АТР. 1998. № 4. С. 18–22 ; *Леценко Н.Ф.* Посол с погонами адмирала. Необычная судьба Е.В. Путятин (1804–1883) // Восточный архив. 2015. № 2. С. 7–11 ; *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002 ; *Матханова Н.П.* Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков // Из глубины времен. Вып. 8. СПб., 1997. С. 72–78 ; *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998 ; Очерки истории Министерства иностранных дел России / Редкол.: *И.С. Иванов* (председатель) [и др.]. Т. 1: 860–1917 гг. М., 2002 ; *Самойлов Н.А.* Пекинская духовная миссия во второй половине XIX в. // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 47–54 ; *Хитрова Н.И.* Дипломатическая деятельность Е.П. Ковалевского в 30-х–50-х годах XIX века // Портреты российских дипломатов. - М., 1991. С. 115–136 ; *Хохлов А.Н.* Китаист Д.А. Пещуров – дипломат и педагог // Восточный архив. 2014. № 1. С. 25–34.

⁵³ *Ravenstein E.G.* The Russians on the Amur: its discovery, conquest and colonization with a description of the country, its inhabitants and commercial capabilities and with personal accounts of Russian travelers. London, 1861 ; *Айранетов О.Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2015 ; *Завалишин Д.И.* Амурское дело и влияние его на Восточную Сибирь и государство, 1850–1863 гг. Очерк по документам и свидетельствам очевидцев // Русская Старина. 1881. Т. XXXII. С. 75–100 ; *Максимов С.* Заселение реки Амура // Морской сборник. 1861. № 10. С. 209–243 ; *Романов Д.И.* Присоединение Амура к России // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2001. : 1) № 3. С. 11–69 ; 2) № 4. С. 3–79 ; *Синиченко В.В.* Восточная Сибирь в

так и отражающим процесс развития русско-китайских отношений⁵⁴ и формирования границы между двумя государствами⁵⁵.

Наконец, отдельного упоминания заслуживают труды, содержащие анализ русско-китайских экономических отношений⁵⁶, позволяющие составить впечатление

российско-китайских отношениях (середина 50-х гг. XIX века – 1884 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1998.

⁵⁴ *Бутины, братья* Исторический очерк сношений русских с Китаем. Иркутск, 1871 ; *Гордеев Н.В., Васильева Г.В.* Проблемы приграничного сотрудничества России и Китая: история и современность. Иркутск, 2003 ; *Ефимов Г.В.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951 ; *Козюра А.В.* К вопросу о русской военной помощи Китаю (конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в.) // Диалог культур народов России, Сибири и стран Востока. Кн. 1. Иркутск, 1998. С. 127–131 ; *Кюннер Н.В.* Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. 3. Владивосток, 1912 ; *Мартенс Ф.Ф.* Россия и Китай: историко-политическое исследование. СПб., 1881 ; Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития русско-китайских отношений / Под ред. *А.В. Лукина*. М., 2013 ; *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии русско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2016 ; *Темников Е.Г.* Территориальный вопрос в межгосударственных отношениях России и Китая во второй половине XIX в. // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 149. Кн. 4. Гуманитарные науки. 2007. С. 203–209 ; *Фань В.-Л.* Новая история Китая. Т. 1 / перевод с кит. Р.В. Вяткин [и др.], ред. и предисл. В.Н. Никифоров. М., 1955 ; *Хохлов А.Н.* Военная помощь России Китаю в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в. // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (история и экономика). М., 1967. С. 121–130 ; *Хохлов А.Н.* Попытки укрепления манчжурских восьмизнаменных войск в Китае во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 203–242 ; *Чан Ц.* Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая. 1835–1908 / Пер. с англ. С.А. Белоусова. М., 2019.

⁵⁵ *Анисимов А.Л.* Неизвестная граница: к вопросу о русско-цинском разграничении в Приамурье в первой половине 50-х г. XIX в. // Вестник международного центра азиатских исследований. Кн. 1. Иркутск, 1999. С. 110–117 ; Границы Китая: история формирования / Под ред. *В.С. Мясникова*. М., 2001 ; *Захаренко И.А.* История географического изучения и картографирования Дальневосточного пограничного пространства России и Китая (середина XVII – начало XX в.). Минск, 2009 ; *Иванов А.Ю.* Пекинский договор 1860 г. и проблема урегулирования пограничных вопросов между Россией и Кореей (1860–1885 гг.) // Корейский полуостров: время новых вызовов: Доклады, представленные на XIII научной конференции корееведов России и стран СНГ, г. Москва, 30–31 марта 2009 г. М., 2009. С. 221–235 ; *Киреев Г.В.* Россия – Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М., 2006 ; *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М., 1996 ; *Попов В.Г.* Русские и маньчжуры на Амуре: неизвестные факты из истории подписания и ратификации Пекинского договора // DIXI–2012: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов: вып. 3 / под науч. ред. А.Ю. Завалишина. Хабаровск, 2012. С. 29–38 ; *Постников А.В.* История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М., 2015.

⁵⁶ *Единархова Н.Е.* Кяхтинская торговля и англо-русское соперничество в Китае в 40–60-х гг. XIX в. // Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1978. С. 109–116 ; *Единархова Н.Е.* Вопросы русско-китайской торговли и режима купцов в

об их состоянии до заключения Н.П. Игнатьевым Пекинского договора и о тех изменениях, которые произошли после этого события.

В целом анализ исследований, посвященных жизни и деятельности Н.П. Игнатьева, свидетельствует о том, что его роль в российско-китайских отношениях, и особенно в заключении Пекинского договора, не получила в историографии должного освещения и анализа. В ее истории остаются еще лакуны, требующие изучения, уточнения и современных оценок. Однако следует заметить, что комплекс использованной литературы помог автору диссертации реконструировать обстановку, на фоне которой состоялась поездка Н.П. Игнатьева и его коллег по дипломатической миссии в Китай в 1859–1860 гг.

Источниковая основа диссертации включает опубликованные и неопубликованные (архивные) исторические материалы разных видов, в т. ч. законодательные (договоры России с иностранными государствами) и

Пекинском договоре 1860 года между Россией и Китаем // Проблемы социально-экономического развития стран Востока. Иркутск, 1981. С. 11–13 ; *Коваль М.В.* Пограничная русско-китайская торговля в XIX в. // Вестник РУДН. Серия История России. 2013. № 3. С. 20–30 ; *Корсак А.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857 ; Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений через Кяхту. М., 1896 ; *Крит Н.К.* Будущность Кяхтинской торговли. СПб., 1862 ; *Крит Н.К.* Заметка о торговых путях из Китая в Россию через Азиатскую границу // Известия ИРГО. 1865. Т. 1. С. 17–37 ; *Носков И.* Кяхтинская торговля за последние восемь лет. СПб., 1870 ; *Покровский В.И.* Статистические сведения о торговле России с Китаем. СПб., 1909 ; *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке XIX – начало XX в. М., 1987 ; *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Ч. 3. СПб., 1859 ; *Скальковский К.* Русская торговля в Тихом океане. СПб., 1883 ; *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974 ; *Сладковский М.И.* Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957 ; *Субботин А.П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб., 1892 ; *Хохлов А.Н.* История с караваном, отправленным из Кяхты в Пекин в 1861 г. (К характеристике позиции цинского правительства в отношении русско-китайской торговли после Пекинского договора 1860 г.) // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1983. С. 136–148 ; *Хохлов А.Н.* Русско-китайская торговля и политика России в отношении Китая (вторая половина XIX в.) // Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1988. С. 18–38 ; *Хохлов А.Н.* Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. – 50-е годы XIX в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 99–147.

делопроизводственные (служебные записки, донесения, журналы заседаний) документы, мемуары и эпистолярный.

При работе над диссертацией особую роль сыграло изучение архивных материалов, которое позволило не только уточнить и дополнить сведения имеющихся опубликованных источников, привлекавших внимание подавляющего большинства исследователей, но и изучить те аспекты темы, которые ранее оставались вне поля зрения историографии по причине ограниченной источниковой базы. *Неопубликованные* источники выявлялись в трех архивохранилищах: в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА).

В ГА РФ хранится обширный личный фонд Н.П. Игнатъева, сформированный по большей части из документов его собственного архива (ф. 730), который насчитывает 5266 единиц хранения. Он включает разнообразные документы – от паспортов, формулярных списков и метрических выписок до личной переписки самого Игнатъева и членов его семьи и т.д.

В ГА РФ обследовался также личный фонд, принадлежащий кяхтинскому градоначальнику А.И. Деспоту-Зеновичу (№ 916, 60 ед.хр.). Извлеченная из него информация позволила дополнить картину происходивших событий. Особую ценность в этом ключе представляют сведения о состоянии русско-китайской сухопутной торговли.

Не меньшее значение для настоящей работы имели документы АВПРИ, отложившиеся на протяжении двухвековой (с начала XVIII в.) истории министерства (а до этого – коллегии) иностранных дел России. В этом архиве информация выявлялась в пяти фондах: № 133 («Канцелярия», 28837 ед.хр.), № 143 («Китайский стол», 3438 ед.хр.), № 154 («Азиатский департамент», 6524 ед.хр.), № 161 («Санкт-Петербургский Главный Архив», 91686 ед.хр.) и № 188 («Миссия в Пекине», 1599 ед.хр.).

Найденные в этом архиве материалы имеют весьма разнообразный характер: это отчеты министра А.М. Горчакова императору Александру II; межведомственная переписка МИД с военным и морским министерствами; журналы Особого Амурского комитета; инструкции, отправленные министром Игнатьеву как полномочному посланнику в Китае, отчетные бумаги Императорской Российской духовной миссии в Пекине и др.

Миссия Н.П. Игнатьева в Китай имела значение не только для МИД, но и для военного министерства, материалы деятельности которого, по большей части, отложились в Российском государственном военно-историческом архиве. Интересные для исследования по поставленной проблеме документы отложились в фонде № 38 («Департамент генерального штаба», 9006 ед.хр.).

Использованные в работе *опубликованные* источники написаны как на русском, так и на иностранных языках.

В 1858 и 1860 гг. Россия и Китай подписали Тяньцзиньский, Айгунский и Пекинский договоры, а в 1864 г. – Чугучакский протокол, тексты которых являются *законодательными источниками*⁵⁷. Заключение трактатов в определенном смысле было целью деятельности российских уполномоченных – Е.В. Путятин, Н.Н. Муравьева-Амурского и Н.П. Игнатьева. Изучение этих документов необходимо для оценки результатов, которых достигла Россия в своей политике по отношению к Китаю в указанный период.

Наибольшую ценность при работе над диссертацией представляли *делопроизводственные документы*.

Значительное количество делопроизводственной документации содержится в личном фонде Игнатьева в ГА РФ. Это его аналитические записки по самым разным вопросам (о текущей политической ситуации в Китае, о сфере компетенции Российской духовной миссии, о мерах по улучшению состояния российско-китайской

⁵⁷ Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. М., 1958. С. 46–49; Сборник договоров России с Китаем (1689–1881 гг.). СПб., 1889. С. 110–112, 122–130, 159–172.

торговли, о необходимости учреждения дополнительных консульств и конкретных вопросах их будущей деятельности и т. д.); донесения, регулярно отправлявшиеся им в Министерство иностранных дел (МИД) о политической обстановке в «Срединном государстве» и ходе дипломатических переговоров; рапорты и записки подчиненных (капитана I ранга Лихачева, секретаря духовной миссии Попова и др.).

В фонде «Китайский стол» АВПРИ особый интерес представляло дело (№ 3033) «Архив китайской миссии Н.П. Игнатъева». Здесь сохранились инструкции Н.П. Игнатъеву из Военного министерства, отражающие бюрократический процесс подготовки миссии к отправлению; оригиналы и дубликаты переписки Игнатъева с МИД, должностными лицами Восточной Сибири, китайскими сановниками и др., значительная часть которых (к примеру, некоторые донесения российского посланника Н.Н. Муравьеву-Амурскому) ранее не вводилась в научный оборот. Кроме того, большую ценность имеют регулярно отправлявшиеся донесения посланника в Китае в Санкт-Петербург, к которым всегда прикладывались копии упомянутых в них документов – писем, официальных сообщений, рапортов и др. (многие из них встречаются здесь в единичном экземпляре). Официальная переписка П.Н. Перовского с китайским правительством (д. 3037) дополнила имеющиеся в опубликованных источниках весьма немногочисленные сведения и позволила подробно рассмотреть переговоры предшественника Н.П. Игнатъева в Пекине.

Скрупулезно собранные официальные бумаги отправлявшихся в Поднебесную посольств и миссий (Е.В. Путятин, П.Н. Перовского, Н.П. Игнатъева и др.) при работе над диссертацией были выявлены в фонде «Санкт-Петербургский Главный архив» АВПРИ. Документы из единицы хранения № 15 за 1859 г., разделенной на две части (совокупный объем более 1000 листов), практически никогда ранее не были использованы в научной литературе. Такое положение дел кажется нам достаточно странным, т.к. здесь содержатся оригиналы всех донесений, отправленных Н.П. Игнатъевым из Китая в 1859–1860 гг. с приложениями, многие из которых существуют в единственном экземпляре.

Особое место занимают сохранившиеся в этом же фонде журналы Особого Амурского комитета. В его состав входили высшие сановники Российской империи, имевшие отношение к дальневосточным делам. Решения, принятые комитетом по каждому из вопросов, вынесенных на обсуждение в течение заседания, носили характер окончательно утвержденной стратегии действий. Во время пребывания в Китае Игнатьев несколько раз получал предписания Амурского комитета относительно дальнейших шагов, которые ему следовало предпринять, а вернувшись в Петербург, сам принимал участие в его работе.

Группа неопубликованных делопроизводственных документов была дополнена материалами РГВИА. Среди них – донесение российского пограничного комиссара К. Будогосского о его путешествии в Пекин с целью доставки Н.П. Игнатьеву экземпляра карты с обозначенной на ней новой линией государственной границы, вокруг утверждения которой, в том числе, разворачивались переговоры; записка помощника генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова об актуальном положении дел в Китае и необходимых в связи с этим адекватных мерах и т.д.

Расширение территории России на Дальнем Востоке во многом стало возможным благодаря многолетней активной деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского. Во время своего пребывания в Китае Н.П. Игнатьев общался и консультировался с ним по самым разным вопросам. Соответственно, некоторое количество полезной информации нам удалось почерпнуть в «Материалах для биографии» Н.Н. Муравьева-Амурского, опубликованных в 1891 г. И. Барсуковым⁵⁸. Прослеживая жизненный путь своего героя, автор постоянно включал в повествование выдержки из документальных материалов (писем, распоряжений и проч.), а наиболее важные документы приводил без купюр. Среди всего объема публикации значительную часть занимают материалы делопроизводства. В официальной переписке с МИД и со своими подчиненными по

⁵⁸ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии) / сост. И. Барсуков. Тт. 1, 2. М., 1891.

вопросам актуального состояния русско-китайских пограничных отношений Муравьев-Амурский нередко высказывал свои личные соображения о правильной стратегии действий, в том числе и действиях посланника в Пекине Н.П. Игнатъева. Определенную помощь в работе оказали вышедшие в виде журнальной публикации донесения генерал-губернатору Восточной Сибири от начальника Российской духовной миссии в Пекине архимандрита Палладия⁵⁹.

Находясь в Китае, Н.П. Игнатъев постоянно контактировал с представителями западных держав, прежде всего Англии и Франции. Поэтому при работе над диссертацией возникла необходимость использования официальных документов, связанных с деятельностью европейских уполномоченных – распоряжений, полученных ими от своих правительств, дипломатической переписки и проч⁶⁰.

Следующую по важности и объему использования в настоящей работе группу источников составили *мемуары и дневники*.

В первую очередь здесь стоит отметить сочинения самого Н.П. Игнатъева о миссии в Китай⁶¹, написанные им в конце жизни и изданные в 1895 г., в период кардинальных перемен в положении России на Дальнем Востоке, что представляется

⁵⁹ Переписка начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Палладия с генерал-губернатором Восточной Сибири графом Н.Н. Муравьевым-Амурским // Русский архив. 1914. : 1) №8. С. 508–528 ; 2) № 9. С. 5–32 ; 3) № 10. С. 165–216.

⁶⁰ *Bazancourt C.* Les expéditions de Chine et de Cochinchine d'après les documents officiels. Part. 2. Paris, 1862 ;

British Parliamentary Papers. № 33. Correspondence relative to the Earl of Elgin special Missions to China and Japan, 1857–1859. London, 1859 ; British Parliamentary Papers. № 69. Correspondence with Mr. Bruce, Her Majesty's Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary in China. London, 1860 ; *Gros, Baron J.B.L.* Negotiations entre la France et la Chine en 1860: Livre jaune du Baron Gros, Ambassadeur Extraordinaire et Haut Commissaire de l'Empereur en Chine, en 1858 et en 1860, extrait de sa correspondance et de son journal, pendant la seconde mission qu'il a remplie dans l'Extreme Orient. Paris, 1864.

⁶¹ Изучение мемуаров Н.П. Игнатъева как исторического источника отражают следующие работы: *Опои А.* The memoirs of Count N. Ignatyev // The Slavonic and East-European Review. Vol. 10. № 29. December 1931. P. 386–407 ; *Лукоянов И.В.* Н.П. Игнатъев и его воспоминания // *Игнатъев Н.П.* Земский собор. СПб; Кишинев, 2000 ; *Блуднова Е.Ю.* Мемуары Н.П. Игнатъева как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2007.

далеко не случайным⁶².

Первое из них, «Отчетная записка...», несмотря на свое название, не является точным воспроизведением официального документа подобного типа. Более того, за все время усиленного поиска автору данной работы не удалось найти оригинал записки среди множества аналогичных служебных документов Игнатьева, что не опровергает гипотетическую возможность его обнаружения в будущем. Это ставит под вопрос уверенность А.П. Толстых в том, что рассматриваемое сочинение можно назвать публикацией архивных материалов⁶³, при учете практически полной схожести соответствующих друг другу фрагментов текста «Отчетной записки» и имеющихся в ГА РФ дневниковых записей Игнатьева о его пребывании в Китае, а также явной адаптации текста для массового читателя⁶⁴.

Как верно заметила В.М. Хевролина, подобное произведение можно назвать «записками» автора о прошедших событиях⁶⁵. Начиная изложение событий с августа 1860 г., Игнатьев имел целью более ярко представить перед читателем свою роль в урегулировании европейско-китайского конфликта и последующих русско-китайских переговорах.

Второе сочинение под названием «Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н.П. Игнатьева...» весьма объемно и полно излагает историю деятельности его миссии, продлившейся полтора года (с лета 1859 г. до поздней осени 1860 г.). Для этого сочинения характерны подробное изложение событий и скрупулезная точность описания деталей, что основано на использовании имевшихся у Игнатьева под рукой материалов личного архива. Автор прибегал к частому и полному цитированию привлеченных документов, лишь изредка сокращая их оригинальный текст. Таким

⁶² *Игнатьев Н.П.* Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н.П. Игнатьева в 1859–1860 годах. СПб., 1895 ; *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент генерал-адъютантом Н.П. Игнатьевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае. СПб., 1895.

⁶³ *Толстых А.П.* Деятельность Н.П. Игнатьева... С. 117.

⁶⁴ *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка... С. 168–234 ; ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–32.

⁶⁵ *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев ... С. 77–78.

образом, он выносил свои заслуги на суд публики, рассчитывая на то, что содержащимися в книге документальными материалами воспользуются современные ему исследователи для составления объективной истории китайского периода его деятельности (как мы увидим далее, эти надежды были не беспочвенны). Тем не менее, несмотря на очевидные достоинства, мемуарные сочинения Игнатьева могут и должны быть подвергнуты научной критике, на основе традиционной методики изучения мемуарных источников, которая предполагает постоянное сопоставление авторского текста со сходными мемуарами других авторов и источниками других видов по аналогичным темам. Применительно к мемуарам Н.П. Игнатьева такая методика имеет особое значение, т.к., благодаря своему не самому скромному характеру, их автор стремился любым способом продемонстрировать собственную значимость и правильность принятых решений, по сравнению не только с деятельностью подчиненных, но и своих непосредственных начальников.

Публикация «Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864» из серии «Бумаги дома Романовых» также заслуживает серьезного внимания. В начале правления Александра II Константин Николаевич обладал значительным влиянием на государственные дела, являясь, по сути, вторым человеком в государстве. Он живо интересовался происходящим на Дальнем Востоке и принимал деятельное участие в выработке государственной политики на этом направлении. Как и все члены императорской фамилии, великий князь вел дневник с детства, фиксируя главные события каждого дня. Публикация дневниковых записей Константина Николаевича практически полностью охватывает период, избранный в качестве хронологических рамок настоящей диссертации. В этих записях содержатся, в том числе, сведения об участии великого князя в принятии решений относительно Китая.

Дневниковые записи архимандрита Палладия, опубликованные в российской периодической печати в начале XX в., позволяют дополнить сведения о проходивших

в 1858 г. русско-китайских переговорах⁶⁶. История публикации этого дневника была подробно рассмотрена А.М. Куликовым⁶⁷. Сведения, сообщенные Палладием, который был известен своим литературным даром и прекрасным знанием Китая, безусловно, ценны, но всегда содержат отпечаток его субъективного мнения в оценках политической ситуации в Поднебесной и действий российских уполномоченных.

Некоторое количество полезных сведений при работе над диссертацией удалось также почерпнуть из мемуаров известного топографа и путешественника М.И. Венюкова, служившего в рассматриваемый период в Восточной Сибири, и воспоминаний топографа И.Ф. Бабкова, руководившего разграничением России с Китаем на западе согласно постановлениям Пекинского договора⁶⁸.

Дополнением группы использованных мемуаров и дневников служат многочисленные воспоминания англичан и французов об их пребывании в Китае во время второй «опиумной» войны⁶⁹. Эти источники стали ценным вспомогательным материалом, т.к. почерпнутая из них информация позволила сформировать более широкую картину происходивших событий.

Значительное место среди использованных в диссертации источников занимает *эпистолярный*.

⁶⁶ Дневник архимандрита Палладия за 1858 г. // Известия МИД. 1912. Кн. 2. С. 225–282.

⁶⁷ Куликов А.М. К истории публикации Тяньцзиньского дневника архимандрита Палладия (Кафарова) за 1858 г. // Восток (Oriens). 2014. № 3. С. 163–172.

⁶⁸ Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875. СПб., 1912; Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970.

⁶⁹ China War 1860: Letters and journal by Major-General G. Allgood. London, 1901 ; Fisher C.B. Personal narrative of three years' service in China. London, 1863 ; Herrison M. Journal d'un interprète en Chine. Paris, 1886 ; Knollys H. Incidents in China War of 1860, compiled from the private journals of General Sir Hope Grant, commander of the English expedition. Edinburgh-London, 1875 ; Letters and Journals of James, Eighth Earl of Elgin / Ed. Theodore Walrond. London, 1872 ; Loch H.B. Personal narrative of occurrences during Lord Elgin's second embassy to China, 1860. London, 1869 ; Mutrecy Ch. Journal de la Campagne de Chine, 1859–1860–1861. Т. 2. Paris, 1862 ; Oliphant L. Narrative of the Earl of Elgin's Mission to China and Japan in the years 1857, '58, '59. Vol. 2. Edinburgh-London, 1859 ; Swinhoe R. Narrative of the North China Campaign of 1860, containing personal experiences of Chinese character, and of the moral and social condition of the country, together with a description of the interior of Peking. London, 1861 ; Varin P. Expédition de Chine. Paris, 1862 ; Wolseley G.J. Narrative of the war with China in 1860. London: Longman, 1862.

В личном фонде Н.П. Игнатъева содержится большое количество его писем своему отцу Павлу Николаевичу. В них автор не считал нужным придерживаться определенных рамок, поэтому материалы этой откровенной переписки являются часто своеобразными «маркерами» умонастроений Игнатъева в конкретный период. Неразборчивый почерк Н.П. Игнатъева затруднял прочтение писем, однако их пристальное изучение позволило обнаружить весьма любопытные высказывания автора, характеризующие его истинное отношение к происходившим событиям.

Среди опубликованных эпистолярных источников необходимо отметить публикацию переписки императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, осуществленную в 1994 г.⁷⁰. Из материалов этой публикации были почерпнуты важные сведения о подготовке миссии Игнатъева и о правительственной линии в китайском вопросе.

Наконец, для дополнения биографических сведений о Н.П. Игнатъеве, содержащихся в научной литературе, были привлечены и другие источники, среди которых автобиографическая записка самого Игнатъева, опубликованная в журнале «Русская старина»⁷¹, мемуары его племянника⁷² и правнука⁷³. Они ценны описанием той обстановки, которая царила в большой семье Игнатъевых. Для восстановления основных вех биографии П.Н. Перовского использовались справочные материалы в виде «Адрес-календарей», издававшихся погодно и содержавших сведения о большинстве чиновников Российской империи⁷⁴.

⁷⁰ Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем; Дневник Великого Князя Константина Николаевича (1857–1861). М., 1994.

⁷¹ Автобиографическая записка // Русская старина. 1890. № 1.

⁷² *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1988.

⁷³ *Игнатъев М.* Русский альбом. Семейная хроника. СПб., 1996.

⁷⁴ Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1844 г. Т. 1. СПб., 1844 ; Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1845 г. Т. 1. СПб., 1845 ; Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1847 г. Т. 1. СПб., 1847 ; Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1848 г. Т. 1. СПб., 1848 ; Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1849 г. Т. 1. СПб., 1849 ; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1852 г. Т. 1. СПб., 1852 ; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в

Подводя итоги, надо отметить, что история миссии Игнатъева в Китай имеет серьезную источниковую базу. Корпус делопроизводственных документов позволил выявить не упомянутые в предшествующей литературе факты и уточнить спорные или неоднозначные оценки, а также изучить те аспекты темы, которые прежде оставались вне поля зрения историографии из-за ограниченности источниковой базы. Анализ документов личного происхождения дал возможность оценить различные точки зрения на происходившие события и тенденции, эти события определявшие.

Научная новизна исследования связана, в первую очередь, с отсутствием на данный момент отдельной работы (за исключением ознакомительной статьи А.П. Толстых), посвященной миссии Игнатъева в Китай в 1859–1860 гг., и с недостаточно комплексным подходом к изучению этого вопроса в имеющихся трудах. В диссертации разобран ряд вопросов, которые ранее практически не привлекали внимания ученых, например, деятельность в Китае предшественника Игнатъева – П.Н. Перовского. В диссертации также введен в научный оборот значительный массив прежде неизвестных неопубликованных материалов.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что материалы и выводы настоящей работы могут быть использованы при последующем изучении истории внешней политики России середины – второй половины XIX в.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы диссертации могут быть использованы при подготовке общих курсов по истории России XIX века – начала XX века, а также специальных курсов по истории внешней политики России соответствующего периода.

Достоверность исследования обеспечивается широкой источниковой базой, которая включает в себя большое количество неопубликованных делопроизводственных материалов и документов личного происхождения, а также опубликованные мемуары и дневники Игнатъева, великого князя Константина

государстве на 1853 г. Т. 1. СПб., 1853 ; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1858–1859 г. Т. 1. СПб., 1858.

Николаевича, архимандрита Палладия и др.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и положения работы изложены в 4 публикациях автора общим объемом 4,6 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Структура диссертации определялась целью и задачами исследования, особенностями рассмотренной проблематики. Диссертация состоит из введения и четырех глав, систематизированных и разделенных на параграфы в соответствии с проблемно-хронологическим принципом и задачами исследования, заключения, списка источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Главная цель российского правительства в дальневосточной политике второй половины 1850-х гг. сводилась к окончательному оформлению разграничения с Китаем и приобретению Приамурья и Уссурийского края. Достижение этой цели планировалось исключительно мирными методами. Упорное сопротивление китайской стороны неоднократно вынуждало Петербург менять способы действия и ключевых исполнителей. Эта нестабильность приводила к негативным последствиям, как, например, в случае столкновения позиций Н.Н. Муравьева и Е.В. Путятина или провального результата переговоров П.Н. Перовского.

2. Китайские дела в указанный период нельзя назвать первоочередными внешнеполитическими интересами России, отправляемые в Поднебесную уполномоченные также не принадлежали к элите дипломатического корпуса, ни один из них не был профессиональным дипломатом. Е.В. Путятин получил назначение, поскольку пользовался покровительством великого князя Константина Николаевича и успешно провел переговоры с Японией. Н.Н. Муравьев получил необходимые

полномочия, поскольку был главным поборником решения «амурского вопроса» и постоянно находился рядом с эпицентром развития событий. Случай П.Н. Перовского, назначенного уполномоченным в Китай по протекции своего начальника и не обладавшего требуемыми навыками и умениями, является наиболее характерным примером второстепенности дальневосточного направления внешней политики России в середине XIX в. Указанные представители России допустили ряд ошибок и просчетов, которые повлияли на дальнейшее развитие взаимоотношений с Китаем.

3. Н.П. Игнатьев также не был профессиональным дипломатом. В ходе миссии в Среднюю Азию в 1858 г. он проявил себя как упрямый и чрезвычайно деятельный руководитель военно-дипломатической миссии. Отправляя Игнатьева в Китай, российское правительство надеялось с его помощью преодолеть глухое сопротивление китайцев и заключить с ними договоренности. Предшественникам Н.П. Игнатьева не удавалось решить эту задачу.

4. В Пекине Н.П. Игнатьев столкнулся с теми же трудностями, какие прежде помешали Е.В. Путятину и П.Н. Перовскому. Блестящие результаты, достигнутые Н.П. Игнатьевым, в значительной степени объясняются тяжелым положением, в которое цинское правительство было поставлено военными действиями англичан и французов. В то же время Н.П. Игнатьев твердо придерживался избранной линии поведения и данных ему инструкций, несмотря на противодействие китайской стороны. Он смог наладить хорошие взаимоотношения с европейскими коллегами и стать для них полезным в качестве посредника в переговорах. Таким образом, очевиден его личный вклад в подписание Пекинского договора.

5. Пекинский договор, получивший название «дополнительного», логически завершал процесс принятия Китаем выдвинутых Россией требований, подтверждая и дополняя Айгунский и Тяньцзиньский трактаты. Некоторые статьи Пекинского договора превзошли ожидания российского правительства. По возвращении в Петербург Н.П. Игнатьев деятельно участвовал в реализации постановлений подписанного им трактата. Многие его соображения были положены в основу

соответствующих правительственных решений.

Глава 1. Предыстория миссии Н.П. Игнатьева

В данной главе предполагается кратко рассмотреть процесс установления и развития русско-китайских межгосударственных отношений вплоть до середины XIX в. и выделить причины, которые привели к отправке в Китай миссии под руководством Н.П. Игнатьева.

§ 1. Краткий обзор русско-китайских отношений до середины XIX в.

Первые контакты России и Китая исследователи относят ко времени монгольского завоевания Руси. Однако до определенного момента они носили случайный характер – обе страны находились слишком далеко друг от друга. Упоминания о Китае в русских источниках встречаются лишь эпизодически. Все изменилось с началом эпохи Великих географических открытий – проникновение в китайские земли португальцев вызвало в Европе интерес к этому региону. Для России же стимулом к установлению двухсторонних отношений послужило колониционное продвижение на Восток, в Сибирь, начавшееся в XVI в. В 1608 г. Василий Шуйский изъявил желание отправить посольство в Монголию и Китай, но эта попытка сближения окончилась безрезультатно. Только спустя 10 лет первые русские официальные представители достигают Китая. Посольство Ивана Петлина в итоге также не увенчалось успехом, т.к. не имело при себе достаточно богатых подарков, но собранные им сведения и открытие сухопутного пути в Пекин через Сибирь стали крупным достижением даже в мировой науке⁷⁵.

С началом освоения русскими землепроходцами Дальнего Востока и Восточной Сибири сближение двух стран становится неизбежным. В первой половине XVII в. к России исключительно мирным путем были присоединены территории, население

⁷⁵ Россия и Китай ... С. 15-18.

которых до этого момента не имело даже зачатков государственности. В это же время в Китае происходят крупные политические изменения, связанные с падением династии Мин и утверждением на престоле маньчжурской династии Цин, которая начала активную внешнеполитическую экспансию преимущественно на север и северо-восток. Китай не намеревался терпеть конкурентов в присоединении Приамурья, все иностранцы считались «варварами», достойными вассального подчинения Императору. Подобная политика проводилась как дипломатическими, так и военными средствами, и было ясно: об установлении нормальных двухсторонних отношений в это время не могло быть и речи⁷⁶. Подтверждением послужила ситуация, приведшая в итоге к заключению Нерчинского трактата 1689 г.

В результате воцарения императора Канси политика Китая в отношении России еще более ужесточилась: посольство Н. Спафария 1676 г. было принято холодно и не добилося обсуждения интересующих вопросов, а император разработал целый «Стратегический план усмирения демонов» по противодействию России на Амуре. В 1685 г. маньчжурские войска осадили основанную двадцатью годами ранее крепость Албазин, имевшую на тот момент больше 100 человек населения. Длительная осада закончилась тем, что бóльшая часть гарнизона была отпущена в Нерчинск, часть ушла в Якутск, а небольшая группа из 25 казаков отправилась с маньчжурами вглубь Китая, поселилась в Пекине и стала первой русской общиной на китайской территории, получив название «албазинцев»⁷⁷. Взрыв напряженности на приграничной территории требовал ее разрешения дипломатическими методами. Переговоры прошли в Нерчинском остроге и закончились подписанием первого в истории русско-китайского межгосударственного договора. Нерчинский трактат, заключенный в условиях вооруженной блокады Нерчинска с китайской стороны, по-разному оценивается исследователями. В любом случае, он являлся невыгодным для России, которая теряла значительную часть освоенных территорий, но в то же время,

⁷⁶ Там же. С. 20–24.

⁷⁷ Там же. С. 23–26.

благодаря усилиям русского посла Ф.А. Головина, не включил полный комплекс требований китайской стороны⁷⁸. Таким образом, Нерчинский трактат заложил основы мирного взаимодействия двух государств, что получило свое развитие в Кяхтинском трактате 1727 г., заключенном видным дипломатом петровского времени С.Л. Владиславичем-Рагузинским. По мнению Н.А. Самойлова, важным результатом этого договора являлось то обстоятельство, что отныне межгосударственная переписка должна была вестись не между императорами, один из которых (китайский) всегда считал себя выше другого, а между пекинским Трибуналом внешних сношений и петербургским Сенатом, что снижало количество возникавших трений и недоразумений⁷⁹.

В течение следующего столетия русско-китайские взаимоотношения основывались именно на двух упомянутых трактатах. В XVIII в. китайское посольство впервые посетило Россию, прибыв в Петербург в 1731 г. ко двору Анны Иоанновны, и было удостоено теплого и радушного приема. Между двумя государствами наладилось стабильное сотрудничество, в Пекине больше не смотрели на своих соседей как на «варваров-вассалов». В дипломатических отношениях они в большей мере стали рассматриваться в качестве партнеров, что, однако, не мешало китайской стороне в некоторых случаях вести себя все так же неоправданно высокомерно⁸⁰.

Характер русско-китайских отношений напрямую оказывал влияние и на деятельность по изучению и картографированию дальневосточного региона. В середине XVII в. этот процесс шел одновременно с хозяйственным освоением указанной территории. Разведывательные сведения и общие описания территорий доставляли И.Ю. Москвитин, В.Д. Поярков, Е.П. Хабаров, О. Степанов и П. Бекетов⁸¹. Особое значение имела деятельность Н. Спафария, перед которым была поставлена задача во время посольства в Пекин описать не только новые российские владения в

⁷⁸ Там же. С. 28–30.

⁷⁹ Там же. С. 33–34.

⁸⁰ Там же. С. 35–38.

⁸¹ Подробнее см.: *Захаренко И.А.* История географического изучения ... С. 25–33.

Сибири, но и те китайские территории, по которым пролегал его маршрут. В 1678 г. появился географический труд «Описание первья части вселенныя, именуемой Азия, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции», где впервые содержалось описание части Китая на русском языке⁸². После заключения Нерчинского и Кяхтинского трактатов пересечение новой государственной границы представляло существенную проблему, российским исследователям приходилось заниматься только углубленным изучением новых пограничных территорий⁸³. Единственным источником пополнения географических сведений о Китае долгое время служили заграничные карты.

Полномасштабное изучение Китая, и не только в географическом плане, стало возможным благодаря уникальному учреждению – Российской духовной миссии в Пекине, которая вначале действовала только по прямому назначению, являясь религиозным прибежищем албазинской общины⁸⁴. Вместе со вторым дипломатическим посольством в Китай прибыло несколько «учеников», задачей которых являлось изучение китайского и маньчжурского языков⁸⁵. В середине XVIII в. Миссии было поручено и ведение текущих политических переговоров по причине отказа китайского правительства в учреждении постоянного дипломатического представительства⁸⁶. В начале XIX в. ее возглавил поистине замечательный ученый – Иакинф (в миру – Никита Яковлевич) Бичурин, который за 13 лет пребывания в Пекине, по собственным словам, сделал в пять раз больше, чем предшествующие миссии за 100 лет. Его сочинение «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» являлось прорывом для русской науки, где автор подробно описывал, в частности, территории Маньчжурии, Приамурья и Приморья. Следующим этапом стала командировка вместе с одиннадцатой по счету миссией в

⁸² Захаренко И.А. История географического изучения ... С. 39–40.

⁸³ Подробнее см.: Захаренко И.А. История географического изучения ... С. 50–66.

⁸⁴ Краткая история Русской православной миссии ... С. 17.

⁸⁵ Там же. С. 34.

⁸⁶ Там же. С. 54–55.

Пекин магистра Казанского университета О.М. Ковалевского, чьи исследования Монголии и Китая стали для своей эпохи классическими. В.П. Васильев продолжил работу своего учителя Ковалевского, составив «Описание Манчжурии», где уделил особое внимание сухопутным и водным путям сообщения в этом регионе⁸⁷. Как видно, в первые десятилетия XIX в. сведения российской науки по географии Дальнего Востока были значительны.

Одним из принципиальных вопросов в русско-китайских взаимоотношениях являлся вопрос торговли, которая велась в середине XVII в. на абсолютно свободных условиях. Нерчинский трактат 1689 г. впервые ограничил ее двумя пунктами – Кяхтой и Цурухайту⁸⁸. Основную роль в торговле играла казна, которой было выгодно сбывать излишки пушнины, полученной от сибирских племен в качестве ясака, путем отправки караванов в Китай⁸⁹. Хотя в договоре было зафиксировано право торговли для всех желающих, в действительности все было иначе. С самого начала сбыт пушнины как наиболее выгодное предприятие стал государственной монополией, а по условиям Кяхтинского трактата частным лицам был запрещен въезд в Китай⁹⁰. Таким образом, повышалось значение именно приграничной торговли в Кяхте, а после отказа в 1762 г. от отправки казенных караванов этот вариант и вовсе оставался единственным⁹¹. Вот как оценивались в XIX в. итоги развития русско-китайской торговли на первом этапе: «Что же было результатом семидесятилетнего соседства с Китаем? Уничтожение частной предприимчивости русских купцов и полнейшее незнакомство с новым соседом и его потребностями»⁹². В действительности после замыкания русско-китайской торговли на Кяхте она вступает в период роста. Доля кяхтинской торговли в общем внешнеторговом обороте России составляла около 8 %,

⁸⁷ Захаренко И.А. История географического изучения ... С. 81–90.

⁸⁸ Скальковский К. Русская торговля ... С. 139.

⁸⁹ Корсак А. Историко-статистическое обозрение ... С. 19–20.

⁹⁰ Бутины, братья Исторический очерк ... С. 10.

⁹¹ Скальковский К. Русская торговля ... С. 140.

⁹² Бутины, братья Исторический очерк ... С. 11.

за вторую половину XVIII в. ее масштабы были увеличены в 2,7 раза. Однако эти положительные тенденции нивелировались постоянными препятствиями, чинимыми китайскими пограничными властями, которые возникали часто по самым незначительным поводам – в период 1760–1790 гг. торговля прекращалась десять раз. Со стабилизацией ситуации после 1792 г. рост торговли на Кяхте еще более увеличился в процентном соотношении⁹³. В первой половине XIX в. этот населенный пункт стал крупным международным транзитным центром, богатством которого восторгались современники⁹⁴. Основным предметом экспорта для России являлись пушнина и сукно, а импорта – чай. Порядок же осуществления торговых операций был организован таким образом, что крупное купечество имело здесь практически полную монополию.

Из вышесказанного видно, что русско-китайские отношения до конца 1830-х гг. развивались мирным путем, был заметен постепенный прогресс, несмотря на политику пекинского правительства, зачастую создававшего излишние сложности. Ситуация кардинально изменилась после первой «опиумной» войны, в результате которой была насильственно преодолена изоляция Китая. Несмотря на то что Россия не являлась участником этого конфликта, его итоги оказали существенное влияние на взаимоотношения двух государств.

Китай, проводивший политику самоизоляции, в то же время являлся выгоднейшим рынком сбыта для более развитых экономик. Подобное противоречие в конечном итоге привело к англо-китайскому конфликту, известному как первая «опиумная» война. Поводом послужил запрет пекинского правительства своим подданным покупать опиум, ввозившийся в большом количестве из британской Индии. Неравная борьба двух государств привела к заключению Нанкинского договора, по которому Китай не только выплачивал огромные контрибуции, которые были непосильным бременем для ослабленного государства, но и открывал несколько

⁹³ Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля ... С. 109-111.

⁹⁴ Там же. С. 135, 143.

своих портов для английской торговли. Кроме того, в Цинской империи началось крупное антиманьчжурское восстание тайпинов, вскоре охватившее значительную часть территории страны⁹⁵.

В этих условиях Россия предприняла попытку снова проникнуть в Приамурье. В 1846 г., одновременно с назначением Н.Н. Муравьева генерал-губернатором Восточной Сибири, бриг русско-американской компании «Константин» направился из Охотска в низовья Амура для их исследования. Однако выводы исследователей не обнадеживали: низовья Амура недоступны для прохода судов, а Сахалин представляет собой полуостров. Канцлер Нессельроде, выступавший против усиления России на Дальнем Востоке, поспешил доложить об этом императору Николаю. Однако через три года эти данные были опровергнуты. Командир транспортного судна «Байкал» Г.И. Невельской был, напротив, уверен в том, что Амур доступен для входа из океана и что Сахалин – остров, и страстно желал это доказать. В 1849 г. он обнаружил пролив между Сахалином и материком и вошел в устье Амура. Получив предписание не возвращаться к этому вопросу, Невельской, благодаря активной поддержке Н.Н. Муравьева, в следующем году все же основал в амурских низовьях пост Николаевск⁹⁶. Его действия вызвали осуждение в правящих кругах Петербурга, но император назвал их «молодецкими» и на докладе Особого комитета с предложением разжаловать Невельского в матросы написал знаменитую фразу: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен!»⁹⁷.

Исследования Невельского, таким образом, послужили началом усиления российского присутствия на Дальнем Востоке. Хронологически с этим процессом совпадает и активизация географического и картографического изучения Восточной Сибири, которое теперь расширило ареал исследований и в сторону бывших китайских пределов. Сибирская экспедиция РГО во главе с Миддендорфом выяснила,

⁹⁵ *Айранетов О.Р.* На пути к краху ... С. 33.

⁹⁶ Там же. С. 34.

⁹⁷ *Шумахер П.* К истории приобретения Амура ... С. 263

что о течении Амура и, более того, о современной русско-китайской границе нет никаких топографических сведений. В результате была учреждена сухопутная экспедиция полковника Агте, которая должна была заполнить вышеуказанные пробелы и выполнила эту задачу с успехом⁹⁸.

По вопросам русско-китайской границы в Петербурге развернулась серьезная борьба. МИД, настаивая на необходимости разрешения всех спорных вопросов максимально осмотрительно, входил в большое противоречие с местной властью, глава которой, генерал-лейтенант Муравьев, всеми путями отстаивал собственную точку зрения о проведении пограничной линии с тем расчетом, чтобы к России отошел левый берег Амура и была обеспечена возможность судоходства по этой реке. На одной из встреч император Николай I ему сказал: «Эх, Муравьев, ты, право, когда-нибудь сойдешь с ума от Амура!»⁹⁹. Не соглашаясь с требованием китайцев считать границей горные районы от р. Горбицы до Охотского моря, генерал-губернатор, напротив, проводил идею об Амуре как естественном пограничном рубеже. В условиях возможного нападения союзных держав на дальневосточные порты России во время Крымской войны Муравьев в конце 1853 г. просил великого князя Константина Николаевича разрешить ему сплав по р. Амур с целью более быстрой доставки в нужные пункты войск, продовольствия и вооружения. Это предложение Муравьева было одобрено, «настала та минута, которой Россия ожидала полтора года»¹⁰⁰. В будущем т.н. «амурские сплавы» стали одной из основных форм изучения и освоения (уже повторного) региона¹⁰¹.

В таком состоянии находились русско-китайские отношения к моменту окончания Крымской и начала второй «опиумной» войны. За исключением некоторых событий их можно в целом назвать достаточно мирными, развитие этих отношений протекало медленно, что было связано с отсутствием у обеих сторон серьезных

⁹⁸ Захаренко И.А. История географического изучения ... С. 101–104.

⁹⁹ Шумахер П. К истории приобретения Амура ... С. 273.

¹⁰⁰ Там же. С. 277.

¹⁰¹ Захаренко И.А. История географического изучения ... С. 118–124.

взаимных интересов и претензий. По ряду причин активизация этого процесса, намеченная во второй половине 1840-х гг., начиная с 1856 г. приобретает стремительный характер.

**§ 2. Генерал и адмирал. Деятельность Н.Н. Муравьева в Восточной Сибири
и Е.В. Путятина в Китае в 1857–1858 гг.***

Достигнутые в ходе первой «опиумной» войны преимущества казались европейским державам, прежде всего Англии, недостаточными: для торговли были доступны только морские порты на юге Китая, в то время как северо-восточное побережье продолжало оставаться закрытым. Используя восстание тайпинов в Цинской империи, британская дипломатия собиралась оказать китайскому правительству военную помощь, но затем, принимая во внимание неясные перспективы тайпинского движения, перешла к политике нейтралитета¹⁰². В этой связи Англия, Франция и США (державы, заключившие договоры с Китаем по результатам первой «опиумной» войны) решили оказать совместное давление на цинское правительство с целью вынудить его к пересмотру имеющихся соглашений, причем британский министр иностранных дел лорд Кларендон в мае 1853 г. пытался склонить и Россию на «соучастие с другими державами в выгодах, которые представляет настоящий кризис, дающий возможность открыть Китайскую империю вообще для коммерческих операций цивилизованных наций всего мира»¹⁰³. На это предложение министр иностранных дел России К.В. Нессельроде нашел возможность ответить только в самых общих выражениях, т.к. «при невозможности <...> остановить ход дел и событий в Китае надлежит пока ограничиться наблюдением за

* При подготовке данного параграфа диссертации использовались следующие публикации автора: Сосна Н.А. Амурский комитет и его роль в политике России на Дальнем Востоке во второй половине 1850-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 62–70.

¹⁰² Зарецкая С.И. Внешняя политика Китая ... С. 42–43.

¹⁰³ Цит. по: Попов А.Л. Царская дипломатия ... С. 183.

онными»¹⁰⁴. Такой ответ был вполне рационален – при условии будущей крупной войны с Османской империей в Петербурге не хотели отвлекать свое внимание на другие внешнеполитические направления¹⁰⁵.

После окончания Крымской войны российское правительство, сумевшее отразить нападение англичан на Петропавловск-Камчатский и укрепившее свои дальневосточные рубежи благодаря «сплавам» Муравьева, теперь резонно задумалось о необходимости провести окончательное разграничение с Китаем, чтобы иметь юридическое право заселять и укреплять подвластные территории¹⁰⁶. В 1855 г. в Мариинске была предпринята попытка провести переговоры о разграничении¹⁰⁷, но вскоре выяснилось, что присутствующие китайские представители не имеют полномочий для проведения подобных мероприятий¹⁰⁸. Однако китайская сторона признала, что не протестует против проживания на спорных территориях русских поселенцев до тех пор, «пока они защищают их от англичан»¹⁰⁹. Таким образом, было получено косвенное одобрение перехода Приамурья к России. С другой стороны, в

¹⁰⁴ Цит. по: *Повальников С.И.* Война Англии и Франции ... С. 254.

¹⁰⁵ Любопытно, что еще 25 февраля (9 марта) 1852 г. Н.Н. Муравьев отправил в Петербург донесение, в котором выражал беспокойство относительно возможного изменения характера мирных русско-китайских отношений в случае падения правящей династии Цин по итогам тайпинского восстания и предлагал выразить китайскому императору сочувствие и даже предоставить ему убежище. Такая активность Муравьева не нашла поддержки в Петербурге, поэтому 5 (17) апреля К.В. Нессельроде отвечал генерал-губернатору Восточной Сибири: «Хотя волнения в сем государстве продолжают и, по-видимому, нельзя надеяться, чтобы скоро прекратились, но вообще положение дел в Китае еще не таково, чтобы нам следовало приступить теперь к каким-либо особым действиям и мерам. Поэтому его императорское величество, признавая подобные меры рановременными, высочайше повелеть токмо соизволил, чтобы во всех наших с Китаем сношениях соблюдалась крайняя осторожность и неспешность, и чтобы особенное внимание начальства Восточной Сибири было по-прежнему обращено как на сохранение по границе нашей с Китаем мира и тишины, так и на поддержание доброго согласия с китайцами». (АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 1–1 об.)

¹⁰⁶ В июле 1855 г. император Александр II признал необходимым для России обладание левым берегом Амура и поручил Муравьеву, как уполномоченному по пограничным переговорам, добиваться этой цели. (См.: *Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 424–425*)

¹⁰⁷ Подробнее об этих переговорах см.: *Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 427–429.*

¹⁰⁸ *Козюра А.В.* Н.Н. Муравьев-Амурский ... С. 62.

¹⁰⁹ *Повальников С.И.* Война Англии и Франции ... С. 259.

Пекине оставляли за собой возможность потребовать эти земли обратно, причем традиционная непоследовательность Китая во внешней политике не позволяла спрогнозировать, в какой момент подобное требование будет высказано. Вопрос о проведении границы оставался первым в повестке дня.

В марте 1856 г. император Александр II санкционировал предоставление всех полномочий по оформлению новой русско-китайской границы Н.Н. Муравьеву. Генерал-губернатор давно добивался неограниченной власти во взаимоотношениях с Китаем, мотивируя это тем, что огромное расстояние от Петербурга до пределов Цинской империи не позволяет принимать правильные и своевременные меры. Так, 29 ноября (11 декабря) 1853 г. он писал великому князю Константину Николаевичу: «Между тем при настоящем положении китайского правительства, которое утратило свою силу и не владеет половиной своего государства, с которым, можно сказать, по этой причине прекратилась торговля на Кяхте, и которое не может оказать нам содействия к восстановлению этой торговли, – следует нам изменить и самый образ сношений и уведомить Трибунал: чтоб он обращался и сносился с главным начальником Сибири и командующим там войсками, которому на все случайности даны от правительства надлежащие инструкции. Порядок этот устранит многие пагубные в настоящих обстоятельствах недоразумения, которые непременно бы произошли по отдаленности и медленности сообщений тамошних стран с С.-Петербургом, а между тем покажет китайскому правительству, что мы не обманываемся в его положении и принимаем собственные меры. <...> К главному же начальнику Восточной Сибири надобно по этому случаю назначить особого чиновника от Министерства иностранных дел и дать только некоторые инструкции в главных основаниях на всякого рода случайности»¹¹⁰. Муравьев успел даже составить подробный проект инструкции самому себе с изложением полномочий¹¹¹, но в Петербурге эти предложения были отклонены Особым комитетом, предоставившим

¹¹⁰ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 107.

¹¹¹ Там же. С. 110–113.

ему право взаимодействовать с Китаем «в тех случаях и в той форме, которые будут определены особой инструкцией»¹¹². Инструкция, не увеличивая полномочий генерал-губернатора в том объеме, которого он пытался добиться, все же давала ему возможность «в потребных случаях» вести переговоры о границе¹¹³. Пользуясь этим разрешением, Муравьев после переговоров в Мариинске направил в пекинский Трибунал внешних сношений запрос о будущей демаркации границы на тех основаниях, которые им обсуждались с представителями китайской стороны¹¹⁴.

В конце 1855 г. китайский император издал указ о запрете плавания русских судов по Амуру на 1856 г. Восточносибирский генерал-губернатор, полагая, что этот указ был издан до получения сведений о мариинских переговорах, говорил: «Китайское правительство <...> отнюдь не желает поставить себя во враждебные отношения с нами и, говоря о неприкосновенности Амура, как своего достояния, защищает его <...> только потому, что доселе ясно и определенно нами не была высказана необходимость, заставляющая русское правительство постановить Амур граничной чертой между двумя государствами»¹¹⁵. В Петербурге же, получив документ и отдельную записку китайских пограничных губернаторов с требованием «усмирить Муравьева», который под предлогом защиты от англичан захватил несколько пунктов на неразграниченной территории и тем самым нарушил межгосударственный мир, решили на некоторое время законсервировать ситуацию и прекратить переговоры с Китаем¹¹⁶. Муравьев, оказавшийся в этот момент в столице, смог настоять на своей точке зрения и добиться от императора формальных, исходящих от Сената (а не выраженных в виде особых инструкций или высочайших желаний) полномочий на осуществление всех действий по определению новой границы России с Китаем. По мнению А.В. Козюры, с этого времени он «официально

¹¹² *Брежнев А.А.* Россия и крестьянская война ... С. 181.

¹¹³ *Козюра А.В.* Н.Н. Муравьев-Амурский ... С. 48.

¹¹⁴ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 138.

¹¹⁵ Там же. С. 142.

¹¹⁶ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 445.

становился основной политической фигурой, наделенной правом решать насущные проблемы Российской империи на Дальнем Востоке»¹¹⁷. Для генерал-губернатора Восточной Сибири это было значительное событие, т.к. отныне у него появилась определенная свобода действий по отношению к Китаю. Отправленный из Сената 20 марта (1 апреля) 1856 г. лист¹¹⁸ оказал влияние и на политику России в отношении Китая на протяжении последующих нескольких лет. Трибуналу внешних сношений в этом листе сообщалось, что Россия стремится как можно скорее провести граничную черту не только из-за самого ее отсутствия, но и «ввиду существенных потребностей Сибирского края, а не менее того и для вящего спокойствия взаимных подданных», для чего просит китайскую сторону выслать одного или нескольких уполномоченных, которые смогут вести с Муравьевым переговоры о границе и подписать соответствующий трактат¹¹⁹.

Тем временем Англия и Франция, не добившись от Китая уступок в вопросе о пересмотре имеющихся трактатов, начали склоняться к применению силы. Крымская война была окончена, армия и флот были готовы к новым походам. В сентябре 1856 г. министр иностранных дел Англии лорд Кларендон предложил Парижскому Кабинету отправить в направлении Пекина военную экспедицию с целью вынудить китайцев внести изменения в существующие договоры и открыть свои ресурсы для иностранцев. Этот план был принят. Повод для начала войны – арест 8 (20) октября 1856 г. китайскими портовыми властями Кантона* китайского же судна «Эрроу», якобы имевшего британские документы, – был по сути спровоцирован¹²⁰. 23 октября (2 декабря) 1856 г. англичане начали обстрел побережья, от которого страдали и жители Кантона. Вторая «опиумная» война началась.

¹¹⁷ Козюра А.В. Н.Н. Муравьев-Амурский ... С. 69.

¹¹⁸ Так назывались все документы, которыми обменивались российский Сенат и китайский Трибунал внешних сношений.

¹¹⁹ АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 166. Л. 6-7.

* Ныне – Гуанчжоу.

¹²⁰ Зарецкая С.И. Внешняя политика Китая ... С. 46-47.

В России эти и последующие военные акции англо-французов восприняли с большой тревогой. В своих воспоминаниях Н.П. Игнатъев, которому в дальнейшем будет суждено сыграть большую роль не только в истории русско-китайских отношений в конце 1850-х гг., но и в истории второй «опиумной» войны, писал, что во время своей служебной командировки в Париж в конце 1856 г. он получил сведения о планах Англии и Франции добиться существенного укрепления влияния в Китае вооруженным путем¹²¹. Эти сведения были переданы им Е.В. Путятину. Сложно сказать, кто из представителей России за рубежом первым указал на военные приготовления европейских держав, соответствующие данные отправлял в Петербург и посол России в Лондоне М.И. Хрептович¹²². Так или иначе, в декабре 1856 г. адмирал Е.В. Путятин, находившийся в Лондоне в качестве военно-морского агента, сообщил эти сведения генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу. По его мнению, вероятное поражение китайцев в войне против европейцев поставит под сомнение удовлетворение территориальных претензий России, в связи с чем необходимо как можно скорее начать в Пекине переговоры с Китаем до прибытия туда иностранных представителей¹²³. Соображения Путятина были незамедлительно переданы в Петербург.

В столице начала складываться стратегия дальнейших действий с учетом единственной константы – невозможно было оставаться безучастными зрителями неизбежного усиления европейцев в Китае¹²⁴. Поражение Цинской империи в новой войне виделось вполне возможным, принимая во внимание, что изнутри государство сотрясало восстание тайпинов. Несмотря на сохранение тактики невмешательства во внутренние дела Поднебесной, в Петербурге задавались вопросом – удержится ли у

¹²¹ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 1.

¹²² *Повальников С.И.* Война Англии и Франции ... С. 261.

¹²³ *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война ... С. 290.

¹²⁴ Е.П. Ковалевский писал, что возможный захват англичанами Герата крайне опасен для интересов России в Центральной Азии, а взятие Пекина остановит многолетнее продвижение на Амур (См.: *Попов А.Л.* Царская дипломатия ... С. 189.)

власти правящая династия или она будет свергнута¹²⁵. Очевидная слабость Китая не позволяла спрогнозировать, сможет ли он оказать достойное сопротивление иностранным захватчикам и, соответственно, насколько велики будут их итоговые приобретения¹²⁶. Эти два фактора говорили об одном: необходимо добиться поставленных целей (в первую очередь, проведения новой границы) до падения династии Цин и достижения европейцами значительных военных успехов¹²⁷. Знаток Китая и Востока, директор Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевский составил специальную аналитическую записку, в которой рассматривал два возможных пути: соединение с европейскими державами и самостоятельные действия мирного характера. Сделанный им вывод был сформулирован так: «Интересы наши слишком отличны от интересов других европейских держав, и, конечно, мы не можем рассчитывать на их содействие при определении наших границ на Амуре; кроме того, соединиться с врагами Китая нам, не имеющим никакого повода к вражде и скорее подавшим повод к неудовольствию на нас со стороны Китая, было бы даже и в политическом отношении несовместно. Остается – мирными переговорами разрешить возникшие вопросы с Китаем»¹²⁸. Такая точка зрения была одобрена. Необходимо было решить вопрос, кто возглавит дипломатическую миссию в Пекин. Выбор пал на Е.В. Путятин по нескольким причинам. Во-первых, именно он, как было сказано выше, одним из первых обратил внимание правительства на планы европейцев и предложил соответствующие меры. Во-вторых, немалую роль сыграла поддержка своего подчиненного великим князем Константином Николаевичем¹²⁹. В-третьих,

¹²⁵ Об этом достаточно откровенно высказывался А.М. Горчаков в своем отношении к Н.Н. Муравьеву (См.: *Попов А.Л.* Царская дипломатия ... С. 191)

¹²⁶ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. 1856 г. Д. 40. Л. 296.

¹²⁷ А.М. Горчаков писал Н.Н. Муравьеву, что при всей неопределенности существующего положения Россия обязана предпринять хотя бы какие-то активные действия. (См.: *Попов А.Л.* Царская дипломатия ... С. 189)

¹²⁸ Цит. по: *Попов А.Л.* Царская дипломатия ... С. 188–189.

¹²⁹ Константин Николаевич писал: «Граф Путятин предлагает себя для этого поручения, и я не знаю лица способнее его на это трудное дело». (Цит. по: *Кадырбаев А.Ш.* У истоков миссии ... С. 4)

несколько лет назад Путятин уже отправлялся на Дальний Восток с дипломатическими поручениями и подписал договор с Японией¹³⁰.

Е.В. Путятин был снабжен инструкцией из МИД, которая предписывала ему:

1) заключить договор, который должен был закрепить за Россией левый берег Амура и побережье Тихого океана южнее устья реки¹³¹. Отдельное внимание следовало обратить на то, что европейцы в ходе новой войны планируют добиться права плавания по всем китайским рекам, не исключая и Амур, а такое положение вещей неминуемо привело бы к «самым неблагоприятным столкновениям»;

2) уточнить западную русско-китайскую границу по линии китайских пикетов, размещенных по состоянию на 1851 г. (т.е. в момент заключения Кульджинского договора);

3) в подходящем случае предложить китайцам военную помощь в виде 10 тысяч нарезных ружей и одной артиллерийской батареи с отправкой офицеров-инструкторов, чтобы доказать дружественные намерения России и ее желание помочь своему соседу;

4) добиться возобновления движения российских торговых караванов от Кяхты если не до Пекина, то до Калгана или Урги¹³².

Кроме этих четырех основных поручений, Путятин должен был решить вопросы об учреждении в Пекине постоянного дипломатического представительства России, установлении почтового сообщения, открытии фактории в Кульдже, разрешении торговли в китайских портах, а также о предоставлении торгового режима

¹³⁰ Имеется в виду Симодский трактат 1855 г. Константин Николаевич писал об этом: «В сношениях с японцами он доказал свое умение общаться с этим упрямым и скрытным народом». (Цит. по: *Кадырбаев А.Ш. У истоков миссии ... С. 4*)

¹³¹ Разъясняя официальную позицию МИД по этому вопросу, А.М. Горчаков обращал особое внимание, что приобретение устьев Амура не является завоеванием России, т.к. на эти территории Россия имеет давние права в соответствии с ранее заключенными трактатами (здесь имеется в виду, что Китай не сопротивлялся занятию указанных земель Н.Н. Муравьевым), и от того, что эти права ранее не заявлялись публично, они не стали менее реальными. Необходимость свободного плавания по Амуру объяснялась доставкой продовольствия в русские поселения в устьях реки. (См.: *Попов А.Л. Царская дипломатия ... С. 190*).

¹³² Там же. Л. 41 об.—48 об.

наибольшего благоприятствования. Отдельно рассматривался вопрос о помощи династии Цин в подавлении тайпинского восстания. Подчеркивая нежелание российского правительства вмешиваться во внутренние дела других государств, МИД рассматривал возможность оказания помощи только по особой просьбе Пекина, только в виде защиты Маньчжурии и только в случае предложения англичанами своих услуг в усмирении мятежа¹³³. При этом необходимым условием для предоставления помощи было приобретение Россией Приамурья.

Об отправлении нового российского посольства пекинский Трибунал внешних сношений был уведомлен листом из Сената. В этом документе срочность принятого Россией решения объяснялась чрезвычайными обстоятельствами, т.к. военные действия европейцев угрожают не только Китаю как ее доброму соседу, но и приграничным российским территориям. Особое внимание обращалось на то, что в приезде русского посланника необходимо видеть исключительно знак добра и доверия, а не желание присоединиться к европейцам¹³⁴. Трибунал также предупреждали, что в Петербурге не будут терять время на ненужные церемониалы и снабжать Путятину большой свитой¹³⁵, так как любое промедление может быть губительно¹³⁶. 21 февраля (5 марта) 1857 г. Е.В. Путятин выдвинулся в путь по маршруту Москва – Казань – Пермь – Екатеринбург – Томск – Красноярск. 21 марта (2 апреля) он прибыл в Иркутск, где должен был получить от генерал-губернатора

¹³³ АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 167. Л. 48 об.–53.

¹³⁴ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 13–13 об.

¹³⁵ Архимандрит Палладий, начальник Российской духовной миссии в Пекине, высказывая свои соображения относительно дальнейших русско-китайских переговоров, обращал внимание на то, что к традиционной медлительности китайской дипломатии в условиях войны обязательно прибавится страх, который будет заставлять Пекин отказываться от всех предлагаемых условий. В связи с этим он писал: «Считаю уместным выразить надежду, что так как важные дела требуют важных доверителей, то <...> будут назначены лица совершенно полномочные. <...> По сему, я представляю посольство в Пекин торжественным, в роде тех, которые служат предметом всемирных толков». (См.: Переписка начальника Пекинской духовной миссии ... С. 170–171). Как видим, его позиция расходилась с официальной позицией МИД. Но в условиях сильной спешки снарядить торжественное посольство действительно было невозможно.

¹³⁶ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 14 об.

Восточной Сибири Н.Н. Муравьева актуальную информацию о происходящих в регионе событиях и копии наиболее важных бумаг по «амурскому делу», которые МИД затребовало для посланника¹³⁷.

Стоит уделить особое внимание отношению Н.Н. Муравьева к отправке в Пекин дипломатической миссии. Для рассмотрения этого вопроса необходимо вернуться назад – в 1856 г. Получив в Петербурге официальные полномочия на заключение договора о границе, генерал-губернатор решил серьезно подготовиться к будущим переговорам. В июне 1856 г. он писал своему помощнику Н.Д. Свербееву: «Надобно терпение, а будь я на месте – пожалуй бы и не вытерпел. За себя я очень сердит на китайцев: они меня заставляют приносить самые чувствительные жертвы своими глупыми хитростями, а потом молчанием, которым только ведут к промедлению»¹³⁸. В первую очередь было необходимо определить, в каком месте проводить обсуждение пограничных дел – в столице Китая или на границе. Муравьев обратился за советом к архимандриту Палладию, начальнику Российской духовной миссии в Пекине, который обладал наиболее актуальной информацией о намерениях китайского правительства. На запрос Муравьева он отвечал: «На границе, как мне представляется, действия наших полномочных не будут ограничены и права наши будут неоспоримы»¹³⁹. Такой вариант был для генерал-губернатора более удобным, чем путешествие в Пекин, и был принят им за основу действий. Разорение же англичанами Кантона, по мнению Муравьева, стало поводом к незамедлительным практическим мерам: «Я надеюсь, – писал он Е.П. Ковалевскому, – что Вы только более убедитесь, что с китайцами переговариваться нечего, а надобно нам делать свое дело. Я нисколько не сожалею, что англичане сожгли Кантон; но, разумеется, я буду говорить иное при встрече с китайцами; убедительнейше Вас прошу, поспешите мне разрешить вести своих казаков-переселенцев на Амур»¹⁴⁰.

¹³⁷ Там же. Л. 21.

¹³⁸ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 453–454.

¹³⁹ Переписка начальника Пекинской духовной миссии ... С. 170.

¹⁴⁰ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 148.

Назначение Путятина было воспринято Муравьевым в штыки. Восточносибирский генерал-губернатор расходился с адмиралом во мнениях относительно развития Сибири и Дальнего Востока¹⁴¹, а с его покровителем, Константином Николаевичем, также был не в самых лучших отношениях из-за его порой чрезмерно резкого обращения с подчиненными моряками¹⁴². В письме М.С. Корсакову, своему преемнику в Восточной Сибири, Муравьев писал: «Жаль, что он (Путятин – Н.С.) вмешался в амурские дела, которым может и повредить»¹⁴³. В донесении руководителю Морского министерства генерал-губернатор был более сдержан, но свою негативную позицию аргументировал достаточно четко: «Не могу скрыть от Вашего Высочества, что я и теперь еще не разделяю мнения о пользе посольства нашего в Пекин, но, конечно, никто горячий меня не желает ему самого полного успеха. <...> Мне кажется, что в глазах западных держав настоящее спорное наше положение с китайцами на Амуре, продолжающееся 200 лет, более уважительно, чем трактат уступки, который бы заключили в нынешнем году; но самое заключение этого трактата весьма сомнительно»¹⁴⁴. Однако Муравьев понимал, что изменить что-либо невозможно. В сложившейся ситуации он видел два пути: если в Пекине пойдут на уступки, то их надо обозначить как решение давних спорных вопросов; если же будет проявлено упорство – то своих целей можно добиваться военной силой¹⁴⁵. «Почему же нам не иметь того же права, которое присваивают себе англичане и французы, заставляющие китайцев силой принимать их предложения?» – говорил

¹⁴¹ Капитан-лейтенант В.А. Римский-Корсаков, находившийся в распоряжении Путятина в его экспедиции 1852–1855 гг., отмечал, что адмирал «решительно против всяких занятий на материке, против всяких видов на Амур; запретил ему, Римскому-Корсакову, входить в эту реку... Влияние графа Нессельроде было явное». (Тимченко-Рубан Г. Присоединение к русским владениям Приамурья ... С. 191.)

¹⁴² Кадырбаев А.Ш. У истоков миссии ... С. 5.

¹⁴³ Тимченко-Рубан Г. Присоединение к русским владениям Приамурья ... С. 191.

¹⁴⁴ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 488.

¹⁴⁵ Гипотетическую возможность применения вооруженного давления на Китай рассматривал даже император Александр II. В период подготовки миссии Путятина он писал своему брату Константину: «Если китайцы не согласятся на наши дружеские предложения, тогда руки у нас будут развязаны, и нам уже нечего будет церемониться». (Переписка императора Александра II ... С. 17.)

генерал-губернатор¹⁴⁶. В другом письме Корсакову эта мысль звучит более откровенно: «Я готов мириться с этим посольством, если у нас решились в случае его неудачи действовать силой»¹⁴⁷. Однако с окончательными выводами Муравьев решил подождать до приезда Путятина в Иркутск, намереваясь выяснить его мнение относительно целей посольства, его практической реализации и возможных перспектив¹⁴⁸.

Приезд Е.В. Путятина в Иркутск 21 марта (2 апреля) 1857 г. и первые беседы с ним убедили Н.Н. Муравьева в том, что главной целью посольства является решение «амурского вопроса», которому в Восточной Сибири посвятили около 20 лет. «Я начинаю предвидеть некоторую пользу от этого, лишь бы мы продолжали действовать согласно, как начали», – значилось в очередном письме Корсакову¹⁴⁹. Путятин, понимая срочность своей миссии, очень торопился с выездом из Иркутска. 29 марта (10 апреля) он покинул этот город и в апреле достиг пограничной Кяхты. Здесь, по прямому приказу Муравьева, ему был оказан преувеличенно пышный и громкий прием, с иллюминацией, военным оркестром и стрельбой из пушек. «Чем более будет при встрече Путятина грома и пышности, тем больше это будет иметь впечатление на наших глупых соседей», – мотивировал свое решение генерал-губернатор¹⁵⁰. Переводчик миссии А.А. Татаринов тем временем был отправлен в Ургу* с тем, чтобы еще раз объяснить местному начальству цели предстоящих переговоров и убедить их в необходимости как можно скорее пропустить посланника в Пекин. 18 (30) апреля он вернулся с обещанием ургинских правителей сразу по получении ответа из столицы доставить бумагу в Кяхту. До конца месяца никаких известий не поступило, и 3 мая (15 мая) Путятин отправил сообщение, что будет ожидать решения на протяжении 12

¹⁴⁶ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 488.

¹⁴⁷ Там же. С. 485.

¹⁴⁸ Там же. С. 485–487.

¹⁴⁹ Там же. С. 490.

¹⁵⁰ Там же. С. 493.

* Ныне – город Улан-Батор.

дней, после чего уедет далее по течению р. Амур¹⁵¹. Эта мера не возымела действия. 4 (16) мая российский посланник в донесении А.М. Горчакову высказал мнение, что упорное молчание китайских властей говорит о непонимании ими сложившегося критического положения и того, что «теснейшая связь с Россией могла быть для них полезна и выгодна»¹⁵². Его терпение подходило к концу¹⁵³ – в этом же донесении содержалось предложение взять китайский город Айгун. Такая воинственность в Петербурге была воспринята с опаской. А.М. Горчаков обращал внимание на то, что подобная военная демонстрация будет являться фактическим отказом России от ее предыдущих обещаний, а в глазах китайцев будет сравнима с действиями англичан, и поэтому ее можно применить только в крайнем случае, а лучше вовсе избежать¹⁵⁴. В личном разговоре с Муравьевым Путятин, предугадывая ответ министра иностранных дел, заявил, что захватить Айгун можно и без петербургских санкций, но эта идея не получила поддержки¹⁵⁵. Такие эмоции в ответ на игнорирование всех предыдущих запросов и предложений вполне понятны, но стоит заметить, что к отказу пропустить посольство в Петербурге были готовы еще до его отправки. Докладывая императору о подготовке дипломатической миссии 2 (14) февраля 1857 г., Горчаков предусматривал вариант задержки посланника в Кяхте, в случае которого предлагал ему отправиться по Амуру до Тихого океана и следовать в Печелийский* залив¹⁵⁶. 11 (23) марта Муравьев получил бумагу, в которой правители Урги выразили недоумение из-за отправления российского посольства и неготовность пропустить его без

¹⁵¹ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 131.

¹⁵² Цит. по: *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война ... С. 292.

¹⁵³ Д.С. Арсеньев писал: «У графа Путятина был очень большой недостаток: страшная вспыльчивость и несдержанность в жестоких порывах гнева, что делало сношения с ним, особенно для подчиненных, чрезвычайно тяжелыми». (Из записок адмирала Д.С. Арсеньева // Русский архив. 1910. № 10. С. 261)

¹⁵⁴ Попов А.Л. Царская дипломатия ... С. 194.

¹⁵⁵ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 494.

* Ныне – залив Бохайвань.

¹⁵⁶ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 15 об.–16.

соответствующей санкции из Пекина¹⁵⁷. Путятин, таким образом, рассчитывал на лояльность и быструю реакцию китайского правительства, но ошибся: оно было не готово проявить их даже в действительно сложной для себя ситуации. Однако это не являлось серьезным поводом изменить утвержденную миролюбивую тактику.

В апреле 1857 г. Великобритания отправила в Китай в качестве посланника лорда Элгина. Основные требования англичан были: пересмотр имеющихся договоров с целью получения дополнительных торговых преимуществ, учреждение постоянного дипломатического представительства в Пекине и возмещение убытков за военную операцию в Кантоне¹⁵⁸. Посол Великобритании в Петербурге лорд Вудхауз по требованию своего правительства обратился к А.М. Горчакову в частной беседе с вопросом, желает ли Россия присоединиться к европейцам в проведении мирных переговоров. Министр иностранных дел ответил неопределенно (как и Нессельроде в 1853 г.) и немедленно написал Путятину: «Государь император разрешает Вас оказывать зависящее от Вас содействие тем домогательствам лорда Эльгина, кои относятся до интересов, общих всем просвещенным нациям, каковы: установление правильных дипломатических сношений с Пекинским двором, отстранение стеснительных мер, коим подчинена торговля иностранцев, и обеспечение свободы вероисповедания для христиан. Но таковое содействие Ваше, согласно с данным мне лорду Вудгаузу ответом, ни в каком случае не должно выходить из пределов дружелюбного домогательства»¹⁵⁹. Особо отмечался в депеше прямой запрет императора присоединяться к требованиям о возмещении убытков, т.к. это могло послужить молчаливым одобрением кантонских обстрелов, о чем министр высказался категорично: «Это было бы несовместно ни с убеждениями нашими, ни с желанием нашим не вмешиваться в интересы, вовсе для нас чуждые»¹⁶⁰. На сделанные после этого англичанами и французами (в лице посла в Петербурге графа Ш. Морни)

¹⁵⁷ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский Т. 1. С. 486.

¹⁵⁸ British parliamentary papers. № 33. Correspondence relative to the Earl of Elgin ... P. 3–4.

¹⁵⁹ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 34 об.–35.

¹⁶⁰ Там же. Л. 35.

официальные предложения ответ Петербурга остался таким же, как и инструкции Путятину относительно его совместных действий с лордом Элгином и французским посланником бароном Гро¹⁶¹.

В складывающейся международной обстановке, чтобы не оказаться в политической изоляции на Дальнем Востоке, России также было крайне важно удержать шаткий нейтралитет США¹⁶². Проблема заключалась в том, что он был обусловлен желанием Вашингтона добиться равных с Великобританией и Францией преимуществ «малой кровью», не прибегая к использованию вооруженных сил, и мог быть легко отменен в результате настойчивых просьб Лондона и Парижа¹⁶³. Российский посланник в Вашингтоне Э. Стекло видел в англо-франко-американских противоречиях единственную возможность поддерживать выгодную для России позицию. Но США не хотели компрометировать себя участием в войне, а такая политика подсказывала выбор России в качестве партнера также из опасения быть изолированными. Поэтому Вашингтон отозвал из Китая своего посланника П. Паркса, сторонника вооруженной поддержки англо-французов, и назначил У. Рида, с которым Путятин, согласно указанию из Петербурга, должен был проводить совместную миролюбивую политику¹⁶⁴.

16 (28) мая 1859 г., не дождавшись разрешения на проезд в Пекин через Монголию, Путятин отправился далее на восток с целью достичь р. Амур. Необходимо понять, чем было обусловлено длительное молчание китайского правительства по вопросу приема российского посольства. Упомянутый ранее лист из

¹⁶¹ Содержание предложений Великобритании и Франции, а также ответы на них России и соответствующие инструкции Путятину были очень подробно воспроизведены и рассмотрены С.И. Повальниковым. (См.: *Повальников С.И. Война Англии и Франции ... С. 269–275.*)

¹⁶² В том числе поэтому Горчаков особенно предостерегал Путятина от его воинственных планов захвата Айгуна.

¹⁶³ Великобритания и Франция попытались вовлечь США в свои предприятия одновременно с Россией – в апреле 1857 г. В Вашингтоне были вынуждены признать, что их цели сходны с английскими и французскими, но сумели отказаться от прямого военного участия. (См.: *Анисимов А.Л. Нейтралитет России и США ... С. 13*)

¹⁶⁴ *Анисимов А.Л. Нейтралитет России и США ... С. 12–15.*

Сената о полномочиях посланника был получен в Пекине 18 (30) марта и вызвал волну обсуждений относительно целей прибытия «русских варваров»¹⁶⁵. В составленных на имя богдыхана (китайского императора) аналитических записках из различных ведомств просматривались две главные мысли: могущество русских на границах Китая нарастает¹⁶⁶, вследствие чего они могут присоединиться к вооруженным акциям западноевропейских государств, тем более что просьба принять посланника в Пекине соответствует аналогичным требованиям европейцев¹⁶⁷; отказывать в подобных просьбах нужно всем, аргументом может служить отсутствие визитов представителей России в столицу Поднебесной, за исключением одного случая в 1727 г.¹⁶⁸. Очевидно, что правящие круги Цинской империи, напуганные военными действиями англо-французов, стремились приписать их цели всем «западным варварам», включая и русских, чем и объясняется упорный отказ от переговоров. Поэтому после долгих обсуждений 16 (28) мая¹⁶⁹ был издан указ богдыхана (полученный в России только 12 (24) июля¹⁷⁰), основное содержание которого сводилось к следующему:

1) предупреждения со стороны России об угрозах текущей войны направлены на то, чтобы ввести Китай в состояние паники, но это бесполезно, т.к. ранее Цинская империя успешно справлялась с захватчиками и внутренними мятежниками без посторонней помощи¹⁷¹;

¹⁶⁵ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ... P. 72.*

¹⁶⁶ Богдыхану предлагалось привести Чжилийскую, Гириную и Амурскую провинции, а также Внешнюю Монголию в состояние тревоги (*Quested R.K.I. The Expansion of Russia ... P. 73*).

¹⁶⁷ Отказ от выполнения этого требования был самым принципиальным с самого начала второй «опиумной» войны. В Китае считали, что его удовлетворение приведет к более губительным последствиям, чем выполнение всех остальных запросов европейцев. (См.: *Зарецкая С.И. Внешняя политика Китая ... С. 74–75*). Подобная позиция объяснялась категорическим нежеланием разрушать изоляцию Китая, по которой уже был нанесен удар в ходе первой «опиумной» войны.

¹⁶⁸ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ... P. 73.*

¹⁶⁹ *Ibid. P. 74.*

¹⁷⁰ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 498.

¹⁷¹ Архимандрит Палладий в своих донесениях приводил причину такого самонадеянного заявления: «Министр Пын представил подробное историческое изложение фактов, доказывающих, что всякий раз, когда династийные правительства в Китае, в трудных обстоятельствах, обращались к помощи иностранцев и пользовались оной, они теряли свою самостоятельность и падали; вследствие чего,

2) угроза английского удара по морским берегам России не касается Цинской империи, т.к. она не вмешивается в конфликты других государств;

3) настоящим намерением русских является захват территорий на Амуре и возмещение убытков за разорение их фактории в Чугучаке;

4) между Россией и Китаем нет никаких секретных и срочных вопросов, решение которых предполагало бы приезд представителя в Пекин;

5) русского посла необходимо остановить силой убеждения¹⁷².

На основе указа Трибунал внешних сношений составил лист в Сенат, который был получен в Петербурге 23 июля (4 августа). Прочитав перевод этого документа, пораженный Александр II оставил следующую пометку: «Надобно признаться, что они глупы до невероятности!!!»¹⁷³. Но содержание листа было неизвестно Путятину, который был вынужден, несмотря на свою крайне эмоциональную негативную реакцию на молчание китайцев, пытаться снова договориться о принятии его миссии в Пекине. На этом настаивал и А.М. Горчаков, который после бесед с английским и французским послами был обеспокоен настойчивым желанием их правительств учредить свои дипломатические представительства в Пекине. Разделяя скептические воззрения относительно перспектив Китая во второй «опиумной» войне, он понимал, что это намерение, скорее всего, будет осуществлено, и в связи с этим предписывал Путятину отказаться от чрезмерных предосторожностей, не обращать внимания на «щекотливость китайцев» вкупе с «подозрительностью и недоброжелательством других правительств» и «употребить всевозможное старание к проезду в Пекин тем или другим способом»¹⁷⁴.

Затруднения, испытанные российским посланником, были восприняты в Иркутске, где Н.Н. Муравьев и его подчиненные много лет пытались добиться

необходима политика уклончивости и отказа» (Переписка начальника Пекинской духовной миссии ... С. 190).

¹⁷² *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ... P. 74–75.*

¹⁷³ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 59.

¹⁷⁴ *Попов А.Л. Царская дипломатия ... С. 192.*

разрешения «амурского вопроса», чуть ли не с удовольствием. По прибытии Путятин в Читу восточносибирский генерал-губернатор пригласил его на обед, на котором был подан суп с таким содержанием перца, что никто из присутствующих не мог его спокойно есть. Свидетель этого случая М.И. Венюков, один из подчиненных Муравьева, опровергает распространившиеся впоследствии слухи, что подача подобного блюда была намеренной, но тем не менее признает, что между окружением посланника и коллегами Муравьева шла «дипломатическая война»¹⁷⁵. В Айгуне, куда Путятин прибыл 5 (17) июня, чтобы узнать, не получено ли разрешение на проезд посольства в Пекин, его также ждал отрицательный ответ. Такое упорство китайцев убедило Муравьева, что переговоры в столице Поднебесной бесполезны, а отсутствие в китайских документах упоминаний о пограничной проблеме говорит о фактическом признании левого берега Амура русским, но Пекин опасается озвучить это официально во избежание народных волнений¹⁷⁶. Эти соображения были изложены в отдельной записке, переданной Путятину перед отъездом к тихоокеанскому побережью в очередной попытке добраться до Пекина. В случае успеха ему, таким образом, не рекомендовалось в будущих переговорах поднимать вопрос о границе. Следовательно, Н.Н. Муравьев, имея собственное мнение о способах и путях решения «амурского вопроса», был обязан оказывать миссии Е.В. Путятин необходимого содействие, но при этом продолжал считать ее по большей части бесполезной и рассматривать адмирала в качестве своего конкурента. Но не все предположения генерал-губернатора были правильными. Как упоминалось выше, китайское правительство было озабочено военным усилением России в Приамурье и выражало недовольство попыткой захвата спорной территории. Вскоре в Иркутске был получен и протестный лист от губернатора Айгуна, в котором выражалось сомнение в истинных целях занятия левого берега Амура, т.к. необходимость отражения английских атак была уже не актуальной. Однако Муравьев, отсылая этот документ в

¹⁷⁵ Венюков М.И. Путешествия по Приамурью ... С. 25–30.

¹⁷⁶ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 154.

Петербург, продолжал настаивать на том, что в Пекине считают новое разграничение свершившимся фактом, о чем провинциального губернатора не посчитали нужным поставить в известность¹⁷⁷.

Путятин, получив отказ в Айгуне, не оставил попыток достичь Пекина и вступить в переговоры. Его настойчивость одобрял и МИД, напоминавший о главной цели посольства: «Вы будете *всегда* (курсив мой – *Н.С.*) исходить из того положения, что мы решили занять левый берег Амура и что наши старания должны быть направлены к тому, чтобы оформить это дело, получив на то согласие китайского правительства»¹⁷⁸. Посланник еще из Кяхты отправил в столицу Поднебесной официальную бумагу, в которой изложил свое намерение добраться морем до Тяньцзиня приблизительно к 30 июня (11 июля) и ожидать там разрешения на проезд. Это заявление породило очередную волну горячих обсуждений ситуации в окружении богдыхана. По ее итогам 11 (23) июня был издан указ, в котором сначала рассматривались захватнические действия России на Амуре в течение двух предыдущих лет, а затем вновь излагалась официальная позиция Пекина относительно прибытия российского посольства. Повторялись утверждения о военной самодостаточности Китая и захватнических целях России, а отказ принять посланника в столице теперь дополнительно аргументировался тем, что в Китае всегда оказывают представителям других государств уважение и прием, соответствующий их рангу, но, не имея до этого времени опыта ведения «столичных» переговоров с русскими, боятся показаться невежливыми и испортить отношения. Прибытие Путятина в Тяньцзинь также признавалось неудобным и неправильным, но местным провинциальным начальникам, имевшим прежде опыт общения с англичанами, было приказано выведать у него истинные цели переговоров¹⁷⁹.

¹⁷⁷ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 501–502.

¹⁷⁸ *Понов А.Л.* Царская дипломатия ... С. 194.

¹⁷⁹ *Quested R.K.I.* The Expansion of Russia ... P. 81–83.

Безостановочно проследовав по Амуру от Айгуна, Путятин 23 июня (5 июля) прибыл в порт Николаевск¹⁸⁰, откуда через 3 дня на пароходе «Америка» вышел в море¹⁸¹. Для путешествия было необходимо значительное количество угля, запасы которого были пополнены на о. Сахалин. Здесь был оставлен лейтенант Рудановский с небольшим количеством матросов. Эта мера объяснялась следующим образом: «так как остров <...> оставлен по трактату неразделенным между Японией и Россией, то нужно было обозначить пределы наших владений на юге и, по праву первого заселения, утвердить за Россией все пространство разрабатываемых нами угольных копей¹⁸² на этом острове»¹⁸³. На дальнейшем пути к берегам Китая экспедиция Путятинна открыла и картографировала бухту св. Ольги и залив св. Владимира. Удобное расположение, природные и климатические условия этих мест впечатлили адмирала¹⁸⁴, который настаивал на их скорейшем благоустройстве и укреплении: «Для дальнейшего устройства этих портов нужно будет дать бóльшие средства. Последний трактат, обязывающий нас не иметь флота в Черном море дает нам полную возможность обратить бóльшие усилия и средства, коими мы прежде располагали там, на содержание флота в Восточном океане*, куда в теперешнее время устремляют свое

¹⁸⁰ Путятин направил в Петербург сведения о том, что Николаевск является крайне выгодным местом для торговли, чем поспешили воспользоваться американцы. Он просил предпринять меры по ограничению свободной американской торговли, которая в будущем могла развернуться и на р. Амур. «Подобные действия американцев, – писал адмирал, – можно видеть по всему матеру Центральной и Южной Америки, и примеры эти достаточно показывают, какую осторожность следует наблюдать при дозволении им приобретать какие-либо права внутри других государств». «На что и обратить самое тщательное внимание», – отреагировал Александр II. В то же время Путятин отметил неудобство Николаевска как военного порта из-за сильной ветрености и сурового климата. (АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 81 об.–83).

¹⁸¹ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 68.

¹⁸² В рапорте морскому министру Константину Николаевичу Путятин отмечал, что добыча угля на Сахалине «находится в младенческом состоянии» и предлагал целый комплекс мер по модернизации применяющихся технологий. (АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 101–111).

¹⁸³ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 70 об.

¹⁸⁴ Путятин писал, что залив св. Владимира будет крайне удобен для создания адмиралтейства, а залив св. Ольги – для стоянки глубоководных кораблей. (АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 115–116 об.)

* Имеется в виду Тихий океан.

внимание все морские державы. В сношениях моих с китайским правительством, если бы они открылись, я буду настаивать, чтобы прилегающий к означенным гаваням берег по реке Уссури, или, по крайней мере, по идущему параллельно оному хребту Сихотэ-Алинь, весь принадлежал нам. Через это мы будем иметь с помянутыми гаванями сухопутное сообщение, как с реки Амура, так и вдоль всего берега. Если мне не удастся склонить китайцев на уступку сию, то вопрос этот можно оставить нерешенным и заселять показанные места подобно тому, как мы поступаем теперь с устьем Амура и гаванями Де-Кастри и Императорской»¹⁸⁵. Наконец, оставив часть запасов угля в корейском порту Гамильтон, Путятин 24 июля (5 августа) прибыл в Печелийский залив, на берегу которого расположен Тяньцзинь¹⁸⁶.

На борт парохода «Америка» прибыли местные китайские чиновники, интересовавшиеся целями появления российского судна. Путятин ответил, что собирается отправить официальное письмо в Трибунал внешних сношений. В этом письме говорилось об отсутствии у России скрытых намерений, необходимости проведения государственной границы (поскольку «такое положение (наличие неразграниченных пространств – *Н.С.*) могло существовать, когда пространства эти оставались незанятыми, но теперь, когда оказывается нужда делать там заселения, необходимо для избежания раздоров вновь об этом рассудить и условиться»), а также искреннем пожелании России справиться с внутренними смутами в Китае¹⁸⁷. Опровергая высказанные ранее доводы Трибунала, Путятин привел в пример несколько прежних российских посольств в китайскую столицу и указал на то, что отказ пропустить его является прямым нарушением 9-й статьи Кяхтинского трактата 1728 г.¹⁸⁸ Чиновники отказались принять бумагу, но через некоторое время в Тяньцзинь прибыл заместитель председателя Палаты церемоний Вэнь, который изъявил желание, вопреки существующему порядку переписки между российским

¹⁸⁵ АВПРИ. Ф. 161. 1-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 118–119.

¹⁸⁶ Там же. Л. 71 об.

¹⁸⁷ Брежнев А.А. Россия и крестьянская война ... С. 193.

¹⁸⁸ Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война ... С. 293.

Сенатом и Трибуналом внешних сношений, доставить документы в Пекин. В личной беседе сановник предупредил, что ответ на письмо будет отправлен по установленным правилам в Петербург, но российский посланник заявил, что останется в Печелийском заливе вплоть до получения решения, даже если оно будет отрицательным. Узнав об этом, Вэнь отказался от своих намерений и заявил, что должен обсудить ситуацию с генерал-губернатором провинции Чжили. Только через 20 дней заместитель генерал-губернатора Цянь поднялся на борт «Америки», чтобы принять бумагу, попросив обязательно дождаться ответа, но Путятин, потерявший время из-за затянувшихся совещаний китайских чиновников, должен был срочно отплыть в Шанхай для получения необходимых документов из Петербурга. С иронией говоря об уверенности китайцев в способности отразить возможное английское нападение на Тяньцзинь, слабость береговых укреплений которого была зафиксирована русскими морскими офицерами, раздосадованный посланник писал: «Нельзя, впрочем, не пожелать в виде пользы и добра китайскому правительству, чтобы дан был хороший урок его безрассудной гордости, из чего сама Россия извлечет для себя гораздо более выгод, чем из нынешнего высокомерного положения, в котором держит себя Пекинский Кабинет»¹⁸⁹.

Достигнув Шанхая 17 (29) августа, Путятин выяснил, что бóльшая часть английских войск находится в настоящий момент в Индии (для борьбы с начавшимся восстанием сипаев. – *Н.С.*), в связи с чем активные операции против Китая вряд ли начнутся раньше сентября¹⁹⁰. Такое промедление было выгодно российскому посланнику при условии, что ему удастся добиться проезда в Пекин. Однако ответ, ожидавший его по прибытии в Печелийский залив 2 (24) сентября, был снова отрицательным. 25 августа (6 сентября) богдыхан издал указ, повелевавший заняться решением пограничного вопроса князю Ишаню, а также отказать Путятину по всем остальным вопросам и не вступать ни в какие переговоры в случае его появления в

¹⁸⁹ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 72–75.

¹⁹⁰ Там же. Л. 76.

китайских портах¹⁹¹. На основе этого указа Трибунал внешних сношений составил лист, в котором выражал недовольство самовольным прибытием российского представителя в Тяньцзинь без предъявления верительной грамоты, отчего остался неясным его дипломатический статус. При этом было особо отмечено, что прибывавшие ранее в Пекин послы из России всегда привозили дань китайскому императору и, представляясь ему, совершали обряд троекратного коленопреклонения¹⁹². Относительно пограничного вопроса Трибунал заявил, что граница между государствами установлена в правление императора Канси и ею являются река Горбица и Хинганский хребет, а для разграничения оставшейся небольшой территории в районе реки Уди китайское правительство готово выслать комиссаров, которые вместе с Путятиным на месте разрешат эту проблему¹⁹³. Такой ответ чрезвычайно расстроил российского посланника и его окружение. Впоследствии секретарь посольства Ф.Р. Остен-Сакен вспоминал, что Печелийский залив было предложено переименовать в «залив Печали»¹⁹⁴.

Дружелюбно попрощавшись с тяньцзиньскими чиновниками, Путятин пообещал приехать на Амур для проведения разграничения, но в действительности делать этого не собиравшись, он решил вернуться в Шанхай и следить за развитием англо-франко-китайских противоречий. Для пополнения запасов угля пароход «Америка» должен был зайти в порт Гамильтон, но, не обнаружив там сделанных ранее запасов, вынужден был идти в Нагасаки. Здесь стало известно, что в ближайшее время японцы собираются подписать с представителями европейских государств договоры о предоставлении новых торговых преимуществ и приглашают к сотрудничеству Россию, на что было дано согласие¹⁹⁵. Донесение о пребывании российского

¹⁹¹ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 87.

¹⁹² *Ibid.*

¹⁹³ Шумахер П. К истории приобретения Амура ... С. 292.

¹⁹⁴ *Souvenirs de l'Ambassade du Comte Poutiatine en Chine // Journal de St. Petersburg.* 1876. № 94.

¹⁹⁵ Там же. Л. 143–145.

посольства в Нагасаки удостоилось резолюции Александра II: «Все это весьма удовлетворительно»¹⁹⁶. Загрузив уголь, «Америка» отправилась в Шанхай.

Здесь 25 сентября (7 октября) Путятин составил объемное донесение в Петербург, в котором анализировал сложившуюся тяжелую ситуацию в переговорах с Китаем и предлагал пути решения. В качестве наиболее эффективного способа воздействия посланник предложил обвинить Китай в неисполнении предыдущих трактатов (прежде всего Кяхтинского 1727 г. – *Н.С.*) и отказаться соблюдать их условия, после чего можно было бы потребовать заключение нового договора на выгодных для России условиях¹⁹⁷. Приложением к донесению был отправлен проект¹⁹⁸ нового трактата, в который включался специально расширенный список требований. По каждому из них имелась возможность делать уступки, за исключением определения государственной границы на всем ее протяжении и предоставления России равных прав с европейскими государствами¹⁹⁹. Относительно возражений, сделанных Трибуналом внешних сношений в его августовском листе, Путятин высказывал следующие соображения:

1) европейцы давно отказались от церемониала троекратного коленопреклонения перед богдыханом, а упрекать посланника в отсутствии верительной грамоты бессмысленно, т.к. этот документ всегда передается в столице государства, куда китайская сторона не намерена пускать представителей других государств (в отношении России это является нарушением статьи 9 Кяхтинского трактата);

2) отказ в необходимости окончательного разграничения не обоснован, поскольку:

¹⁹⁶ Там же. Л. 143.

¹⁹⁷ Там же. Л. 127 об.–128.

¹⁹⁸ К сожалению, среди материалов архивного дела этот проект не значится, но судя по его дальнейшему краткому описанию, речь идет о документе, полностью воспроизведенном М.М. Плотниковой (*Плотникова М.М. Проект договора ... С. 112–115*).

¹⁹⁹ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 138 об.

а) существующая граница была установлена в 1727 г. в Кяхте в тот момент, когда Китай еще не захватил Джунгарию и Восточный Туркестан, отсутствие пограничного режима в этом регионе причиняет на текущий момент большие неудобства;

б) неразграниченное пространство между хребтами Шабин-Дабага и Хинган невелико, но недавние исследования выявили, что Хинганский хребет разделяется на северное и южное ответвление, и вопрос заключается в том, какое из них принять за границу;

в) занятые Россией территории в Приморье не могут считаться захваченными, ведь сами китайцы также присоединяют дикие и незаселенные местности;

г) оставить существующую границу по Кяхтинскому трактату было возможно в том случае, если бы китайская сторона не нарушила его условия дважды: отказавшись пропускать российских купцов в Пекин и не приняв официального представителя России в своей столице;

3) отказ предоставить право российским купеческим караванам двигаться между Кяхтой и Пекином объясняется тем, что уже открыта торговля в Кульдже и Чугучаке, но ее объем настолько мал, что не может быть принят в расчет²⁰⁰.

Подводя итоги, Путятин отмечал, что, несмотря на постоянные отказы и резкий тон официальных бумаг, китайцы все же опасаются окончательного дипломатического разрыва с Россией, и просил Петербург оказать на Пекин усиленное давление²⁰¹. Посланник также призывал российское правительство отказаться от сухопутной торговли в Кяхте как крайне невыгодной и обратить внимание на морскую торговлю²⁰², приносящую европейцам огромные прибыли²⁰³. В

²⁰⁰ Там же. Л. 129 об.–136.

²⁰¹ Там же. Л. 135 об.–136.

²⁰² В одном из донесений Е.П. Ковалевскому Путятин писал, что упорное убеждение России в необходимости торговли в Кяхте является одной из ее главных ошибок во взаимоотношениях с Китаем. По его сведениям, те сорта чая, которые китайцы поставляли кяхтинским купцам, давно перекупаются американцами и вывозятся ими морем. Американский консул в Шанхае Хёрд предлагал российскому представителю воспользоваться судами российско-американской компании. (АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 140–142 об.)

²⁰³ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 136, 138.

пограничном вопросе он считал нужным настаивать на проведении черты по хребту Сихотэ-Алинь, что давало возможность приобрести незаселенные земли, имеющие огромный потенциал для земледелия, а в случае сопротивления предлагал выкупить указанную местность у Китая за сумму от 3 до 5 миллионов рублей серебром, ссылаясь на аналогичный опыт англичан и американцев²⁰⁴. По мнению Путятин, реальные деньги в сложившейся ситуации были нужны китайскому правительству гораздо больше²⁰⁵, чем помощь оружием и военными инструкторами, которую собиралась оказать Россия²⁰⁶.

В декабре в Петербурге получили донесение Путятин, которое стало поводом для заседания Амурского комитета. Позиция присутствовавшего на нем от МИД А.М. Горчакова была выражена в аналитической записке «По китайскому делу», в которой содержались ответы на все вопросы и соображения российского посланника:

1) встречный отказ России соблюдать ранее заключенные трактаты был бы неправильным, т.к. этими трактатами определяется, помимо пограничного вопроса, целый ряд аспектов межгосударственных отношений, урегулировать которые внедоговорным образом будет практически невозможно;

2) утверждение, что китайцы опасаются разрыва дипломатических отношений, неверно – исторический опыт показывает, что они боятся только военных действий, т.к. разрыв отношений с другими государствами не приводит к упадку их торговли;

3) поводов для войны с Китаем на настоящий момент нет. Таким поводом могло бы стать стремление закрепить за собой определенные территории или добиться существенных торговых льгот, в то время как Россия уже закрепила на занятых

²⁰⁴ Там же. Л. 139.

²⁰⁵ Очевидно, имелась в виду необходимость укрепления финансов Китая в результате кризиса, вызванного восстанием тайпинов. Гипотетическое нежелание китайцев принять военную помощь Путятин мотивировал тем, что они до сих пор отказываются признавать свою очевидную военную слабость и «находятся в ослеплении». (АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 139 об.)

²⁰⁶ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 139 об.

территориях фактически, а развитие морской торговли с Китаем имеет отдаленную перспективу²⁰⁷;

4) продолжать попытки провести переговоры с китайским правительством сейчас бессмысленно, оно проявляет слишком много дерзости²⁰⁸ и упорства;

5) поднятый Путятиным вопрос о возможности совместных действий с западноевропейскими державами уже отражен в его инструкциях – сотрудничество с ними возможно только в вопросах установления торговых льгот, а в вопросе об удовлетворении отдельных требований России англичане и французы, скорее всего, окажут противодействие, мнение же дружественных американцев, придерживающихся нейтралитета, серьезной силы иметь не будет;

б) победа англичан и французов над Китаем не принесет улучшений в процессе русско-китайских переговоров, т.к. в Пекине снова будут упрекать Россию за нарушение трактатов²⁰⁹.

Подводя итоги, автор записки рекомендовал дождаться более благоприятного случая для проведения русско-китайских переговоров, в связи с чем пребывание Путятина у берегов Поднебесной не имеет в настоящий момент смысла. «Всякая новая попытка ныне была бы бесполезна и лишь ослабила бы еще более наше влияние в Пекине», – следовало неутешительное заключение²¹⁰.

На упомянутое заседание Амурского комитета срочно был вызван из парижского отпуска Н.Н. Муравьев. Непринятые МИД соображения Путятина и очевидный пессимизм, с которым Министерство оценивало дальнейшие перспективы переговорного процесса с Китаем, были восточносибирскому генерал-губернатору выгодны. Провал путятинских переговоров в 1857 г. привел российское

²⁰⁷ Там же. Л. 161–163 об.

²⁰⁸ В августовском листе Трибунала внешних сношений по отношению к императору Александру II был употреблен титул «ван», т.е. «князь». По мнению Путятина, это объяснялось тем, что Трибунал в основном занимался взаимоотношениями Пекина с подвластными землями и сохранял привычную риторику и в отношении России. (АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 137–137 об.)

²⁰⁹ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 162 об.–165.

²¹⁰ Там же. Л. 165 об.

правительство к тому же заключению, которое уже дважды было высказано Муравьевым – вести пограничные дела с китайцами в Пекине бесполезно, необходимо фактически занять желаемые территории, придерживаться исключительно мирных методов и стиля общения и ждать китайских уполномоченных на границе для ее юридического оформления. Поэтому все полномочия по разграничению снова были предоставлены генерал-губернатору Восточной Сибири, о чем из Петербурга в Пекин было отправлено официальное сообщение²¹¹. М.И. Венюков, комментируя такое решение правительства, писал: «Подписание трактата с китайцами о признании за нами всего левого и части правого берега Амура должно было явиться венцом многолетней деятельности Н. Н. Муравьева, и понятно, что он не желал отдать этого венца другим»²¹². В качестве поощрения Муравьеву было также присвоено звание генерал-адъютанта²¹³.

24 декабря 1857 г. (5 января 1858 г.) Путятин был назначен начальником отдельной эскадры и императорским комиссаром для наблюдения за военными действиями англичан и французов, «так как звание посланника в Китае представляется уже бесполезным»²¹⁴. «Прошу ваше сиятельство зорко следить за действиями англичан и французов, отнюдь не принимая участия в военных действиях», – конкретизировал в инструкции от 24 декабря (5 января 1858 г.) новые обязанности своего протеже морской министр Константин Николаевич²¹⁵. Недопустимость давления на Пекин объяснялась следующим образом: «Правительство наше решилось не уклоняться от того пути, который оно первоначально избрало в сношениях своих с китайским правительством, т.е., с одной стороны, продолжать занятие левого берега Амура и других известных вам местностей в том крае, с другой – не прерывать наших сношений с китайским

²¹¹ Шумахер П. К истории приобретения Амура ... С. 295–296.

²¹² Венюков М.И. Путешествия по Приамурью ... С. 71.

²¹³ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 504–505.

²¹⁴ Попов А.Л. Царская дипломатия ... С. 195.

²¹⁵ Цит. по: Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война ... С. 295.

правительством, возобновление которых было бы чрезвычайно трудно, может быть, даже невозможно на тех началах, на которых они существуют ныне, и, наконец, угрожало бы гибелью нашей миссии и уничтожением кяхтинской торговли»²¹⁶. О невозможности же тесного сотрудничества с англичанами и французами А.М. Горчаков писал следующее: «Интересы наши и западных держав так различны, что для нас права и преимущества, которые последние могут вытребовать для себя на китайских морях, недостаточно важны, чтобы рисковать своими выгодами от сухопутной торговли»²¹⁷. Очевидно, что, кроме предлагаемого Путятиным разрыва имеющихся трактатов, большое беспокойство в Петербурге вызывало его стремление ликвидировать Кяхтинский торг, которому придавали большое значение.

Любопытно, что после проведения кадровых перестановок российское правительство продолжало рассчитывать на дипломатические успехи Путятина во время его миссии к берегам Китая. Жесткий запрет на участие в боевых действиях европейцев и указание на слабую заинтересованность в получении равных с ними преимуществ не мешали при возможности придерживаться американской тактики относительного нейтралитета. Амурский комитет постановил, что при необходимости императорский комиссар, взаимодействуя с посланниками Англии и Франции, мог принять участие в переговорах их с китайским правительством, но предостерегал: «<...> он должен употребить все усилия, чтобы в договорах не были затронуты наши пограничные интересы, стараясь действовать заодно с комиссаром Североамериканских Штатов, правительство которых остается до сих пор неизменным в отношении общей с нами миролюбивой политики в вопросе Китайском»²¹⁸. Более того, в МИД не исключали и вероятности заключения отдельного договора с Китаем, что находит свое отражение в упомянутой инструкции: «После многих опытов, мы не полагаем, что китайцы решились вступить с нами в

²¹⁶ Цит. по: *Попов А.Л.* Царская дипломатия ... С. 195.

²¹⁷ Цит. по: *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война ... С. 295.

²¹⁸ Цит. по: *Плотникова М.М.* Внешнеполитическая деятельность ... С. 130.

переговоры с намерением привести их к окончанию; но *если представится к тому случай* (курсив мой. – Н.С.), то вам уже известны начала, на которых правительство наше желает заключения нового договора. Эти основания, впрочем, в началах своих почти не разнятся от представленного Вами в проекте трактата»²¹⁹. Созданная, таким образом, ситуация, когда двое соперничающих друг с другом государственных деятеля преследовали одну цель – заключить договор о разграничении, – не могла не оказать влияние на дальнейший ход событий.

Но сентябрьские донесения Путятин достигли Петербурга в декабре, а ответные распоряжения не могли быть доставлены быстрее, чем за месяц. В конце сентября посланник отправился в Нагасаки, чтобы подписать обещанные японцами дополнительные договоры. Новый трактат, считавшийся дополнением к Симодскому трактату 1855 г., был подписан 12 (24) октября²²⁰. После этого пароход «Америка» вернулся в Шанхай, затем отправился в Гонконг с целью выяснения дальнейших намерений английского, французского и американского представителей²²¹. 2 (14) ноября Путятин прибыл в пункт назначения и связался с лордом Элгином, кратко изложив ему историю своих безуспешных попыток добиться согласия на переговоры. Министр иностранных дел Великобритании инструктировал своего посланника в Китае следующим образом: «Сейчас русские находятся на пути к сотрудничеству с нами в более дружелюбной манере, но мы не должны доверять им, <...> Вы сами сможете лучше понять, что они из себя представляют, но было бы лучше, если бы все христианские державы сотрудничали в Китае»²²². При личной встрече Элгин пытался выяснить у своего коллеги, собирается ли Россия оказывать помощь Китаю в борьбе с восстанием тайпинов. На это последовал отрицательный ответ с уточнением, что Россия, как ближайший сосед, готова предложить Цинской империи свои советы в преодолении как внутренних, так и внешних кризисов. Представитель России

²¹⁹ Цит. по: Плотникова М.М. Внешнеполитическая деятельность ... С. 130.

²²⁰ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 89.

²²¹ Переписка начальника Пекинской духовной миссии ... С. 199.

²²² *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 89–90.

высказывал убеждение, что решать вопросы с китайским правительством нужно только путем давления на Пекин, для чего можно разместить суда с мелкой осадкой в устье реки Пейхо. Затем последовала встреча с французским посланником бароном Гро, который изложил англо-французские планы окончательного захвата Кантона, но подобная мера была названа Путятиным бесполезной по сравнению с морской блокадой китайской столицы. По итогам этих бесед у лорда Элгина сложилось убеждение, что Россия готова принять участие в военной экспедиции европейцев на северо-восток Китая. В переписке же с американским полномочным министром Ридом представитель России высказал убеждение, что нейтралитет их правительств обязательно приведет к достижению желаемых результатов в делах с Цинской империей. В общении с коллегами Путятин, в соответствии с данными ему распоряжениями, ни разу не упомянул о русско-китайском пограничном вопросе²²³. В донесениях он отмечал: «Сношения наши с американцами весьма дружелюбны и откровенны; с англичанами и французами весьма вежливы, приязненны, но ограничиваются некоей осторожностью»²²⁴. С противоположной стороны о русском адмирале также сложилось благоприятное впечатление – необходимый контакт с европейцами был установлен²²⁵. Однако настойчивым советам Путятина отказаться от штурма Кантона Элгин и Гро не вняли – после обстрела город, не оказавший по приказу китайских властей никакого сопротивления, был захвачен 17 (29) декабря 1857 г.²²⁶.

В Петербурге опасались чрезмерного сближения с Англией и Францией в китайском вопросе, особенно учитывая предложения Путятина о «морской демонстрации»²²⁷ в районе Пекина, высланные им в донесении от 4 (16) декабря из

²²³ Ibid. P. 90–91.

²²⁴ Шумахер П. К истории приобретения Амура ... С. 295.

²²⁵ Quested R.K.I. The Expansion of Russia ... P. 90–91.

²²⁶ Зарецкая С.И. Внешняя политика Китая ... С. 65.

²²⁷ Эти воинственные намерения Путятин продолжал высказывать, т.к. получил декабрьские распоряжения российского правительства в Шанхае только 24 марта 1858 г., восприняв их, как писал

Гонконга, которые могли быть восприняты как готовность России присоединиться к недружественным действиям в отношении Китая. В феврале 1858 г. Амурский комитет приказал Путятину оставаться наблюдателем, не принимая участия в военных действиях, т.к. Англия и Франция объявили, что достигнутые ими преимущества будут распространены на все европейские государства²²⁸. Российское правительство сохраняло нейтралитет. В отчете МИД за 1857 г. Горчаков писал: «Новые сведения, доставленные Путятиным и Муравьевым, зрелое обсуждение предмета, вскоре убедили МИД в бесполезности отступления от системы, которой мы постоянно руководствовались в настоящем деле. Сухопутная демонстрация, равно как и морская, впоследствии предложенная Путятиным, окончательно отменены»²²⁹.

23 января (4 февраля) английский и французский посланники обратились к представителю России с предложением направить в Пекин коллективную ноту о назначении уполномоченного для переговоров о предъявленных европейцами требованиях в Шанхае. Поскольку речь о применении военной силы не шла, предложение было принято. После согласования текста своего обращения с Ридом Путятин 27 января (8 февраля) отправил его Гро и Элгину. Последний в письме жене отметил, что «нота Путятинна очень хороша, возможно, лучше любой другой»²³⁰. Но втайне от европейцев и американцев вместе с общей нотой в Пекин было отправлено письмо, в котором содержалась просьба доверить назначенному в Шанхай уполномоченному «частное» обсуждение вопроса о русско-китайской границе²³¹. Надежд на успех Путятин не оставлял, т.к. на тот момент еще не знал о решении об освобождении его от должности посланника.

его американский коллега Рид, с немалым удивлением (*Quested R.K.I. The Expansion of Russia ... P. 102*)

²²⁸ *Шумахер П.* К истории приобретения Амура ... С. 295.

²²⁹ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 41. Л. 205.

²³⁰ *Letters and Journals of James, Eighth Earl of Elgin ... P. 223–224.*

²³¹ Полный текст этого письма, сохранившегося в китайских архивах см: *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ... P. 98–99.*

Но в Пекине реакцией на оба документа стал отказ, выраженный в указах богдыхана. Общая нота была воспринята как желание России присоединиться к европейцам в их вооруженном давлении. Особо было отмечено, что европейско-китайские дела не касаются России и США, которых надо удерживать от вступления в союз с агрессорами. Относительно пограничной проблемы повторялся тезис о недопустимости изменения границ и содержалось требование ликвидировать все русские поселения на спорных территориях²³². В листе, переданном архимандриту Палладию из Трибунала внешних сношений 10 (22) марта, был выражен протест на действия Путятина, находящегося в Шанхае несмотря на запрет, и содержалось вторичное настойчивое требование проводить переговоры о границе непосредственно на Амуре²³³.

Практически ультимативное требование прислать уполномоченного в Шанхай так и не было выполнено²³⁴. Англо-французская экспедиция стала готовиться к походу в Печелийский залив, намереваясь в случае очередного отказа от переговоров взять форты приморского города Дагу, занять Тяньцзинь и в случае необходимости двинуться на Пекин. К участию в этом предприятии были приглашены также и представители России и США. Путятин согласился и стал готовиться к отплытию. Перед отъездом из Шанхая 26 марта (7 апреля) он отправил китайскому правительству очередную ноту, в которой настойчиво рекомендовал принять требования европейцев, и через 5 дней достиг Печелийского залива раньше своих коллег, пригласив тяньцзиньских чиновников на борт парохода «Америка» для совещания²³⁵. На этой встрече представитель России сообщил о своих добрых намерениях по

²³² *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 101–102.

²³³ Дневник архимандрита Палладия ... С. 228.

²³⁴ Ответ на ноты английского и французского уполномоченных содержал утверждение, что Шанхай не может являться местом для проведения переговоров, т.к. по традиции все переговоры должны проводиться в Кантоне. Как пишет С.И. Зарецкая, здесь проявилось доминирование у власти консервативной правящей группировки Китая, которая стремилась сохранить существовавшее на протяжении предыдущих столетий международное положение Китая всеми возможными способами. (*Зарецкая С.И. Внешняя политика Китая ...* С. 71–72.)

²³⁵ *Cordier H. L'expédition de Chine de 1857–1858 ...* P. 324–326.

отношению к Китаю, исходя из которых он снова рекомендовал согласиться на условия европейцев. Таким образом, он принимал на себя посреднические функции, в связи с чем просил допустить его в Пекин для бесед с государственными сановниками, а также разрешить архимандриту Палладию проезд в Тяньцзинь²³⁶. Встреча с начальником духовной миссии была необходима, чтобы ввести его в курс дела, т.к. в дальнейшем он мог оказать содействие в переговорах, принимая во внимание его длительное пребывание в китайской столице и личное знакомство со многими государственными деятелями.

В указе богдыхана от 9 (21) апреля было прямо сказано, что необходимо произвести раскол в рядах «варваров», в связи с чем проявлять к русским большее уважение по сравнению с англичанами, чтобы впоследствии иметь возможность использовать их в качестве посредников²³⁷. Разрешив Палладию проезд в Тяньцзинь, китайское правительство надеялось, что с помощью Путятин англичане вернут китайцам захваченный Кантон и не будут требовать возмещения убытков, исчисляющихся миллионами лан серебра²³⁸. Сам адмирал, однако, не рассматривал себя в качестве классического посредника, о его намерениях свидетельствуют дневниковые записи начальника Российской духовной миссии²³⁹: «С немалым изумлением я узнал из объяснения и тона графа, что Амурский вопрос по-прежнему остается в его руках и что о миролюбивой политике нашей в Китае в действиях его нет и помина. Граф, по его словам, может только советовать китайцам, в чем они должны уступить европейцам и чего могут не уступать; никакого другого участия он принять не в состоянии. <...> За столом я передал письмо Н.Н. Муравьева на мое имя

²³⁶ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 104–105.

²³⁷ *Ibid.* P. 107.

²³⁸ Дневник архимандрита Палладия ... С. 234.

²³⁹ Впервые «Дневник архимандрита Палладия за 1858 г.» был опубликован в журнале «Морской сборник» еще в 1860 г., но со значительными сокращениями. Пропуски объяснялись критическими оценками деятельности Путятин со стороны архимандрита, но все изложенное им в дневнике, по словам ближайшего сотрудника адмирала Ф.Р. Остен-Сакена, было весьма правдивым. Без сокращений дневник был опубликован в журнале «Известия МИД» в 1912 г. (См.: *Куликов А.М. К истории публикации ...*)

графу для прочтения. Граф прочитал его и, отдавая мне, сказал: «все правда, но Н.Н. *не может* (курсив мой – Н.С.) совершить этого дела, и хотя я тоже получил новые инструкции, но по обстоятельствам не могу следовать им». <...> После я узнал, что граф, получив депеши с Мартыновым, скрыл их от огласки, предоставляя себе действовать по усмотрению»²⁴⁰. В переговорах с китайскими уполномоченными Путятин настаивал на определении русско-китайской границы (за что, согласно его соображениям, предусматривалось денежное вознаграждение китайской стороне)²⁴¹ и предоставлении России равных прав с другими европейскими державами в обмен на гарантии своего посредничества, стремясь, естественно, сохранить эти цели в тайне от европейских коллег. «В теперешних критических обстоятельствах, – писал он Горчакову, – я счел должным не упускать время и требовать скорейшего утверждения императором этих статей, которые в сущности и составляют главные наши домогательства»²⁴². 25 апреля (7 мая), встретившись с архимандритом Палладием на борту парохода «Америка», адмирал просил его по возвращении в Пекин всеми способами содействовать принятию указанных требований, а также ходатайствовать о скорейшем пропуске представителя России в китайскую столицу²⁴³. На многочисленные запросы Путятин китайская сторона долго не давала ответ, что побудило его отказаться от посреднических функций²⁴⁴. В Пекине же ждали решительных мер (при необходимости и военных), цель которых – отклонить выдвинутые европейцами претензии²⁴⁵. Отсутствие подобных действий вызвало негативную реакцию. Богдыхан в своем указе усомнился в надежности данных адмиралом обещаний, а китайский уполномоченный Тан Тинсян отмечал в своей докладной записке, что позиция Путятин вызывает лишь презрение²⁴⁶. «Убедившись

²⁴⁰ Дневник архимандрита Палладия ... С. 244–245.

²⁴¹ Плотникова М.М. Внешнеполитическая деятельность ... С. 135.

²⁴² Цит. по: Плотникова М.М. Внешнеполитическая деятельность ... С. 136.

²⁴³ Дневник архимандрита Палладия ... С. 244.

²⁴⁴ Quested R.K.I. The Expansion of Russia ... P. 113.

²⁴⁵ Переписка начальника Пекинской духовной миссии ... С. 201.

²⁴⁶ Quested R.K.I. The Expansion of Russia ... P. 113.

в ограниченности посредничества представителя России, Пекинский Кабинет отодвинул дело с Россией на второй план и оставил его пока без особого внимания. Он занят более тревожными вопросами», – резюмировал архимандрит Палладий²⁴⁷. Действительно, позднее было официально объявлено, что рассмотрение русско-китайских проблем начнется не раньше, чем будут улажены дела с европейцами²⁴⁸.

В мае 1858 г., в то время как Путятин вел переговоры в Тяньцзине, крайне важные события произошли на Амуре. Еще 25 августа (6 сентября) 1857 г. богдыхан постановил, что переговоры о границе с Россией должны вестись генерал-губернатором (цзян-цзюнем) провинции Хэйлунцзян Ишанем²⁴⁹ с русским уполномоченным непосредственно на месте²⁵⁰. Китайская сторона ожидала возвращения Путятина на Амур и интересовалась, почему представитель России до сих пор не прибыл на место, в то время как к проведению переговоров уже все готово. Но, как известно, в декабре 1857 г. российское правительство поручило ведение дел о границе с Китаем Н.Н. Муравьеву. Получив это распоряжение, Муравьев вернулся в Париж, откуда был срочно вызван на заседание Амурского комитета. Активный раунд переговоров он собирался начать только весной 1858 г. Зимой 1857–1858 гг. в Пекине, на основании донесений об увеличении российского военного присутствия в Приамурье и слухов о присоединении России к требованиям Англии и Франции, решили принять ответные меры – правительство богдыхана официально обнародовало указ об отправлении на русско-китайскую границу больших запасов пороха для отражения захватчиков. По мнению архимандрита Палладия, это делалось главным образом с целью показать намерение Китая до последнего сопротивляться территориальным претензиям России²⁵¹. Действительно, анонсированные

²⁴⁷ Переписка начальника Пекинской духовной миссии ... С. 204.

²⁴⁸ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 113.

²⁴⁹ Ишань занимал высокие государственные посты и при предыдущем богдыхане, был крайне уважаемым сановником и, по некоторым сведениям, приходился родственником действующему императору.

²⁵⁰ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 87.

²⁵¹ Переписка начальника Пекинской духовной миссии ... С. 197.

мероприятия не были осуществлены. Согласно донесениям Муравьева, обстановка на Амуре оставалась мирной, а отношение пограничных китайских властей можно назвать дружелюбным²⁵². Ургинские правители были предупреждены, что в наступающем 1858 г. мероприятия по заселению Приамурья будут продолжены, но это не имеет враждебной направленности, а напротив, делается для пользы обоих государств. В конце марта, сразу после вскрытия льда, генерал-губернатор Восточной Сибири собрался совершить поездку по Амuru до морского побережья длительностью около 4 месяцев, при этом он отправил в Айгун курьера с уведомлением о своей готовности начать переговоры о границе²⁵³. Эти переговоры представлялись ему трудными, о чем свидетельствует письмо к Е.П. Ковалевскому: «Надеюсь по всему, что мы сохраним мирные отношения с китайским правительством, но при переговорах на Амуре едва ли обойдется без шума, ибо тамошний дзянь-дзюн человек очень важный, мандарин и князь высшей степени, в роде И; я теперь жалею, что переговоры эти не поручены Ургинскому амбаню-бейсе»²⁵⁴. По приглашению Муравьева в Айгун в качестве помощника и свидетеля, а также с целью приобрести необходимый дипломатический опыт поехал находившийся в тот момент в Восточной Сибири чиновник МИД, пристав Российской духовной миссии, статский советник П.Н. Перовский – человек, который через несколько месяцев должен был отправиться в Пекин по служебным обязанностям²⁵⁵.

Выехав 6 (18) апреля из Иркутска, через месяц российская делегация достигла Усть-Зей, где, как и предполагалось, ее встретили амбани с просьбой к Муравьеву задержаться на несколько дней для обсуждения вопросов о границе²⁵⁶. Муравьев согласился и 10 (22) мая прибыл с помощниками в Айгун, где на следующий день состоялась первая встреча в рамках переговоров. Муравьев в очередной раз обратил

²⁵² Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 162.

²⁵³ Там же. Т. 1. С. 507.

²⁵⁴ Там же. Т. 2. С. 166.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 509.

внимание китайской стороны на то, что проведение границы в интересах обоих государств, и прибавил, что для Китая, находящегося в состоянии войны с Англией, существует большая опасность захвата вражескими войсками устья Амура и сопредельных территорий, а Россия в этой ситуации сможет оказать помощь только при условии соблюдения ее требований²⁵⁷. Услышав в ответ очередное возражение, Муравьев сделал вывод, что китайцы любыми путями постараются сохранить с Россией дружественные отношения, но при этом в пограничном вопросе отступить не намерены. Поскольку затягивание переговоров не входило в его планы, генерал-губернатор объявил себя больным и поручил ведение дальнейших переговоров Перовскому: по его мнению, это позволяло оставить за собой решающее слово. При этом Перовский был представлен Ишаню как член Сената, а не чиновник МИД, поскольку, как известно, именно в Сенат Пекин адресовал все официальные бумаги по пограничным вопросам²⁵⁸. В течение нескольких дней продолжались трудные переговоры с китайскими уполномоченными, в ход шли лестные отзывы о величии и непобедимости Цинской империи и проч. Перовский, по совету Муравьева, сообщил, что нынешнее бедственное положение Китая известно в России, а что касается пограничного вопроса, то сами китайцы неоднократно нарушали постановления Нерчинского договора и, более того, недавно не пустили в Пекин посла с мирной миссией, что во всем мире может стать поводом к разрыву отношений и началу войны. Эти заявления серьезно напугали цзян-цзюня и его помощников, а их колебания, как и планировалось, устранил Муравьев, заявивший Ишаню, что он не собирается делать никаких уступок и не понимает медлительности китайцев, которые тем самым подвергают себя большому риску английского вторжения²⁵⁹. Под давлением генерал-губернатора вопрос о заключении договора был решен положительно, и 16 (28) мая 1858 г. Айгунский трактат был подписан²⁶⁰. Его условия позволяли России наконец

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 360. Л. 2.

²⁵⁸ Там же. Л. 2 об.

²⁵⁹ Там же. Л. 2 об.—4.

²⁶⁰ Сборник договоров России с Китаем ... С. 110–112.

юридически закрепить за собой Приамурье и морское побережье, территории по р. Уссури объявлялись совместным владением двух государств. Поздравляя подчиненных с успехом миссии, Н.Н. Муравьев произнес короткую речь: «Товарищи, поздравляю Вас! Не тщетно трудились мы: Амур сделался достоянием России! Святая церковь молится за вас, Россия благодарит! Да здравствует император Александр и да процветает под кровом его вновь приобретенная страна! Ура!»²⁶¹. Для вступления договора в силу нужна была его ратификация российским и китайским императорами. Но было сделано одно значительное упущение – к договору не была приложена государственная печать Китая²⁶². Это обстоятельство в дальнейшем стало важным козырем китайской стороны.

В самом Китае в мае 1858 г. развитие событий также вступило в завершающую фазу. Предложения Путятина по-прежнему отклонялись. 3 (15) мая богдыхан издал очередной указ, в котором выразил недоумение, почему «русские варвары» сейчас озаботились проведением новой границы, если разграничение было проведено более 100 лет назад? Основная мысль этого документа сводилась к тому, что императорская династия уже предоставила России существенные преимущества в Китае (прежде всего речь шла о торговле в морских портах), и новые запросы были восприняты как неблагодарность²⁶³. Спустя два дня, под влиянием записки Тан Тинсяна о недопустимости пропуска европейских уполномоченных в Пекин, очередной императорский указ приказывал европейцам возвращаться в Кантон²⁶⁴. Сведения об этом решении, со словами о явном непонимании китайским правительством своего рискованного положения, были немедленно переданы Путятиным своим европейским коллегам. Очевидно, этот поступок был продиктован желанием склонить их к более активным действиям и тем самым улучшить свое положение. Терпению Элгина и Гро действительно пришел конец – после совещания с командующими английскими и

²⁶¹ *Шумахер П.* К истории приобретения Амура ... С. 297.

²⁶² *Мясников В.С.* Границы Китая ... С. 108.

²⁶³ *Quested R.K.I.* The Expansion of Russia ... P. 119.

²⁶⁴ *Ibid.*

французскими войсками было принято решение взять форты приморского города Дагу и в дальнейшем без применения оружия продвигаться в сторону Пекина с целью ускорения переговоров²⁶⁵. 8 (20) мая укрепления Дагу были разрушены, в китайской столице запаниковали. Главкомандующим был назначен монгольский князь Сэнгэринчи, прославившийся победами над войсками тайпинов, а сам город перевели на осадное положение. Уполномоченные для переговоров с «европейскими варварами» также были заменены – в Тяньцзинь отправились маньчжуры Гуйлян (родственник императора) и Хуашана (по словам начальника Российской духовной миссии, «известный за умного человека»), что архимандрит Палладий объяснял желанием успокоить европейцев, якобы доверявших маньчжурам больше, чем китайцам²⁶⁶.

Риторика китайского правительства по отношению к России также была смягчена. В начале июня оно снова старалось вовлечь российского уполномоченного в переговоры с европейцами в качестве посредника, но уже на других условиях. Пристав подворья Российской духовной миссии в разговоре с ее начальником 20 мая (1 июня) убеждал, что «здесь (т.е., в Пекине – *Н.С.*) исполняют все требования графа, если он примет на себя, по крайней мере, переговоры с англичанами, потому что китайским полномочным нет возможности вести дело с этими требовательными, неприступными, дерзкими и наглыми варварами»²⁶⁷.

Гуйлян и Хуашана в своих донесениях писали о невозможности смягчить требования европейцев и о необходимости пойти на серьезные уступки. Их мнение, таким образом, практически полностью совпадало с мнением правительственной группировки, оппозиционной находившимся у власти консерваторам²⁶⁸. В то же время инструкции предписывали уполномоченным отклонять те требования, которые способны нанести вред Китаю, т.е. привести к ниспровержению существующего

²⁶⁵ British parliamentary papers. № 33. Correspondence relative to the Earl of Elgin ... P. 305–306.

²⁶⁶ Дневник архимандрита Палладия ... С. 255–257.

²⁶⁷ Там же. С. 256.

²⁶⁸ Зарецкая С.И. Внешняя политика Китая ... С. 98.

порядка²⁶⁹. По их словам, помощь в ограничении прежде всего английских запросов последовала от Путятин²⁷⁰. В ходе личных встреч с маньчжурскими сановниками представитель России продолжал настаивать и на принятии своих требований. По словам Р.К.И. Квестэд, его собственные переговоры продвигались очень быстро²⁷¹. Действительно, первая встреча с Гуйляном и Хуашана состоялась 25 мая (6 июня), а 1 (13) июня в Тяньцзине был подписан новый русско-китайский трактат²⁷². Несмотря на то что его основное содержание касалось предоставления России равных с европейскими державами преимуществ, девятая статья предписывала представителям обоих государств провести совместное исследование неразграниченных участков территории и провести новую граничную черту, что должно быть впоследствии отражено в дополнительной статье²⁷³. Казалось, Путятин выполнил свою главную задачу. Однако собравшийся 27 мая (8 июня) 1858 г. в Петербурге Амурский комитет, в связи с получением известия о назначении Ишаня для проведения переговоров о границе на Амуре, постановил одобрить все совместные действия императорского комиссара с европейскими коллегами, но «оставить разграничение в *исключительном* (курсив мой – Н.С.) заведывании генерал-адъютанта Муравьева»²⁷⁴. Очевидно, что это распоряжение не успело бы дойти до Тяньцзиня в пятидневный срок. Дальность расстояния снова играла негативную роль в управлении русско-китайскими взаимоотношениями.

Расстояние от Айгуна до Пекина было гораздо меньшим, но здесь записку Ишаня о заключении Айгунского трактата получили только 21 мая (2 июня). В императорском указе по этому поводу было сказано, что Цинская империя, в ознаменование многолетнего добрососедства и в благодарность за позицию в ходе

²⁶⁹ Там же. С. 96.

²⁷⁰ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 124.

²⁷¹ *Ibid.* P. 123.

²⁷² Полный текст см.: Сборник договоров России с Китаем ... С. 122–130.

²⁷³ Сборник договоров России с Китаем ... С. 127–128.

²⁷⁴ АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 495. Л. 20–20 об.

возникшей войны, уступила России в вопросе о разграничении по Амуру и теперь ждет от нее помощи в переговорах с европейцами. В этот же день богдыхан отдельным указом утвердил трактат²⁷⁵. Приехавший к архимандриту Палладию пристав подворья сообщил ему эту новость и предложил вместе ехать в Пекин, чтобы известить об этом графа Путятина²⁷⁶. Но, как оказалось, в этом уже не было необходимости. Вот как описывает архимандрит Палладий реакцию Путятина на привезенные известия при их встрече в Тяньцзине 7 (19) июня: «Не отвечая ничего, граф повел меня в свою залу и прочел вновь заключенный им трактат, что было для меня неожиданной новостью; я полагал, что это только предварительные статьи с некоторыми неважными подробностями, и был в большом недоумении, когда чтение заключилось подписями полномочных»²⁷⁷. Архимандрит заметил, что между русским, китайским и маньчжурским текстами трактата присутствовали разночтения и иногда встречались пропуски. Это обстоятельство он объяснял так: «Граф боялся, чтобы китайские полномочные не одумались, или, чтобы европейские полномочные не провели о том, ему хотелось также заключить трактат прежде других держав»²⁷⁸. Упомянутые разночтения действительно присутствовали и при обмене ратификациями договора сыграли весьма неблагоприятную роль. Путятин в своем донесении в МИД пояснил, что использование трех языков было необходимо по той причине, что китайский перевод не отражал в точности детали русского текста, в связи с чем потребовался дополнительный перевод на маньчжурский²⁷⁹.

Просьбу Китая о помощи в смягчении требований европейцев граф также пытался использовать с выгодой для России. Требование доступа иностранных послов в Пекин чрезвычайно беспокоило российское правительство по той причине, что это дало бы им серьезное преимущество над Российской духовной миссией, которая

²⁷⁵ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 129–130.

²⁷⁶ *Дневник архимандрита Палладия ...* С. 259–260.

²⁷⁷ Там же. С. 263.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Мясников В.С. *Границы Китая ...* С. 130.

исполняла дипломатические функции неофициально. Также Путятин препятствовал требованию об открытии судоходства по внутренним китайским рекам с целью не допустить укрепления европейского, и прежде всего английского, влияния в Китае. Отказа именно от этих пунктов Путятин пытался добиться от своих европейских коллег, однако сделать этого не удалось²⁸⁰. По словам архимандрита Палладия, увидев текст англо-китайского трактата²⁸¹, «граф упал духом и склонил в раздумье голову»²⁸².

Не сумев помочь дипломатически, Путятин поднял вопрос о военной помощи Китаю сразу по прибытии в Печелийский залив²⁸³. Согласно инструкции, Путятин мог предложить китайскому правительству российское оружие и военных инструкторов. Цель этих предложений – противодействие усилению влияния европейских держав в Китае, что видно из текста его обращения в Пекин: «...китайское правительство должно видеть из теперешних неприязненных действий с европейцами, что войско его с употребляемым им ныне оружием не в состоянии противиться военным силам западных держав и что ему необходимо изменить все свое военное устройство, если не хочет, чтобы Китай подпал совершенному влиянию иностранцев»²⁸⁴. Ранее правительство богдыхана отвечало отказом, мотивируя тем, что Цинская империя вполне полагается на свое оружие. После взятия европейцами фортов Дагу 8 (20) мая уверенность в собственном оружии ослабла, но паника и желание закончить переговоры в Тяньцзине с минимальными потерями отодвигали вопрос о модернизации вооруженных сил на второй план, о чем сообщил в разговоре с Путятиним маньчжурский сановник Ци Ин²⁸⁵. 6 (18) июня, после подписания своего договора, убедившись в том, что сократить требования англичан будет практически

²⁸⁰ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 109–110.

²⁸¹ Американско-китайский трактат был заключен 6 (18) июня, англо-китайский – 14 (26) июня, а франко-китайский – 15 (27) июня.

²⁸² Дневник архимандрита Палладия ... С. 278.

²⁸³ Переговоры Путятина с китайским правительством по этому вопросу очень подробно освещены А.Н. Хохловым (См.: *Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война ...* С. 296–309).

²⁸⁴ Цит. по: *Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война ...* С. 296.

²⁸⁵ Там же. С. 297; 300.

невозможно, адмирал снова отправил в Пекин предложение принять помощь России, настаивая, что укрепление китайских войск позволит избежать в дальнейшем такого унижительного положения, которое было вызвано нападением на огромное государство маленькой группы хорошо вооруженных европейцев²⁸⁶. Аргументы подействовали, но богдыхан в своем указе от 8 (20) июня дал согласие только на оружие, рассматривая его в качестве подарка и намереваясь вознаградить Россию в ответ, в то время как прибытие российских офицеров отклонялось категорически²⁸⁷. Путятин настаивал на необходимости прибытия инструкторов, которые должны были обучать грамотному применению оружия, при этом он был готов сократить их количество до 10 или 5. Наконец, 19 июня (1 июля) был издан императорский указ о согласии на приезд «нескольких человек» из России²⁸⁸. Российский императорский комиссар с удовлетворением доносил А.М. Горчакову 24 июня (6 июля): «Теперь для убеждения китайского правительства в живом участии России поддерживать его самостоятельность остается только сделать удачный выбор офицеров и подчинить их распоряжению высшего лица, которое будет представлять Россию в Пекине»²⁸⁹.

Необходимо сказать несколько слов о том, как оценивались заключенные Тяньцзиньский и Айгунский трактаты непосредственными участниками событий. Е.В. Путятин был, безусловно, высокого мнения о своей работе. В донесении великому князю Константину Николаевичу он писал: «Высший промысел помог нам заключить с Китаем <...> трактат, предоставляющий России все права, добытые ныне орудием Англии и Франции»²⁹⁰. Напротив, архимандрит Палладий высказал мнение, что Тяньцзиньский трактат ничтожен и мог быть заключен на более выгодных условиях²⁹¹. Негативную оценку результатам своего конкурента ожидаемо дал и

²⁸⁶ Там же. С. 302.

²⁸⁷ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 134–135

²⁸⁸ *Ibid.* P. 143.

²⁸⁹ Цит. по: *Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война ...* С. 309.

²⁹⁰ Цит. по: *Кадырбаев А.Ш. Подписание Тяньцзиньского договора ...* С. 13.

²⁹¹ *Дневник архимандрита Палладия ...* С. 263.

генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. В письме Е.П. Ковалевскому он писал: «Необходимо разобрать *ошибки наши* по Амурскому делу <...>, частью тут действовала англофобия, развившаяся в сильной степени гораздо прежде войны 1854 года, но большей частью *esprit de caste*^{*}, т. е., чего не сделал канцелярский чиновник МИД, того, конечно, никто другой не может сделать и предпринимать не должен; вот причина борьбы, продолжавшейся так долго. Под влиянием этого направления отправлен сюда и Путятин в 1857 году; начало его назначения не принадлежит, конечно, МИД, но что он послан был сюда совершенно независимым даже и от моего совета – есть ясным последствием этого направления, и, конечно, Россия *обязана одному провидению*, что *вред*, произведенный посольством и вообще командировкой г. Путятина, *оказался не так велик*, как должно было его ожидать; но в какое *странное, невыносимое положение* поставлен был генерал-губернатор Восточной Сибири! Путятин можно и должно было послать с эскадрою гораздо ранее в тамошние воды, но непременно обязать его не только получать советы, но и *приказания генерал-губернатора*; тогда бы он, *несмотря на свое упрямство*, должен был предъявить англо-французам записку мою о числе войск, готовых действовать на границах Монголии и Манджурии, и не играл бы той несчастной роли, которую он перед ними *выделял*, а мог бы прямо участвовать в их переговорах: тогда бы он не огорчил г. Рида своим равнодушием и, конечно, заключил бы трактат одинаковый с англичанами и французами, и вместе с ними, а не прежде их, что нельзя не признать большой ошибкой; а в особенности не усиливался бы заставлять китайцев переговариваться с ним о границах на Амуре, когда я еще в прошлогоднем письме написал ему, что дело это должно предоставить домашнему разбору пограничных начальств, чтоб не вмешивать эту статью в переговоры при англо-французах. *Сами китайцы* понимали это лучше Путятина. А иностранные журналы *всегда понимали*, что Путятин действует *по инструкциям генерал-губернатора* (курсив во всей цитате

* Кастовость, сословность (*фр.*)

мой. – *Н.С.*)»²⁹². В этих словах проявляется упомянутая М.И. Венюковым ревность генерал-губернатора, считавшего себя главным поборником «амурского дела», по отношению к чиновникам из отдаленного Петербурга, особенно учитывая его прежние разногласия с Путятиным. Однако следует признать, что в некоторых суждениях он был прав, о чем будет сказано ниже.

С этих же позиций расценивал Муравьев и заключенный им Айгунский трактат – как блестящее окончание своих трудов, не забыв при этом отпустить колкость в сторону МИД: «Вот вам и договор об Амуре, многоуважаемый Егор Петрович (Ковалевский. – *Н.С.*); надеюсь, что теперь ничего уже не будет оставаться на ответственности Министерства иностранных дел по Амурскому предприятию. <...> Не знаю, поверите ли вы, наконец, и многие другие, что я не увлекаюсь и что я никогда не думал искать здесь военной славы; не знаю, поверите ли вы, что больше всех радуюсь окончанию этого дела я, ибо вижу конец моей заботы, вижу возможность сказать себе: «отзвонил да и с колокольни долой», но знаю положительно, что теперь мне уже решительно не будет житья, и что чем скорее я сойду с колокольни, тем лучше и безопаснее для меня»²⁹³. МИД в свою очередь также критиковал недостатки работы Муравьева: например, отсутствие государственной печати Китая на Айгунском трактате (вследствие того, что генерал-губернатор не имел опыта составления международных договоров), недостаточную «точность форм и выражений», неупомянутые полномочия Ишаня и несоответствие документа европейской модели договора, использовавшейся в отношениях с Китаем с 1842 г.²⁹⁴.

Но в целом правительственная оценка достижений российской внешней политики была положительной. А.М. Горчаков в докладной записке Александру II писал: «Оба акта завершают урегулирование наших дел с Китаем, т.е., обогатив Россию необъятной территорией, Ваше Величество добилось также признания

²⁹² Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 200–201.

²⁹³ Там же. С. 172.

²⁹⁴ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 42. Л. 183–184.

китайским правительством великих принципов европейской цивилизации, свободного исповедания христианской религии, допущения в Пекин нашего полномочного представителя всякий раз, когда нам это будет необходимо, открытия портов и т. д. Первым из договоров этого рода, заключенных Китаем, был договор с Россией, ибо, только заключив соглашение с гр. Путятиным, китайское правительство согласилось на заключение тождественных договоров с другими державами, представленными в Тяньцзине. С чувством глубокого волнения и от всего сердца я позволю себе поздравить Вас, Ваше Величество, по случаю того, что в историю Вашего царствования вписана новая прекрасная и славная страница»²⁹⁵. Деятельность как Путятина, так и Муравьева была одобрена императором. «Я поблагодарил Бога от всего моего сердца за блестящий результат, достигнутый в двух различных направлениях. После сего я не остановлюсь перед тем, чтобы ген. Муравьева именовать: гр. Муравьев-Амурский, с производством в полные генералы в день коронации», – написал он на докладе министра иностранных дел²⁹⁶. Путятин, уже имевший графский титул, через три года получил портфель министра народного просвещения.

Безусловно, заключение Айгунского и Тяньцзиньского трактатов можно расценивать как дипломатический успех России на Дальнем Востоке хотя бы потому, что вместе они решали главную поставленную в этом направлении задачу: юридически оформить разграничение с Китаем и вхождение Приамурья в состав империи. Но ошибки и неточности, допущенные как Муравьевым, так и Путятиным при подписании договоров, привели к большим сложностям в вопросах их ратификации и исполнения. Новая граничная линия не была официально утверждена в двустороннем порядке. Этот вопрос был отложен на более поздний срок из-за дальнейших событий в Китае. Вторая «опиумная» война продолжалась.

²⁹⁵ Цит. по: *Попов А.Л.* Царская дипломатия ... С. 197.

²⁹⁶ Там же.

Следовательно, продолжала меняться и позиция китайского правительства, которая, как ясно из вышеизложенного, во многом зависела от текущих обстоятельств.

§ 3. Дипломат поневоле: деятельность П.Н. Перовского в Китае в 1858–1859 гг.*.

Детали жизни и деятельности Н.Н. Муравьева и Е.В. Путятина, их участие в развитии русско-китайских отношений отражены в научной литературе достаточно подробно. Сведения же о П.Н. Перовском, который был участником айгунских переговоров, а затем на протяжении девяти месяцев занимал должность российского уполномоченного в Пекине, крайне скудны. Восполнить этот пробел необходимо для комплексного рассмотрения российской внешней политики на Дальнем Востоке во второй половине 1850-х гг.

Петр Николаевич Перовский родился в 1818 г. в семье таврического генерал-губернатора Николая Ивановича Перовского, который являлся внебрачным сыном известного государственного деятеля екатерининской, а затем и александровской эпохи графа А.К. Разумовского. Николай Иванович, в отличие от своих родных братьев и сестер, среди которых были будущий министр внутренних дел Л.А. Перовский и оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский, не носил полагающегося ему отчества и поэтому зачастую не воспринимался как представитель обширного и влиятельного клана Перовских. Кроме Петра, у Николая Ивановича был старший сын Лев, у которого в 1853 г. родилась дочь Софья – будущая народница и одна из организаторов убийства императора Александра II.

* При подготовке данного параграфа диссертации использовались следующие публикации автора: *Сосна Н.А.* Амурский комитет и его роль в политике России на Дальнем Востоке во второй половине 1850-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 62–70 ; *Его же* Дипломат поневоле: деятельность П.Н. Перовского в Китае в 1858–1859 гг. // Клио. 2020. № 3. С. 159–166.

Петр Николаевич получил блестящее образование в Царскосельском лицее, среди его однокурсников были известный востоковед Я.В. Ханыков и товарищ министра финансов А.К. Гирс, младший брат которого, окончив лицей годом позже, получил должность министра иностранных дел²⁹⁷. Перовский был выпущен из лицея губернским секретарем, то есть чиновником XII класса, в 1835 г.²⁹⁸ и сразу устроился в Статистическое отделение МВД, откуда в 1838 г. перешел в Министерство государственных имуществ и.д. младшего помощника столоначальника, а в 1841 г. – в Азиатский департамент МИД, где начал службу коллежским секретарем в должности младшего помощника столоначальника 1 отделения²⁹⁹. Должностная карьера Перовского развивалась быстро: в 1845 г. он стал столоначальником³⁰⁰, через 3 года – старшим столоначальником³⁰¹, а в 1853 г. уже являлся начальником 1 отделения³⁰². Такими же темпами он продвигался и по табели о рангах, став в 1844 г. титулярным советником³⁰³, в 1847 г. – коллежским ассессором³⁰⁴, в 1849 г. – надворным советником³⁰⁵, в 1852 г. – коллежским советником³⁰⁶, а в 1858 г. получив чин статского советника³⁰⁷. Приведенные данные свидетельствуют о том, что карьера Петра Николаевича мало напоминала путь дипломата, скорее он был именно канцелярским работником.

Можно считать это любопытным совпадением, но отец Перовского был членом неудачного посольства графа Ю.А. Головкина в Китай в 1807 г. В 1856 г. сам Петр Николаевич, будучи доверенным лицом директора Азиатского департамента Е.П.

²⁹⁷ *Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811–1843. СПб., 1911. С. 514–515, 518.

²⁹⁸ Там же. С. 515.

²⁹⁹ Месяцеслов ... 1842 г. Т. 2. С. 238.

³⁰⁰ Адрес-календарь ... 1845 г. Т. 1. С. 140.

³⁰¹ Адрес-календарь ... 1848 г. Т. 1. С. 131.

³⁰² Адрес-календарь ... 1853 г. Т. 1. С. 132.

³⁰³ Адрес-календарь ... 1844 г. Т. 1. С. 137.

³⁰⁴ Адрес-календарь ... 1847 г. Т. 1. С. 131.

³⁰⁵ Адрес-календарь ... 1849 г. Т. 1. С. 127.

³⁰⁶ Адрес-календарь ... 1852 г. Т. 1. С. 131.

³⁰⁷ Адрес-календарь ... 1858–1859 г. Т. 1. С. 145.

Ковалевского, получает должность пристава Российской духовной миссии в Пекине, которая подчинялась в основном не Святейшему Синоду, а именно МИД³⁰⁸. Миссия, кроме исполнения своих непосредственных обязанностей по распространению христианства, использовалась для обучения студентов-синологов, будущих министерских драгоманов (переводчиков) и ученых-востоковедов, а также для ведения дипломатических отношений с китайским правительством. Свое путешествие П.Н. Перовский должен был совершить в момент кардинальных изменений в русско-китайских отношениях и принять в них непосредственное участие.

В июне 1857 г. миссия прибыла в Иркутск, лишь немного опоздав к отъезду в Китай Е.В. Путятин³⁰⁹. Но выдвинуться к месту своей службы миссионеры смогли только через год. «Генерал Венцель, по данному ему приказанию, предложил нам не торопиться с отъездом на Кяхту, а остаться здесь, в Иркутске, до получения ответа на посланные в Петербург бумаги. В объяснение же такого распоряжения сказал, что китайцы не только не приняли наше посольство, но и отказ свой написали в грубых, обидных для нас выражениях; что граф Путятин и генерал Муравьев, донося об этом его светлости г. министру иностранных дел, согласно предложили: употребив силу, заставить китайцев принять посольство и выйти в переговоры; миссию же, отправляемую в Пекин, остановить на границе до более благоприятного времени. Генерал Венцель говорил долго и весьма энергически. Из речей его ясно следовало, что война с Китаем неизбежна», – писал Е.П. Ковалевскому начальник миссии архимандрит Гурий 24 июня (6 июля) 1857 г.³¹⁰ МИД дополнительно информировал Перовского, что задержка не продлится больше 2-3 месяцев, к сентябрю он должен быть готов выехать в Пекин³¹¹. Как начальник миссии, так и ее пристав в своих письмах в Петербург сообщали, что такое распоряжение невыполнимо, т.к. осенью в монгольских степях неблагоприятные погодные условия и перемещение миссионеров

³⁰⁸ Краткая история русской православной миссии ... С. 133.

³⁰⁹ Там же. С. 133–134.

³¹⁰ АВПРИ. Ф. 161. I-5. Оп. 4. 1823 г. Д. 101. Л. 170 об.–171.

³¹¹ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1. Л. 41 об.–42

с ночевками в юртах является опасным предприятием³¹². Это обстоятельство заставило Перовского в письме Ковалевскому пожаловаться на ослабленное здоровье, которое, по его мнению, делало невозможным дальнейшее исполнение возложенных на него поручений. Просьбы пристава освободить его от занимаемой должности были так настойчивы, что в Петербурге решили пойти ему навстречу, о чем он моментально уведомил местное иркутское начальство³¹³. Но передвижение по Сибири в период осенней распутицы было крайне затруднено, и Перовский был вынужден дожидаться благоприятных зимних условий. Во время ожидания он получил письмо, в котором Е.П. Ковалевский убеждал его изменить решение: «Отправление миссии в Пекин уже так не далеко, желание мое, чтобы Вы именно сопровождали Миссию так искренно, сколько для пользы службы, столько и для Вашей собственной, что мне бы весьма желательно было, если бы Вы могли дождаться в Иркутске отправления Миссии и сопровождать ее далее. Подумайте хорошенько об этом»³¹⁴. Из этих слов видно, что избрание кандидата на должность пристава духовной миссии было сделано директором Азиатского департамента МИД в пользу подчиненного, которому он оказывал серьезное покровительство в его продвижении по карьерной лестнице. Но все заявления Перовского свидетельствуют о том, что, несмотря на хорошие перспективы, это поручение он считал для себя неподходящим и чрезмерно трудным. В письме Ковалевскому, отправленном из Иркутска 3 (15) марта 1858 г., он пишет: «Наперекор всех моих желаний и наклонностей, приходится мне участвовать в деле запутанном, важном и исключительном в том отношении, что оно, более чем другое, подвержено неизвестности, как по могущим встретиться случайностям, так и по окончательному исходу. <...> Позвольте припомнить вашему превосходительству следующие обстоятельства: когда, по выслушании Ваших наставлений по возлагаемому на меня поручению, я был посвящен во все подробности ононого, – когда

³¹² АВПРИ. Ф. 161. I-5. Оп. 4. 1823 г. Д. 101. Л. 157 об., 166–166 об.

³¹³ Там же. Л. 130, 149 об.–150.

³¹⁴ Там же. Л. 141.

в то же время стали известны настроения западных держав относительно Китая, – я, сознавая всю важность дела, представлял Вам, что, по моему мнению, следовало воспользоваться отправлением духовной миссии для того, чтобы с нею вместе отправить в качестве пристава не меня, а человека более опытного, выше меня в служебной иерархии, с большими правами, в сравнении с теми, какие представлялись обыкновенно приставам, и, на сей конец, облеченного полным доверием правительства. На первых порах Вы не разделяли моего мнения, потом, однако, признали основательность оногo»³¹⁵. Какими бы ни были мотивы П.Н. Перовского отказываться от поездки в Китай – нежелание находиться в непривычных и дискомфортных условиях или объективное признание собственной некомпетентности, – они не убедили Е.П. Ковалевского. Как видно, гипотетическая необходимость в будущем исполнять дипломатические функции в Пекине была возложена на человека не только недостаточно подготовленного к этому, но и выражающего свое отношение фразой: «да идет мимо меня чаша сия»³¹⁶. В дальнейшем это обстоятельство оказало существенное влияние на все действия Перовского-дипломата.

В апреле 1858 г. МИД прислал своему подчиненному предписание о цели и характере его деятельности в Пекине, дополнявшее данную еще в Петербурге официальную инструкцию. После того как Путятин со своими европейскими и американскими коллегами выступил с официальным требованием о заключении трактата, Перовский должен был стать посредником в его переговорах с пекинским правительством, помогая преодолевать традиционное упорство китайских чиновников³¹⁷. Таким образом, будущий пристав должен был подчиняться Путятину по всем вопросам, кроме оформления государственной границы, т.к. это входило в компетенцию Н.Н. Муравьева, поэтому МИД рекомендовал Перовскому «действовать

³¹⁵ Там же. Л. 95–96.

³¹⁶ Там же. Л. 97 об.

³¹⁷ АВПРИ. Ф. 161. 1-1. Оп. 781. 1858 г. Д. 168. Л. 32-34.

совершенно в совокупности и единомысленно как с графом Путятиным, так и генерал-адъютантом Муравьевым, и общими усилиями, при содействии <...> духовной миссии, стремиться к достижению желаемой цели»³¹⁸.

В мае 1858 г. П.Н. Перовский принял участие в подписании Айгунского договора. В сложившихся обстоятельствах и в соответствии с полученной инструкцией он должен был присутствовать на переговорах не только как чиновник МИД, но и как будущий пристав духовной миссии, которому впоследствии, возможно, придется продолжить обсуждение пограничных вопросов³¹⁹. Присутствие Перовского в Айгуне оказалось полезным еще и потому, что, встретив вначале обычное сопротивление китайцев и не желая затягивать переговоры, генерал-губернатор объявил себя больным и поручил ведение переговоров своему помощнику³²⁰. Именно пристав российской духовной миссии успешно провел основную часть переговоров. Под текстом Айгунского трактата после подписей Муравьева и Ишаня стоит подпись Петра Николаевича Перовского.

Сообщая в Петербург об успехах миссии, Муравьев указал на заслуги и своего помощника, который также составил предварительный проект будущего трактата, внося в него затем необходимые изменения. По словам генерал-губернатора, Перовский «проявил такие дипломатические способности и опытность, которые подают всякую надежду, что в Пекине он будет иметь полный успех»³²¹. В письме Горчакову Муравьев ходатайствовал о присвоении Перовскому чина действительного статского советника (равносильного званию генерал-майора в армии), ордена св. Владимира 2 степени и пожизненной пенсии 1500 рублей серебром в год³²². Но заключение Айгунского трактата было для Петра Николаевича только командировкой, принесшей дальнейшее продвижение по карьерной лестнице. Он

³¹⁸ Там же. Л. 34-35.

³¹⁹ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 166.

³²⁰ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 360. Л. 2 об.

³²¹ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 172.

³²² Там же. С. 170.

должен был вернуться к обязанностям пристава духовной миссии и сопровождать ее в Пекин, получив от Муравьева указание провести в китайской столице переговоры о нормализации сухопутной торговли и почтового сообщения между Россией и Китаем, т.к. Ишань отказался от переговоров по этим вопросам в Айгуне, сославшись на отсутствие необходимых полномочий³²³.

Тесное взаимодействие с восточносибирским генерал-губернатором и установившиеся с ним хорошие отношения оказали на Перовского определенное влияние³²⁴. Н.П. Игнатьев говорит о том, что благосклонность к приставу духовной миссии последовала «за его податливость сибирскому начальству, угодливость перед генерал-губернатором и нелестные отзывы о графе Путятине, которого невзлюбил граф Николай Николаевич»³²⁵. Действительно, в негласном противостоянии Муравьева и Путятина Перовский явно принял сторону первого. Оценивая значение подписанного Путятиным Тяньцзиньского трактата в письме Ковалевскому, он упрекал адмирала за бесполезно приобретенные права морской торговли при отсутствии привилегий для развитой сухопутной торговли с Китаем и предлагал называть этот трактат скорее европейским, чем русским. Общий же итог деятельности Путятина был охарактеризован следующим образом: «Я считаю долгом доложить Вам, что граф делал ошибку за ошибкой, – и докладываю Вам о том для того, чтобы при отправлении нашего посланника с ратификацией выбор пал бы не на него, простите мне, если Вы считаете мой поступок неуместным, больно слышать рассказы подобные тем, которые доводилось мне слышать, впрочем, последствия говорят еще сильнее. Спрашивается, для чего издержано столько денег на экспедицию графа? Какую пользу она принесла для нас?»³²⁶. Надо полагать, что пристав не забыл

³²³ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 360. Л. 3–3 об.

³²⁴ О сближении Перовского и Муравьева во время пребывания духовной миссии в Иркутске свидетельствует секретарь дипломатической миссии Путятина барон Ф.Р. Остен-Сакен. См.: Куликов А.М. К истории публикации ... С. 168.

³²⁵ Игнатьев Н.П. Материалы ... С. 17.

³²⁶ АВПРИ. Ф. 161. I-5. Оп. 4. 1823 г. Д. 101. Л. 60–61 об.

Путятину и его распоряжения о задержке духовной миссии в Иркутске, в результате которого миссионеры ждали отправления в столице Восточной Сибири практически год³²⁷. Перовский и в дальнейшем сохранил свое мнение и высказывал его открыто.

Перед отъездом в Пекин в июле Перовский получил известие о смерти своего отца³²⁸. Семейная трагедия усилила его нежелание исполнять непривычные обязанности в нескольких тысячах километров от дома, и чиновник отказался сопровождать духовную миссию в Пекин, о чем объявил иркутскому начальству³²⁹. В сложившейся ситуации был собран чрезвычайный совет из местного начальства и миссионеров, который с трудом уговорил Перовского продолжить исполнение своих обязанностей, настаивая на чрезвычайной важности его поручения³³⁰. В удрученном расположении духа и пессимистическими взглядами на успех своей деятельности, он поручил раздел наследства своему брату и начал готовиться к отъезду в Пекин. Российская духовная миссия покинула Кяхту только 25 июля (6 августа) 1858 г. и прибыла в китайскую столицу спустя два месяца – 28 сентября (10 октября)³³¹.

16 (28) июля 1858 г. МИД утвердил очередные инструкции Перовскому. Получив текст Айгунского договора, в Петербурге убедились, что он решает практически все ранее возникшие проблемы. Новость о заключении Путятиним собственного трактата по причине дальности пути и отсутствия телеграфа еще не успела достигнуть российской столицы, и поэтому Перовского просили в своих переговорах с пекинским правительством по возможности объявить путятинский договор недействительным, если он будет заключен на менее выгодных условиях, чем Айгунский³³². Также Муравьев поручил Перовскому обсудить в Пекине вопросы о почтовом сообщении и о сухопутной торговле. Однако подобные поручения формально не могут быть

³²⁷ Там же. Л. 149 об.

³²⁸ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 176.

³²⁹ АВПРИ. Ф. 161. I-5. Оп. 4. 1823 г. Д. 101. Л. 55.

³³⁰ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 183.

³³¹ Краткая история российской православной миссии ... С. 134–135.

³³² АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. 1858 г. Д. 168. Л. 62 об.–63.

исполнены человеком в должности пристава. МИД должен был возложить на своего представителя и официальные дипломатические полномочия, но не спешил этого делать, дополнительно осложняя ситуацию. В письме генерал-адмиралу Константину Николаевичу от 25 сентября (7 октября) Н.Н. Муравьев выражал недовольство такой нерасторопностью внешнеполитического ведомства³³³. Однако оказалось, что необходимые распоряжения МИД, после обсуждения с Александром II, сделал 1 (12) сентября, но к тому времени они еще не достигли Иркутска³³⁴. В Петербурге решили не пользоваться полученным по Тяньцзиньскому трактату правом отправить в Пекин отдельного уполномоченного и возложили эти обязанности на Перовского. От него требовалось не только разменять ратификации Тяньцзиньского договора, но и заключить с китайским правительством отдельную конвенцию, в которой по возможности добиться права русских караванов следовать из Кяхты в Калган или Ургу, а также открыть русскую факторию в Кашгаре³³⁵. В заключении инструкции канцлер А.М. Горчаков, желая поддержать своего подчиненного, писал: «Ваша опытность в сношениях с китайцами, вполне доказанная участием в заключении Айгунского договора, позволяет надеяться, что Вы оправдаете и в этом случае доверие к Вам государя императора»³³⁶. Одновременно из Петербурга в Пекин была отправлена и официальная бумага с изложением дипломатических полномочий нового российского представителя в китайской столице³³⁷. Как видим, эта инструкция повторяла указания Муравьева, но в МИД решили не давать генерал-губернатору права высказать свои дополнительные соображения о ходе будущих переговоров, на что он, будучи не только истинным патриотом «амурского дела», но и ревнителем собственной славы, с обидой выговаривал в письме своему ближайшему соратнику

³³³ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 534.

³³⁴ АВПРИ. Ф. 133. 1858 г. Д. 57. Л. 108.

³³⁵ АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. 1858 г. Д. 168. Л. 83–85 об.

³³⁶ Там же. Л. 85 об.

³³⁷ Там же. Л. 86–87.

М.С. Корсакову³³⁸. Задетые чувства Муравьева не помешали ему в официальном письме поблагодарить директора Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевского за назначение Перовского уполномоченным, а самому отправить в Пекин дополнительные распоряжения о формировании двусторонней русско-китайской комиссии для точного определения и картографирования новой государственной границы. В этом же письме восточносибирский генерал-губернатор высказал недовольство за неподчинение ему отправленного с отдельной миссией Путятин, который допустил большое количество ошибок³³⁹. В продолжение этой мысли Муравьев писал: «Неужели МИД до сих пор не убедилось, что нового нашего посланника в Пекине надо поставить в непосредственные сношения или, пожалуй, выразусь, зависимость от генерал-губернатора; но я надеюсь достигнуть того же дружбой моей с Перовским и некоторым доверием, которое я у него приобрел»³⁴⁰. Ознакомившись с этим эмоциональным посланием, император Александр II оставил на нем пометку: «Его не переделаешь, а надобно уметь воспользоваться, отдавая ему справедливость за услуги им оказанные»³⁴¹. Таким образом, новый российский уполномоченный в Пекине подчинялся и МИД, и Муравьеву, получившему своеобразный карт-бланш относительно влияния на Перовского.

3 (15) октября 1858 г. в Петербурге после получения сведений о заключении Тяньцзиньского трактата и донесений Путятин о предложенной им Китаю военной помощи вновь собрался Амурский комитет. Практически все предложения адмирала были одобрены. На его слова: «... если бы удалось нашим офицерам приступить к образованию китайских войск, то этим мы приобрели бы впоследствии большое влияние на китайское правительство и оказали бы ему действительную услугу» – император наложил резолюцию: «Нет никакого сомнения»³⁴². Количество

³³⁸ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 536.

³³⁹ АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. 1859 г. Д. 1094. Л. 1–3 об.

³⁴⁰ Там же. Л. 3 об.

³⁴¹ Там же. Л. 1.

³⁴² АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 495. Л. 23 об.–24.

поставляемого оружия и отправляемых в Цинскую империю офицеров-инструкторов было утверждено в полном соответствии с цифрами, рекомендуемыми Путятиным. Российское правительство отказалось только от предполагаемой доставки ружей морем для соблюдения секретности и решило уделить более серьезное внимание отбору командированных военных³⁴³. Принятые решения было необходимо довести до правительства богдыхана через Перовского.

В связи с этим 5 (17) ноября 1858 г. Горчаков дополнил сентябрьскую инструкцию особым предписанием в отношении действий российского уполномоченного по вопросам, не входящим в сферу его полной компетенции, а именно:

1) относительно оружия и прибытия военных инструкторов Перовский должен был сообщить китайскому правительству решение Амурского комитета о выделении десяти тысяч нарезных ружей, которые нужно было доставить по суше в Кяхту, и пятидесяти пушек крупного калибра, отправленные которых предполагалось морским путем в Николаевск (позже в отдельном предписании Министерство сообщало о решении императора поднять вопрос об оружии только в том случае, если об этом попросят сами китайцы)³⁴⁴;

2) по вопросу учреждения регулярного почтового сообщения между Пекином и Кяхтой Перовский должен был полностью следовать указаниям Муравьева;

3) уполномоченный должен поставить вопрос о назначении китайской пограничной комиссии (русская комиссия под началом К.Ф. Будогосского, по замыслу Муравьева, делилась на 2 части: первая должна вести переговоры с китайцами о границе, а вторая – проводить подробную топографическую съемку Уссурийского края³⁴⁵) для окончательного определения границы двух государств согласно статье 9 Тяньцзиньского трактата³⁴⁶.

³⁴³ Там же. Л. 23–24 об.

³⁴⁴ АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. 1858 г. Д. 168. Л. 97–98.

³⁴⁵ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 538.

³⁴⁶ АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. 1858 г. Д. 168. Л. 94–96 об.

Особые предписания Муравьева, детализировавшие общие указания из МИД, заключались в следующем:

1) необходимо торопить китайское правительство с назначением пограничной комиссии, т.к. европейцы, и особенно англичане, могли захватить одну из удобных приморских гаваней при возвращении в Китай летом 1859 г., что было крайне невыгодно для России. Если же русско-китайская граница будет официально доведена до Кореи, то захват побережья англичанами станет невозможным. Обе комиссии должны встретиться на озере Ханка и по выполнении поручения вернуться на одном из русских военных кораблей в Печелийский залив, чтобы доставить сформированные пограничные карты в Пекин;

2) сухопутная караванная торговля между Россией и Китаем может получить желаемое развитие только в том случае, если будет ликвидирована монополия китайской Сэнсиньской компании. Для этого русские караваны обязательно должны доходить до Пекина, и торговля должна осуществляться в любое время без всяких ограничений. Кроме того, необходимо добиться для русских купцов права торговать в южных областях Китая, чтобы составить конкуренцию иностранцам;

3) для решения таких вопросов, как установление нового порядка доставки государственных документов и другой почты, а также утверждение нового маршрута следования Российской духовной миссии в Пекин и обратно, лучше всего сформировать двустороннюю комиссию в Кяхте, т.к. в Пекине сложно принять во внимание все местные обстоятельства³⁴⁷.

Поскольку П.Н. Перовский в первую очередь являлся приставом Российской духовной миссии, он должен был привезти в Пекин ее новый состав во главе с архимандритом Гурием и сопроводить старый, во главе с архимандритом Палладием, обратно в Петербург. Но в новых обстоятельствах Муравьев просил Перовского остаться в Пекине³⁴⁸, а МИД, в свою очередь, подтвердил это пожелание Муравьева,

³⁴⁷ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 205–208.

³⁴⁸ Там же. С. 215.

приказав уполномоченному исполнять свои дипломатические обязанности до приезда сменщика летом 1859 г., а миссию отправить в Петербург в сопровождении любого другого достойного человека, не присваивая ему при этом звания пристава³⁴⁹. 3 (15) декабря 1858 г. в Петербурге Амурский комитет постановил соединить обязанности начальника военных инструкторов, отправляемых в Китай, и дипломатического агента, который должен был заменить действующего российского уполномоченного³⁵⁰. Позднее для исполнения этого поручения будет утверждена кандидатура Н.П. Игнатьева. Но до лета 1859 г. оставалось еще 6 месяцев, на протяжении которых представлять интересы России в Пекине должен был именно Перовский, снабженный всеми надлежащими инструкциями.

По прибытии в Пекин в конце сентября Перовский был вынужден 3 месяца ждать доставки ему не только вышеупомянутых инструкций, но и официального подтверждения собственных дипломатических полномочий, находясь до этого момента в крайне неопределенном положении. Только 2 (14) декабря 1858 г. он сообщил Верховному совету, что имеет все полномочия для размена ратификаций Тяньцзиньского трактата и для ведения переговоров по всем другим вопросам, и попросил назначить для этого уполномоченных с китайской стороны³⁵¹. В ответном сообщении от 4 (16) декабря Верховный совет сообщал, что переговоры будут вести Сушунь, президент Совета обрядов, и Жуйчан, председатель Трибунала внешних сношений, при этом жесткость и грубость первого должны были уравновешивать мягкость и сговорчивость второго³⁵². Российский представитель сразу почувствовал негативное отношение к себе и к русским вообще: китайцы были раздражены вынужденным подписанием договоров с европейцами в Тяньцзине и были уверены, что привели их туда именно русские³⁵³. Несмотря на неоднократные просьбы

³⁴⁹ АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. 1858 г. Д. 168. Л. 105–106.

³⁵⁰ АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 495. Л. 32.

³⁵¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3037. Л. 2–2 об.

³⁵² *Vanno M. China and the West ...* P. 128.

³⁵³ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 548.

Перовского о переговорах, Сушунь и Жуйчан долго отказывались увидеться с ним. В ответ уполномоченный заявил, что он не требует особых почестей и готов к встрече в любом пекинском присутственном месте или на подворье духовной миссии³⁵⁴. Вняв уговорам, китайские сановники провели, наконец, встречу с Перовским. При решении вопроса о ратификации Тяньцзиньского трактата они попросили экземпляр его маньчжурского перевода для сличения с имевшимся у них экземпляром, после чего прислали на русское подворье своих помощников с текстом, расхोдившимся с полученным от Перовского в нескольких статьях³⁵⁵. При этом оригинал, с которого была снята эта копия, Сушунь и Жуйчан предъявить отказались, а в ответ на требование очередной встречи для разъяснения ситуации сослались на недостаток времени, чем вынудили российского представителя написать следующее: «Если же многосложные Ваши обязанности не позволяют Вам, почтенные уполномоченные, входить со мной в сношения и соглашения, согласно с повелением вашего государя, то всего проще, кажется, доложить о том Его Богдоханову Величеству и испросить его повеления о назначении других уполномоченных, чтобы подобное замедление не принесло вреда интересам обеих империй»³⁵⁶. Через неделю на запрос Перовского о позволении ему увидеть оригинал трактата китайские сановники ответили, что он увезен в Шанхай, хотя ранее сообщалось о хранении документа у императора³⁵⁷. Эта очевидная ложь с целью ни в коем случае не показывать требуемую бумагу стала «последней каплей». Российский уполномоченный прервал все контакты с Сушунем и Жуйчаном и на протяжении следующих двух месяцев адресовал все сообщения в Верховный государственный совет.

Этот неочевидный демарш был первой за полтора месяца попыткой Перовского изменить невыгодный для него ход переговоров. До этого момента он ограничивался тем, что не без менторства поучал оппонентов правилам ведения переговоров в

³⁵⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3037. Л. 3 об.–4.

³⁵⁵ Там же. Л. 6.

³⁵⁶ Там же. Л. 7–7 об.

³⁵⁷ Там же. Л. 11 об.–12.

цивилизованных государствах или обвинял их в нарушении норм международного права³⁵⁸. Опыт предшественников, убедившихся в том, что китайцы ведут дипломатические дела по своим особым традициям, совершенно не сходным с европейскими, и не собираются от них отказываться, явно был недооценен. Прервав контакты с Сушунем и Жуйчаном, российский уполномоченный решил пойти еще дальше. Воспользовавшись отказом пекинских властей в отправке его почты, он стал угрожать возможными агрессивными действиями со стороны российского правительства, слишком долго не получавшего известий от своего представителя³⁵⁹. Вот что П.Н. Перовский писал по этому поводу Н.Н. Муравьеву: «Вы увидите, что в своих бумагах к китайцам я пользуюсь данным мне Вами позволением упоминать Ваше имя как угрозу. Я думаю, что это произвело свое действие, но трудность сломить их упрямство Вас, без сомнения, убедит, что с ними невозможно быстро идти в делах»³⁶⁰.

Источник мучений Перовского – разница в текстах китайского и русского экземпляров Тяньцзиньского трактата – тоже вскоре получил свое объяснение. Оказалось, что при переводе с китайского языка на русский были допущены неточности, в результате которых обеими сторонами были подписаны два неодинаковых документа. Приводя эту информацию в очередном письме к Муравьеву, Перовский был крайне эмоционален. К тому же вина лежала на человеке, который был одинаково не симпатичен как автору, так и получателю: «Каков именитый граф Путятин? Не нахожу слов, чтобы достойным образом назвать его действия в Тяньцзине; подписывает два трактата разного содержания, соглашается, чтобы выгоднейший для китайцев был поднесен на утверждение Богдыхану, а наше правительство уверяет, что действителен только другой; ничего, ему все с рук сойдет; я думаю, отдыхает на заслуженных лаврах в Петербурге, а дураки чай удивляются его

³⁵⁸ Там же. Л. 3–3 об., 9, 10–10 об., 12, 14 об.

³⁵⁹ Там же. Л. 15–15 об., 18–18 об.

³⁶⁰ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 245–246.

умению, его ловкости, его уму»³⁶¹. Никакой возможности исправить ошибку Путятин не было, и задача обмена ратификаций осталась невыполненной. В середине марта 1859 г. МИД отправил Н.Н. Муравьеву-Амурскому отношение, в котором была выражена официальная позиция Петербурга относительно возникшего замедления: «Как известно вашему сиятельству, оба экземпляра подписаны нашим полномочным, следовательно, бывший при графе Путятине и ныне находящийся при Перовском драгоман маньчжурского языка отчасти сам виноват, что не обратил внимания в свое время на это разногласие, сверх того разноречия эти, как Вы имели случай убедиться, весьма не важны и состоят по преимуществу в словах, а не в смысле, и потому государь император повелеть соизволил, не обращая внимания на формы и слова, стараться сколь возможно поспешить разменом ратификаций трактата. Каковы бы ни были впоследствии обстоятельства Китая, изменится ли династия и существующий в нем порядок, для нас всего необходимее иметь свидетельство юридическое на право обладания тем, чем мы владеем ныне *de facto*»³⁶².

В переговорах с китайским правительством Перовский продолжал использовать холодный тон общения с намеками на угрозу. Так, 7 (19) апреля 1859 г. в письме Сушуню и Жуйчану, незадолго до этого возобновившим переговоры в более конструктивном формате, он писал: «Нужным считаю еще сообщить, что нахожу уже лишними всякие новые соглашения по делу о размене ратификаций; на бывших с вами совещаниях и в бумагах я сделал все зависящие от меня предложения, затем последствия будут зависеть уже не от меня»³⁶³. Эта тактика принесла свои плоды: 24 апреля (6 мая) 1859 г., спустя 4 месяца изматывающих переговоров, размен ратификаций Тяньцзиньского трактата был произведен. На следующий день уполномоченные заключили дополнительное соглашение о новом порядке проезда в Пекин российских дипломатов: теперь, наряду со старым маршрутом через Кяхту, они

³⁶¹ Цит. по: Козюра А.В. Н.Н. Муравьев-Амурский ... С. 131.

³⁶² АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 169. Л. 49–50.

³⁶³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3037. Л. 28 об.

могли воспользоваться и морским путем, но только через порт Бэйтан, при условии отсутствия военных действий и проезжая дальше только в сопровождении китайских чиновников³⁶⁴. Такие условия ограничивали оговоренный Путятиным в Тяньцзине свободный проезд представителей России с морского побережья в китайскую столицу, но без этих условий китайская сторона принципиально отказывалась на обмен ратификациями³⁶⁵.

Далее, руководствуясь инструкциями от МИД и Н.Н. Муравьева, Перовский предложил Сушуню и Жуйчану продолжить переговоры по вопросам, не урегулированным Айгунским и Тяньцзиньским трактатами. Китайские сановники ответили, что их полномочия ограничивались только ратификацией, а по всем остальным вопросам необходимо обращаться в Верховный государственный совет³⁶⁶. Китайскому правительству был предложен проект дополнительного межгосударственного договора из 8 статей. В первой статье шла речь о назначении двусторонней пограничной комиссии для проведения разграничения в Уссурийском крае, а остальные семь были посвящены вопросам, подлежащим обсуждению в специальной русско-китайской комиссии в Кяхте: определение русско-китайской границы на западе; взаимное расширение возможностей для сухопутной торговли; назначение консулов в Ургу, Калган, Кашгар, Цицикар и некоторые другие китайские города; налаживание почтовой службы между Пекином и Кяхтой; пересмотр действующих договоров между двумя странами и назначение китайского посланника в России³⁶⁷. Перовский обращал особое внимание Совета на то, что он не настаивает на немедленных переговорах по тем вопросам, которые будут обсуждаться в кяхтинской комиссии, но просил без отлагательств приступить к назначению двусторонней комиссии по демаркации границы от р. Усури до берега моря, т.к. «безопасность обоих государств требует, чтобы это побережье было укреплено в

³⁶⁴ *Banno M. China and the West ... P. 134.*

³⁶⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3037. Л. 25.

³⁶⁶ Там же. Л. 33.

³⁶⁷ *Banno M. China and the West ... P. 135.*

некоторых пунктах без малейшей потери времени»³⁶⁸. Ратификация Тяньцзиньского трактата должна была означать и приведение в исполнение его 9 статьи по назначению демаркационной комиссии. Партия русских топографов во главе с К.Ф. Будогосским была отправлена в начале 1859 г. по распоряжению Муравьева³⁶⁹. Экспедиция начала свою работу в устье р. Уссури и постепенно продвигалась к ее верховьям³⁷⁰, дожидаясь в нескольких пунктах своих китайских коллег, которые так и не прибыли³⁷¹. В одностороннем порядке было проведено детальное изучение приграничных территорий с целью предоставить российскому уполномоченному в Пекине карту для ее обсуждения³⁷². Но расчеты российского правительства в очередной раз не оправдались. Ответ на запрос Перовского был вполне традиционным: считая, что проведенная ратификация Тяньцзиньского трактата была и так большой уступкой для России, китайская сторона отклоняла саму необходимость дальнейших переговоров.

На это российский уполномоченный, возвращаясь к своей прежней тактике, ответил рассуждениями о принципах ведения межгосударственных дел. Приводимая далее цитата ярко демонстрирует характер общения Перовского со своими оппонентами. «Конечно, – писал он в своем сообщении от 16 (28) мая 1859 г., – всего покойнее не обременять себя никакими рассуждениями и соображениями; может быть, это правило согласно с вашими обычаями; но по нашим понятиям надлежит поступать совершенно иначе; каждому человеку дан ум для того, чтобы рассуждать о своих частных делах и на основании опыта прожитых им годов выводить для себя правила на будущее время, дабы таким образом не впасть снова в те ошибки, которые ему случалось делать по недостатку опытности. Этот закон, необходимый для

³⁶⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3037. Л. 33.

³⁶⁹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 839. Л. 2–2 об.

³⁷⁰ Там же. Л. 5.

³⁷¹ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 87–87 об.

³⁷² О результатах научной деятельности экспедиции см.: Амур. 1860. : 1) № 1. С. 11–16 ; 2) № 2. С. 26–28.

каждого человека, если он не желает всю жизнь впадать из ошибки в ошибку, должен точно так же соблюдаться в жизни государств, а мужи, которые по воле государя управляют делами государства, не должны отказываться от работ, с их званием сопряженных, или должны удалиться от дел государственных»³⁷³. В конце этой бумаги Перовский «дружески советовал» китайцам принять во внимание выдвинутые предложения, т.к. в их непрестом международном положении был необходим сильный союзник, которым могла бы стать Россия, имеющая с Китаем самую протяженную сухопутную границу³⁷⁴.

Увидев, что простого отказа от переговоров будет не достаточно, Верховный государственный совет 13 (25) мая 1859 г. прислал сообщение, содержащее опровержения по всем 8 пунктам проекта трактата: разграничение в Приамурье и на Уссури не может быть проведено, т.к. эти земли находятся слишком далеко от границы двух государств (видимо, установленной в Нерчинске); граница на западе уже установлена и не подлежит дополнительному обсуждению; т.к. русско-китайская сухопутная торговля разрешена в Кяхте, незачем распространять ее на другие пункты; назначение русских консулов в Ургу, Калган и Цицикар невозможно, т.к. русские купцы не имеют права торговать в этих местах; почтовое сообщение не нуждается в улучшении, т.к. и до этого не наблюдалось никаких серьезных задержек в доставке писем; русско-китайский трактат уже ратифицирован, а дальнейший пересмотр договорных статей возможен только на основе Нерчинского договора; отправление китайского посланника бессмысленно, т.к. после ратификации трактата не осталось вопросов, подлежащих обсуждению³⁷⁵.

Этот отказ уже не сильно беспокоил Перовского: 4 (16) мая 1859 г. он получил уведомление о скором приезде своего сменщика, Н.П. Игнатьева, и понял, что тягостное пребывание в Пекине подходит к концу³⁷⁶. И если окончание дела по

³⁷³ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 37–37 об.

³⁷⁴ Там же. Л. 39 об.–40.

³⁷⁵ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 179–180.

³⁷⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3037. Л. 34.

размену ратификаций Тяньцзиньского трактата, по-видимому, вселило в него надежду на успех дальнейших переговоров (о чем он не замедлил сообщить в Петербург) и желание выйти из ситуации триумфатором, то дальнейшее сопротивление китайской стороны убедило его в том, что прилагать дополнительные усилия в сложившейся ситуации бесполезно³⁷⁷. В своем сообщении в Верховный государственный совет от 30 мая (11 июня) 1859 г. российский уполномоченный в последний раз формально пригрозил китайцам возможным отказом России от мирных методов взаимодействия, после чего фактически дал понять, что складывает с себя полномочия: «Считая настоящее сообщение мое последней, может быть, с моей стороны попыткой устроить дружелюбно дела для блага обоих государств, а в особенности вашего, желаю от искреннего сердца, почтенные сановники, чтобы оно имело на Вас силу убеждения; если же надежды мои не исполнятся, то совесть не будет упрекать меня, что я не употребил всех зависящих от меня средств, чтобы предохранить ваше государство от тех трудных обстоятельств, которые предвижу для него в будущем»³⁷⁸.

У неудачного окончания дипломатического поручения Перовского было несколько причин. Во-первых, китайцы крайне негативно восприняли участие России в вооруженном демарше западных государств, который привел к заключению Тяньцзиньских договоров 1858 г. В 1859 г. они собирались дать «западным варварам» серьезный бой и по этой причине решили денонсировать навязанные им договоры, к которым относились, в том числе, Тяньцзиньский и Айгунский. В своих донесениях Перовский писал о серьезной готовности Китая отбить любые попытки иностранцев пройти из Тяньцзиня в Пекин будущим летом³⁷⁹.

Во-вторых, российский уполномоченный, скорее в силу своего характера, занял крайне осторожную и выжидательную позицию, а непривычные и стесненные

³⁷⁷ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 298 об.–299.

³⁷⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3037. Л. 43–43 об.

³⁷⁹ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 252–253.

условия существования причиняли ему настоящие страдания и заставляли постоянно просить петербургское начальство снять с него поручение. По словам казацкого есаула Николая Хитрово, курьера между Иркутском и Пекином, «Петр Николаевич Перовский человек умный, но, как он сам о себе отзывается (курсив мой. – Н.С.), ленивый ... и нерешительный и, как кажется, боится спасовать перед англичанами и французами»³⁸⁰. Эту характеристику дополняет мнение о происходящем в китайской столице кяхтинского градоначальника А.И. Деспота-Зеновича: «Отношения Перовского с Гурием самые дурные. Вообще дела идут плохо. Да и трудно, чтобы они шли лучше, при столкновении личностей и *совершенном нежелании* (курсив мой. – Н.С.) со стороны Перовского заняться серьезным окончанием наших дел с Китаем»³⁸¹. Очевидно, что такое отношение российского уполномоченного к своему делу формировало соответствующее отношение к нему со стороны начальства. В письме М.С. Корсакову от 17 февраля (1 марта) 1859 г. Н.Н. Муравьев, поначалу благоволивший к своему помощнику, отзывался о его деятельности так: «Перовский, под влиянием двух трусливых архимандритов и своей лености, не шевелит китайское правительство, как бы следовало, а англичане действуют умно и быстро»³⁸². По словам Ф.Р. Остен-Сакена, уже в марте 1859 г. отношение к Перовскому изменил и его главный покровитель: «Ковалевский в то время уже охладел к Перовскому, был недоволен его сближением с Муравьевым, досадовал на его неумелость в переговорах с китайцами»³⁸³. Капризы и постоянные просьбы о возвращении только ухудшали это мнение. Вот что Остен-Сакен рассказывает о письме, отправленном Перовским Ковалевскому в мае 1859 г., в котором он просил скорее отправить его домой: «Умоляющий тон письма и женские жалобы, в нем заключавшиеся, были недостойны уважающего себя человека. Письмо это поразило князя Горчакова, и он написал на

³⁸⁰ Цит. по: *Козюра А.В.* Н.Н. Муравьев-Амурский и становление ... С. 132.

³⁸¹ Цит. по: *Козюра А.В.* Н.Н. Муравьев-Амурский и становление ... С. 133.

³⁸² Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 1. С. 551.

³⁸³ Цит. по: *Куликов А.М.* К истории публикации ... С. 170.

нем: “Перовский, может быть, хороший чиновник, *mais certes ce n’est pas un homme d’action*”³⁸⁴.

В-третьих, не стоит забывать, что Перовский действительно имел опыт лишь чиновничьей кабинетной работы. Не будучи профессиональным дипломатом, он не умел грамотно излагать свои требования, зачастую высказывая их слишком подробно и открыто, в результате чего его опасливые китайские оппоненты были склонны рассматривать это как желание России не только получить свои выгоды в Китае, подобно другим европейцам, но и расширить свои границы³⁸⁵. В сопутствующих его переговорам практических, в том числе и бытовых, вопросах Перовский во время своего пребывания в Пекине тоже допустил ряд серьезных промахов. Так, например, он мог использовать револьверы, находящиеся в распоряжении казачьей охраны русской миссии, в качестве подарков китайским сановникам³⁸⁶. Даже с учетом малого количества предметов, предназначенных для подарков, подобное обращение со служебным оружием было недопустимым. Еще одна серьезная ошибка Перовского заключалась в том, что он предоставил всему составу миссии полную свободу передвижения по Пекину в европейской одежде³⁸⁷. Хотя Н.Н. Муравьев расценивал такую вольность как прогресс в положении европейцев³⁸⁸, сами китайцы видели в подобном поведении вызов вековым традициям³⁸⁹. По этому поводу в Верховный совет поступило сразу несколько жалоб. Одна из них обращала внимание на то, что вольное поведение русских в Пекине может быть использовано англичанами и французами для приобретения аналогичных привилегий, а подъем российских подданных на крепостные стены и обозрение ими окрестностей можно расценивать и как вражескую разведку в преддверии неминуемого вооруженного столкновения

* «но уж точно это не человек действия» (*фр.*)

³⁸⁴ Цит. по: Куликов А.М. К истории публикации ... С. 169–170.

³⁸⁵ Игнатьев Н.П. Материалы ... С. 26–27.

³⁸⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3034. Л. 7.

³⁸⁷ Cordier H. L’expédition de Chine de 1860 ... P. 45.

³⁸⁸ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 247.

³⁸⁹ British Parliamentary Papers. № 69. Correspondence with Mr. Bruce ... P. 3.

Китая с теми же англо-французами³⁹⁰. В другой жалобе, от командования китайскими вооруженными силами, содержалось предложение поставить перед российским уполномоченным жесткий ультиматум об ограничении пребывания его подчиненных только стенами российского подворья, а в случае отказа – подвергнуть аресту и сообщить российскому императору о недопустимости подобного поведения³⁹¹. Такие угрозы вскоре стали реальностью. 5 (17) мая 1859 г. при проезде одного из членов Российской духовной миссии верхом по городской улице с крепостных стен в него полетели камни, часть из которых попала в лошадь. Перовский немедленно подал жалобу пекинскому полицмейстеру, из которой следует, что фривольное поведение русских миссионеров изначально вызывало нескрываемую негативную реакцию жителей Пекина, на которую он даже не посчитал нужным обратить внимание: «Со времени приезда моего в вашу столицу в сентябре месяце прошлого года, – значилось в жалобе, – неоднократно случалось, что некоторые из нас, прогуливаясь по улицам города пешком или верхом, были осаждаемы неприличными и недружелюбными криками от встречавшихся жителей городских. Я на это не обращал доселе внимания, приписывая подобные поступки праздношатающим бродягам, которые действовали по глупости и недостатку образования»³⁹². В ответ на жалобу было получено уклончивое обещание разобраться в ситуации и не допустить ее повторения впредь³⁹³. Очевидно, что пренебрежение к сложившимся традициям, несмотря на неоднократные «предупреждения», не прибавляло российскому уполномоченному популярности не только среди простого народа, но и у пекинского правительства.

15 (27) июня 1859 г. произошло долгожданное для Перовского событие – его сменщик Н.П. Игнатьев приехал в Пекин. Проведя несколько дней в продолжительных беседах со своим предшественником с целью выяснить его мнение относительно актуального положения дел в китайской столице и составить

³⁹⁰ *Banno M. China and the West ...* P. 130–131.

³⁹¹ *Ibid.* P. 131.

³⁹² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3037. Л. 41.

³⁹³ *Banno M. China and the West ...* P. 132.

впечатление о тех действиях, которые были им произведены в качестве дипломатического агента, Игнатьев в письме своему отцу рассказывал о сделанных им выводах откровенно и не стесняясь в выражениях: «Перовский – добрый, но глупый, пустой, тщеславный, самолюбивый, раздражительный, избалованный, щекотливый и очень высокого (впустую) о себе мнения»³⁹⁴. Говоря о том, в каком положении находятся российские дела в Китае, новый посланник также был настроен весьма скептически: «Перовский потерял благоприятное время и не сделал ничего для окончания существенно важных для нас дел, за исключением пустого обмена ратификаций Тяньцзиньского трактата, коему преднамеренно придал важность, распространяясь о встреченных затруднениях в переговорах с китайцами, чтобы достигнуть одобрения своих действий в Петербурге. Он взвалил мне все на шею в самом испорченном виде. Влияние наше, если только оно когда-либо чувствовалось, в Пекине не существует, и на русских еще менее обращают здесь внимание, нежели в Средней Азии. Это факт, и отрицать его может только либо человек бессмысленный, либо шарлатан или лжец. Китайцы, жившие с нами в дружбе более столетия, стали теперь смотреть на нас как на врагов, но не открытых, как англичане, а затаенных по бессилию или малодушию»³⁹⁵. Перовский же, понимая, какие выводы из его деятельности может сделать сменщик, решил подстраховаться и отдельно отправил Ковалевскому в Петербург некоторые бумаги: «Я решил препроводить к вашему превосходительству копии с переписки моей с китайцами на тот случай, если донесения г. Игнатьева не вполне объясняют мои действия в Пекине после размена ратификаций Тяньцзиньского трактата, все поручаю Вашему снисхождению»³⁹⁶.

18 (30) июня 1859 г. Перовский покинул Пекин. Оказавшись далеко от китайской столицы, он с облегчением высказывался в одном из писем: «Слава Богу, я теперь совершенно спокоен и доволен, надеюсь, что и здоровье мое со временем поправится,

³⁹⁴ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 331.

³⁹⁵ Там же. Л. 326 об.

³⁹⁶ АВПРИ. Ф. 161. I-5. Оп. 4. 1823 г. Д. 106. Л. 14–14 об.

в чем сильно нуждаюсь»³⁹⁷. 24 июня (6 июля) Перовский догнал возвращавшуюся на родину духовную миссию архимандрита Палладия. В этот же день он писал своему преемнику: «Всю дорогу я не переставал думать о Вас, о Вашем трудном положении и жалкой обстановке, желал бы знать до малейшей подробности, что Вы делаете: получили ли ответ от китайцев, знаете ли что-нибудь об иностранцах и проч.? Очень трудно Вам, но я убежден, что Вы все устроите к лучшему; верьте, что это не слова, но вера в Вашу счастливую звезду и в Вашу непреоборимую энергию»³⁹⁸. Получив от Игнатьева письма с изложением первых сложностей и неудач, он, с высоты приобретенного опыта, говорил своему коллеге в письме от 9 (21) августа из Кяхты: «Меня нисколько не удивляют сделанные Вам отказы. Я сам прошел через все таковые испытания: меня приглашали выехать из столицы, мне говорили, что готовы воевать, но я вооружился терпением и переупрямил китайцев, которые согласились, наконец, не изменять текста Тяньцзиньского трактата»³⁹⁹. Будущие события, однако, показали, что именно упорство и настойчивость Игнатьева, а не безграничное терпение, в итоге помогли ему добиться тех целей, которых стремился достичь его предшественник. Ф.Р. Остен-Сакен рассказывает о дальнейшей службе Перовского следующее: «В Петербург он прибыл в половине декабря (1859 г. – *Н.С.*) и был принят довольно сухо. Попытки получить сколько-нибудь видное самостоятельное место не удавались, и в 1863 г. он решил взять место ген. консула в Геную»⁴⁰⁰. Столь нежеланная поездка в Китай разрушила успешную карьеру Перовского, хотя в начале своей миссии ему удалось получить не только очередной классный чин, но и престижный орден. Петр Николаевич скончался на новом месте службы, в Генуе, 13 (25) августа 1865 г.

Подводя итоги деятельности П.Н. Перовского в Китае в 1858–1859 гг., следует признать ее скорее неудачной. С другой стороны, выбор кандидатуры Перовского в

³⁹⁷ Там же. Л. 8 об.

³⁹⁸ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 41–42.

³⁹⁹ Там же. С. 42–43.

⁴⁰⁰ Цит. по: *Куликов А.М.* К истории публикации ... С. 170.

качестве пристава Российской духовной миссии в Пекине, которому в дальнейшем, возможно, придется взять на себя дипломатические функции, был продиктован не рациональными соображениями, а покровительством со стороны директора Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевского. Благодаря стечению обстоятельств ему удалось добиться определенных успехов при заключении Айгунского договора. Выработанное годами службы в качестве кабинетного чиновника умение быть угодным начальству позволило добиться благосклонности восточносибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского. Но «промежуточное» положение между должностями пристава духовной миссии и российского уполномоченного в Пекине формировало у китайского правительства недооценку своего оппонента и соответствующее к нему отношение, а слабый и капризный характер Перовского, вкуче с отсутствием у него опыта дипломатической деятельности, привели к большому количеству ошибок⁴⁰¹. Российское правительство, назначив пристава духовной миссии уполномоченным и оставив его в Пекине до приезда сменщика, по сути надеялось на случай⁴⁰². Порученный Перовскому обмен ратификациями Тяньцзиньского трактата должен был заставить китайское правительство окончательно юридически оформить новую государственную границу и, таким образом, признать присоединение к России новых территорий, но стечение обстоятельств, традиционная строптивость китайской дипломатии и просчеты российского представителя привели к провалу этого плана.

По результатам данной главы можно сделать следующие выводы:

1) Русско-китайские отношения до начала 1840-х гг. развивались медленно, частоту контактов в политической сфере можно назвать фрагментарной, т.к. оба

⁴⁰¹ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 29.

⁴⁰² Здесь стоит заметить, что в разговоре с великим князем Константином Николаевичем в ноябре 1858 г. недавно вернувшийся из Китая Е.В. Путятин настаивал на необходимости скорейшего утверждения границы между Россией и Китаем, но для исполнения этого поручения рекомендовал барона М.Л. Боду и отмечал, что «вовсе не надеется на Перовского». (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1858 г. Д. 103. Л. 62–62 об.)

государства не имели существенных взаимных интересов и не предъявляли друг другу серьезных претензий. Экономические взаимоотношения в основном исчерпывались торговлей через пограничный пункт Кяхта, главным предметом экспорта из Китая для России являлся чай. В середине 1840-х гг. активизировалось географическое изучение российскими учеными, военными и мореплавателями Приамурья и Приморья, которое выявило привлекательность данных территорий как в стратегическом, так и в экономическом плане. В это же время генерал-губернатором Восточной Сибири назначается Н.Н. Муравьев, который стал самым активным поборником скорейшего решения «амурского вопроса», т.е. возвращения России ранее принадлежавших ей территорий и приобретения новых.

2) В ходе Крымской войны возникла серьезная угроза нанесения Великобританией удара России, в том числе и на Дальнем Востоке. Это обстоятельство привлекло пристальное внимание российского правительства к «амурскому вопросу» по окончании войны. Главной целью являлось юридически оформленное закрепление за Россией территорий в Приморье и приобретение права судоходства по р. Амур.

3) В условиях начала второй «опиумной» войны в 1856 г. Россия получила дополнительную мотивацию для более активных действий во взаимоотношениях с Китаем – противодействие укреплению в этом государстве английского влияния. Е.Ю. Сергеев склонен считать, что именно после окончания Крымской войны, в 1856 г., можно говорить о начале так называемой «Большой игры», то есть противостояния Британской и Российской империй в Центральной и Восточной Азии⁴⁰³. Одним из плацдармов этого соперничества являлся и Китай.

4) В отличие от Великобритании, российское правительство и МИД неуклонно придерживались мирных методов ведения политики по отношению к Китаю,

⁴⁰³ Сергеев Е.Ю. Большая игра ... С. 65.

несмотря на то что в случаях неблагоприятного развития ситуации неоднократно высказывались предложения оказания силового давления.

5) В ходе работы дипломатической миссии был допущен ряд ошибок. К ним можно отнести одобрение параллельной деятельности Н.Н. Муравьева и Е.В. Путятина по заключению договора о проведении государственной границы. Негативный эффект от этой меры усиливался недопониманием и откровенным соперничеством между двумя государственными деятелями. Следующей ошибкой стоит назвать отправку в Пекин в качестве дипломатического представителя неподготовленного к этой деятельности в профессиональном и психологическом плане П.Н. Перовского, мотивированную во многом личным покровительством ему со стороны Е.П. Ковалевского.

6) Российское правительство не имело возможности эффективно управлять своей политикой в Китае и своевременно реагировать на изменения ситуации, т.к. расстояние между Пекином и Петербургом было слишком большим. В условиях отсутствия телеграфного сообщения донесения российских представителей или же, напротив, отправляемые им инструкции часто доходили до адресата слишком поздно.

7) У власти в Китае находилась консервативная группировка, главной задачей которой было сохранение вековых традиций Поднебесной, и прежде всего сохранение внешнеполитической изоляции страны. Однако события показали, что позиция китайского правительства меняется в зависимости от сложившейся ситуации, например, при осознании неминуемого военного поражения в мае 1858 г. оно стало гораздо более сговорчивым.

Глава 2. Нелегкий год. Первый период деятельности миссии Н.П. Игнатьева в Китае

Данная глава посвящена описанию долгого путешествия Игнатьева из Европейской России в Китай и тех трудностей, с которыми пришлось столкнуться российскому посланнику при ведении переговоров в Пекине, вынудивших его в конечном итоге демонстративно покинуть этот город.

§ 1. Краткие сведения о жизни и деятельности Н.П. Игнатьева

Н.П. Игнатьев родился 17 (29) января 1832 г. в Петербурге в семье полковника Павла Николаевича Игнатьева и его жены Марии Николаевны. Игнатьевы происходили из старинного дворянского, но не титулованного рода, удостоенного графского достоинства только в 1877 г. Согласно официальным документам, родоначальником Игнатьевых считался черниговский боярин Федор Бяконт, переехавший в Москву при князе Данииле Александровиче, а фамилию род получил от правнука боярина Бяконта Игнатия⁴⁰⁴.

Большинство Игнатьевых предпочитали военную карьеру. Так, дед Н.П. Игнатьева дослужился до генерал-майора артиллерии, во время Отечественной войны 1812 г. в качестве коменданта оборонял Бобруйск от польских войск⁴⁰⁵. Отец – П.Н. Игнатьев после окончания Московского университета начал в 1814 г. службу в лейб-гвардии Преображенском полку, где в 1825 г. получил чин капитана. Определяющее значение в судьбе П.Н. Игнатьева имели события 14 декабря 1825 г., когда его рота по приказу Николая I первой явилась на Сенатскую площадь для охраны царя, а затем, расположившись возле Исаакиевского собора, отрезала мятежникам путь к

⁴⁰⁴ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴⁰⁵ Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М., 2009. С. 14–15.

Васильевскому острову⁴⁰⁶. Естественно, император не мог забыть такой верной службы. Через неделю капитан Игнатъев стал флигель-адъютантом и дальше быстро продвигался по службе. В 1829 г. он получил чин полковника, в 1835 г. – генерал-майора, а в 1847 г. – генерал-лейтенанта. С 1834 по 1846 гг. П.Н. Игнатъев возглавлял знаменитый Пажеский корпус, прививая его воспитанникам железную дисциплину⁴⁰⁷.

В семье Игнатъевых также наблюдалась атмосфера строгости и почтительности к старшим. Традиционными во все времена были семейные встречи на воскресной обедне в домовая церкви П.Н. Игнатъева на Гагаринской набережной, где царил практически пуританская атмосфера строгости и почтительности, благодаря которой «смирлась даже кипучая натура Николая Павловича»⁴⁰⁸, который без движения стоял всю службу, а потом, согласно установленному порядку, подходил вместе со своим семейством к кресту⁴⁰⁹. За накрывавшимся после обедни столом не было никакого вина, а все блюда готовились «в расчете на желудок хозяина»⁴¹⁰. Не признавал отец семейства и азартных игр. Поразительно, но до самой смерти отца Николай Павлович состоял с ним в постоянной переписке и, если не имел возможности написать письмо, испытывал настоящие страдания⁴¹¹.

Блестящее положение отца, который в 1870-е гг. стал председателем Комитета министров, обеспечивало его сыновьям, Николаю и Алексею, успешную карьеру, тем более что оба обладали выдающимися способностями⁴¹². В 1849 г. Н.П. Игнатъев окончил Пажеский корпус первым учеником по выпуску с занесением фамилии на мраморную доску и поступил корнетом в лейб-гвардии гусарский полк, одновременно начав обучение в недавно созданной Николаевской военной академии Генерального

⁴⁰⁶ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4447. Л. 1.

⁴⁰⁷ Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатъев ... С. 15.

⁴⁰⁸ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю ... С. 8.

⁴⁰⁹ Игнатъев М. Русский альбом ... С. 37.

⁴¹⁰ Там же. С. 38.

⁴¹¹ См. например: Игнатъев Н.П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897. С. 200.

⁴¹² Игнатъев М. Русский альбом ... С. 37.

Штаба, основной задачей которой считалось «приготавливать не столько ученых, сколько талантливых офицеров для службы в войсках»⁴¹³. Разнообразие дисциплин, преподававшихся в академии, позволяло ее выпускникам занимать не только военные, но и военно-дипломатические должности. В 1851 г., проявив себя как блестящий и чрезвычайно трудолюбивый ученик, Н.П. Игнатъев закончил академию с большой серебряной медалью и занесением фамилии на почетную доску. Из числа прежних выпускников золотой медали не был удостоен ни один⁴¹⁴.

Получив чин ротмистра, Игнатъев в течение года проходил стажировку в различных родах войск, после чего получил назначение в Прибалтику⁴¹⁵. Служба Игнатъева на северо-западе страны могла быть прервана, когда Николай I решил дать ему поручение отправиться в Константинополь вместе с дипломатической миссией А.С. Меншикова, задачей которой было решить вопрос о покровительстве России православным подданным турецкого султана. Для исполнения поручения императора молодому офицеру нужно было выучить турецкий язык⁴¹⁶. Однако в последний момент император изменил свое решение, и поэтому 1854–1856 гг. отмечены службой Игнатъева на должности обер-квартирмейстера в Прибалтике, где его основной задачей являлась инспекция расквартированных там войск.

В 1856 г. Н.П. Игнатъеву исполнилось 24 года. Именно в это время он получил чрезвычайно ответственное назначение военным агентом в Лондон. Там он ознакомился с историей внешней политики Англии. Особенно его внимание привлекали действия англичан на Среднем и Ближнем Востоке – в Аравии, Малой Азии, Афганистане и Иране. В качестве военного агента Игнатъев постоянно посещал военные учреждения Лондона, в том числе Вулиджский (Вуличский) арсенал, где собирал сведения о новых английских вооружениях, обстоятельно записывая все свои

⁴¹³ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 48.

⁴¹⁴ Там же. С. 70.

⁴¹⁵ Автобиографическая записка ... С. 283.

⁴¹⁶ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–3.

впечатления в дневник⁴¹⁷. Кроме того, он постоянно отправлял в Петербург донесения военно-политического характера о политике Англии в Индии и Персии⁴¹⁸, общий дух которых заключался в идее использования затруднений Англии в Азии и подготовки к усилению там присутствия России⁴¹⁹. Несмотря на неосуществимость некоторых предложений Игнатьева, его мысли встретили понимание и доверие, особенно в военных кругах. Помимо исполнения прямых обязанностей, Игнатьев принял участие в конференции, проходившей осенью 1856 г. в Париже и посвященной разграничению в Южной Бессарабии, согласно условиям Парижского мирного договора. Официально не будучи членом российской делегации, он тем не менее способствовал разграничению территории в пользу России⁴²⁰.

В конце лета 1857 г. Игнатьев после отпуска для поправки расшатанного здоровья вернулся в Лондон, откуда скоро уехал в Варшаву по вызову Александра II для личной беседы об английской политике в Азии. В Варшаве он получил предложение стать руководителем русской миссии в Персию, но отказался от него под предлогом плохого знакомства с существующей на Востоке политической обстановкой⁴²¹. Однако поездки в Центральную Азию Игнатьеву избежать не удалось. В октябре 1857 г. он был назначен руководителем дипломатической миссии в Хиву и Бухару, выступление которой было определено на апрель 1858 г. Перед отъездом Игнатьев совершил путешествие по Европе, Турции и Египту. В марте 1858 г. Николай Павлович вернулся в Петербург и начал подготовку к исполнению задания.

Миссия Н.П. Игнатьева в Среднюю Азию стала первым дипломатическим поручением в его долгой карьере, с которым он блестяще справился. Несмотря на то что после Крымской войны основное внимание Россия во внешней политике уделяла восстановлению собственного веса в Европе, не менее важными были и мероприятия

⁴¹⁷ Там же. Д. 121.

⁴¹⁸ См. например: ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 241.

⁴¹⁹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 241. Л. 29–30.

⁴²⁰ См. подробнее: Автобиографическая записка ... С. 285

⁴²¹ *Игнатьев Н.П.* Миссия в Хиву и Бухару ... С. 1–2.

по поиску новых сфер политического влияния и рынков сбыта для товаров начинавшей формироваться промышленности. Поэтому внимание правительства обратилось на среднеазиатский регион. Перед Игнатьевым ставилось множество задач: наладить постоянно прерывающиеся дипломатические связи с Хивой и Бухарой, добиться права прохода российских судов по р. Амударье, провести топографическую съемку территорий по маршруту следования миссии, настоять на предоставлении русским купцам относительно выгодных условий торговли и т.д. Отправившись из Петербурга 20 апреля (2 мая), молодой дипломат вернулся обратно лишь в конце декабря 1858 г., перенеся за это время большое количество испытаний: изнурительное путешествие до Хивы в условиях страшной жары по небольшим каналам в пустыне, в результате чего большинство членов миссии подхватило лихорадку; полное безразличие, а затем и враждебность со стороны хивинцев, не один раз приводившие к угрозе жизни самого Игнатьева и его подчиненных; тяжелый путь через пески до Бухары; и, наконец, возвращение домой через снежные бураны. Хотя непосредственно дипломатические задачи миссии не были полностью выполнены, т.к. договор с Хивой не был заключен, а договор с Бухарой позднее был подвергнут пересмотру, но остальные результаты деятельности Игнатьева в Средней Азии прекрасно резюмировал император Александр II: «Надобно отдать справедливость генерал-майору Игнатьеву, что он действовал умно и ловко и большего достиг, чем мы могли ожидать»⁴²². Действительно, материалы Военного министерства пополнились не только топографическими съемками огромной территории от Усть-Урта до Бухары, но и сведениями о составе и численности хивинских и бухарских вооруженных сил. Были проведены гидрографические исследования Амударьи и ее рукавов, торговые пошлины для русских купцов были существенно снижены и т.д. По возвращении Игнатьев получил звание генерал-майора и новое назначение в Китай. Необходимо отметить, что среднеазиатская поездка Игнатьева стала последней попыткой мирного

⁴²² ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 300. Л. 1.

урегулирования отношений с Хивой и Бухарой. Спустя 5 лет, в результате долгой бюрократической борьбы в высших инстанциях, началось военное проникновение России в Среднюю Азию.

После миссии в Среднюю Азию Игнатъев был направлен в Китай. Достигнутые им в ходе китайской миссии успехи были высоко оценены в Петербурге, в связи с чем 28-летнему генерал-майору было присвоено звание генерал-адъютанта, а спустя полгода он был назначен директором Азиатского департамента МИД.

Н.П. Игнатъеву не довелось долго занимать этот пост. Как отмечает В.М. Хевролина, с одной стороны, его активные планы внешней политики России в Азии и на Балканах пугали чрезвычайно осторожного министра А.М. Горчакова, а с другой – Игнатъева тяготила канцелярская работа. Поэтому он с радостью принял предложение Горчакова занять пост русского посланника в Константинополе, начиная с 1864 г.⁴²³

Деятельность Н.П. Игнатъева в Турции достаточно полно освещена в научной литературе⁴²⁴. Еще в бытность директором Азиатского департамента Игнатъев очень подробно ознакомился с положением дел на Балканах и по приезде в Константинополь в 1864 г. ставил следующие задачи: восстановление престижа России и ее влияния на христиан Османской империи, борьба против англо-французско-австрийского влияния на Порту и ослабление союза России с Австрией и Турцией⁴²⁵.

Для исполнения первой задачи Игнатъев, получивший в 1867 г. статус посла, установил тесные связи с представителями христианских народов Османской империи, получая, таким образом, сведения не только об их настроениях и помыслах, но и о внутривосточной ситуации в империи вообще⁴²⁶.

Вторая и третья задачи, тесно связанные с первой, решались Игнатъевым с

⁴²³ Хевролина В.М. Сан-Стефано: венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатъева // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 241–242.

⁴²⁴ См. например: Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатъев ... С. 152–330 ; *Ее же*. Сан-Стефано ... С. 238–256; и др.

⁴²⁵ Хевролина В.М. Сан-Стефано ... С. 242–243.

⁴²⁶ Там же. С. 244.

присущими ему смелостью, упорством и дипломатическим искусством. Он смог наладить отношения не только с султаном Абдул-Азизом, но и с некоторыми министрами. Игнатъев противился сближению России с Австрией и Пруссией, считая их ненадежными союзниками. Дальнейшие события доказали его правоту⁴²⁷.

Пик дипломатической карьеры Игнатъева пришелся на очередной Восточный кризис. Начавшись с восстания 1875 г. в Боснии и Герцеговине, он вскоре перерос в серьезный международный конфликт. Для урегулирования спорных вопросов в Константинополе в 1876 г. была созвана специальная конференция. Представлявший на ней Россию Игнатъев являлся одновременно и старшиной всех делегатов. По итогам конференции он, хотя и не добился желаемого результата, то есть, создания «большой Болгарии» с широкими автономными правами, все же смог провести свой «проект-минимум» (деление Болгарии на две автономные провинции). Постановления конференции, врученные Порте, были ею отвергнуты. Начало новой русско-турецкой войны стало неизбежным, что и произошло 12 (24) апреля 1877 г. Именно Игнатъев составил текст Сан-Стефанского договора, блестяще завершившего эту непростую для России войну. Тем не менее западные державы не могли согласиться с явным усилением России на Балканах, началась острая дипломатическая борьба по подготовке условий нового договора. В этой ситуации Игнатъев был направлен в Вену с целью уладить противоречия с Австро-Венгрией, но идти на серьезные уступки не желал и отказался продолжать переговоры. При подготовке к Берлинскому конгрессу в российской внешней политике полностью возобладала осторожная линия А.М. Горчакова, дипломатия Игнатъева категорически ей не соответствовала, что и послужило причиной его удаления от дел⁴²⁸.

После Сан-Стефано карьера Игнатъева пошла по нисходящей линии. Подвергнутый общественному осуждению за свои порой опрометчивые действия на Балканах, в частности, за уверенность в возможности сопротивления Англии даже при

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Там же. С. 254.

отсутствии сильного флота, он перестал играть заметную роль во внешней политике страны. Однако Александр III, взошедший на престол в 1881 г. снова призвал его на службу. Откровенно монархические взгляды и неиссякаемая энергия Игнатьева импонировали императору. Он получил сначала пост министра государственных имуществ, а потом и министра внутренних дел. Стремясь побороть «революционную анархию» в стране, бывший дипломат, мало знакомый с внутривластной обстановкой, так и не смог привести к консенсусу либеральные и консервативные круги⁴²⁹. Более того, его проекты «возрождения русского парламентаризма» в виде Земских соборов сильно напугали императора, и в 1882 г. в возрасте пятидесяти лет Игнатьев получил отставку и посвятил себя работе в Петербургском славянском благотворительном обществе и Русском географическом обществе.

Крупный дипломат и государственный деятель, Николай Павлович Игнатьев скончался в 1908 г. в своем имении Круподерницы Киевской губернии, будучи практически забытым в России и чрезвычайно популярным на Балканах, особенно в Болгарии. Сложно оценить истинное значение этой фигуры для истории России второй половины XIX века, но без сомнения можно сказать лишь одно – он занимал в ней действительно заметное место.

§ 2. Подготовка миссии Н.П. Игнатьева*

На заседании Амурского комитета от 3 (15) октября 1858 г., как было упомянуто в предыдущей главе, рассматривался заключенный Е.В. Путятиным Тяньцзиньский трактат и донесения адмирала о своих дальнейших действиях. Один из пунктов

⁴²⁹ Там же. С. 256.

* При подготовке данного параграфа диссертации использовались следующие публикации автора: *Сосна Н.А.* Амурский комитет и его роль в политике России на Дальнем Востоке во второй половине 1850-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 62–70 ; *Сосна Н.А.* Подготовка миссии Н.П. Игнатьева в Китай в 1859–1860 гг. // Человеческий капитал. 2020. № 1. С. 48–57.

повестки звучал следующим образом: «Граф Путятин признает нужным назначить полномочного министра в Пекин для наблюдения за действиями других государств и для утверждения нашего влияния, тем более что Англия, без сомнения, воспользуется предоставленным ей ныне правом иметь постоянную дипломатическую миссию в Пекине». На это император отреагировал следующей резолюцией: «Весьма будет полезно и даже необходимо. Сообразить»⁴³⁰. Окончательное решение этого вопроса было отложено до обмена ратификациями Тяньцзиньского трактата, возложенного на П.Н. Перовского⁴³¹. На заседании 3 (15) декабря 1858 г. в Петербурге комитет подтвердил свое решение не посылать отдельного дипломата в Пекин, но признал необходимым «войти в ближайшее соображение о том, чтобы перед отъездом д.с.с. Перовского поручить управление дипломатическими делами тому лицу, которое будет заведовать военными офицерами, туда командируемыми»⁴³². Для исполнения этого поручения назначили «энергического и опытного руководителя, с званием посланника, из числа военных»⁴³³. По настоянию графа Путятина в правительстве обратили внимание на кандидатуру флигель-адъютанта полковника Н.П. Игнатьева, который должен был в ближайшее время вернуться из поездки в Среднюю Азию и с которым адмирал был знаком по службе в Лондоне⁴³⁴. За время своей миссии в Хиву и Бухару этот офицер действительно зарекомендовал себя как смелый, упорный, находчивый и не лишенный дипломатических талантов, что полностью соответствовало сформулированным критериям. Игнатьева срочно вызвали в Петербург. Вот что он писал об этом в своих воспоминаниях о среднеазиатской миссии: «Как только вошел я в Форт № 1*, комендант передал мне полученные из Петербурга конверты на мое имя. В одном из них нашел я высочайшее повеление <...>

⁴³⁰ АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 495. Л. 25 об.

⁴³¹ Там же. Л. 24 об.

⁴³² Там же. Л. 31 об.–32.

⁴³³ *Шумахер П.* К истории приобретения Амура ... С. 302 ; *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 9.

⁴³⁴ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 9.

* Ныне – Казалинск.

спешить прибытием в Петербург для получения особого назначения в Китай. Легко можно себе представить поразительное впечатление, которое могла произвести на меня, только что вырвавшегося из рук хивинцев и бухарцев, перспектива нового тяжелого странствования через всю Сибирь в империю сына неба»⁴³⁵. Но спорить с императорским приказом было невозможно. В конце декабря Игнатъев уже был в Петербурге, где все же попытался избежать нового поручения, оправдываясь «*полным незнанием страны, трудностью самостоятельного дипломатического поста на таком громадном расстоянии от Петербурга, с затруднительностью получения современно инструкций* и в предвидении непосредственного столкновения с противостоящими нам западноевропейскими интересами и их представителями – *опытными дипломатами* (курсив мой. – Н.С.)», а также последствиями перенесенной на Амударье лихорадки⁴³⁶. Но Александр II заявил, что уверен в благополучном исполнении полковником всех поставленных задач, т.к. о нем хорошо отзывался не только Е.В. Путятин, но и П.Д. Киселев, Ф.И. Бруннов, М.И. Хрептович и Е.П. Ковалевский, а здоровье можно поправить за время подготовки новой миссии. За успехи в Средней Азии и в качестве стимула к дальнейшим свершениям в Китае Н.П. Игнатъев 25 декабря 1858 г. (6 января 1859 г.) в 26-летнем возрасте был произведен в генерал-майоры. Ему оставалось только смириться с необходимостью нового тяжелого испытания и начать пополнять свои знания о Цинской империи и о сложившейся там политической обстановке, что достигалось тщательным изучением архива Азиатского департамента МИД и личными беседами с недавно вернувшимся из Поднебесной адмиралом Путятиным⁴³⁷.

В январе 1859 г. министр иностранных дел князь Горчаков сообщал Н.Н. Муравьеву-Амурскому, что молодой генерал получил полномочия дипломатического агента⁴³⁸. Император Александр II в письме к своему брату Константину писал:

⁴³⁵ Игнатъев Н.П. Миссия в Хиву и Бухару ... С. 253–254.

⁴³⁶ Там же. С. 259.

⁴³⁷ Там же. С. 259–261.

⁴³⁸ Там же. С. 304.

«Молодой Игнатъев, столь успешно совершивший поездку в Хиву и Бухару, отправляется на днях в Китай дипломатическим лицом, но последние известия из Пекина не совсем удовлетворительны. Со времен подписания путятинского трактата китайцы стали к нам недоверчивее, а между тем внутренние смуты усиливаются, так что должно опасаться совершенного распада теперешней китайской империи»⁴³⁹. В этой связи инструкция, полученная Н.П. Игнатъевым из МИД, предписывала ему: «Междоусобия, сила обстоятельств и требование всего народа могут восстановить туземную династию; тогда, если убедитесь, что это восстановление достаточно прочно, Вы не колебайтесь и со своей стороны вступить с нею в сношения. Имейте, однако, в виду, что ни в каком случае мы не можем защищать интересы маньчжуров в Китае вооруженной рукой. Этот предмет является совершенно в другом виде, если нынешний император Китая или кто-нибудь из членов его фамилии успеет спастись от общего истребления и утвердиться в своем отечестве как независимый от Китая владетель, тогда вопрос о признании его независимости уже выходит из среды ваших поручений. <...> Во всяком же случае, Вам, как и гр. Муравьеву, необходимо знать заранее намерение министерства как относительно Маньчжурии, так и Монголии, а равным образом двух других соседственных с нами владений, которые, конечно, отпадут от Китая ранее всех других; а именно: Джунгарии и Кашгара; виды наши могут ясно обозначиться только тогда, когда мы вполне узнаем, при каких условиях совершится распадение Китайской империи; в настоящее же время мы можем высказать одни наши гадательные предположения. По нашему мнению, должно стараться приобрести сколь возможно более влияния на эти владения, и в случае добровольного желания самих владетелей, решиться принять их под наше покровительство»⁴⁴⁰. В то же время правительственные предпочтения относительно властителей Китая были высказаны достаточно прямо: «Более десяти лет продолжается междоусобная война с переменным счастьем для воюющих, а

⁴³⁹ Переписка императора Александра II ... С. 90–91.

⁴⁴⁰ Цит. по: *Попов А.Л.* Царская дипломатия ... С. 199.

Китайская империя все еще существует. <...> В судьбе империи, существующей около 3000 лет, при возможных потрясениях, внутри и вне ее происходивших, и сохранившейся во всей ее самобытности законов и даже нравов, трудно предусмотреть, какое действие произведут направленные на нее разнородные силы внутренних беспорядков и внешней цивилизации; но мы все еще не соглашаемся вполне с теми, которые полагают, что конец Срединной империи близок. <...> Исторический ход событий в Китае показывает, что время от времени, и именно в период 200 лет, китайский престол силою войны или внутренних переворотов заменяется новой династией. К этому так уже приучен народ, что в настоящее время он находится в ожидании подобной перемены, потому что маньчжурская династия царствует в продолжение почти означенного периода. Это обстоятельство, по мнению нашему, всего легче может случиться во время вашего пребывания в Пекине, следовательно, оно и подлежит, прежде всего, к разрешению. Вопрос состоит в том, будет ли для нас выгоднее возведение на престол китайской династии, прежней (минской) или новой, – или полезнее, чтобы удержались маньчжуры на престоле. Китайская династия всегда отличалась своею нетерпимостью к иностранцам, и в этом случае мы, конечно, ничего не выиграем с переменою. Сверх того, нынешней династии мы обязаны всеми трактатами и хотя некоторыми дипломатическими сношениями со времен Петра Великого до последних двух трактатов. Следовательно, при одинаковых условиях, было бы желательно удержать нынешних маньчжуров на китайском престоле»⁴⁴¹.

Что касается военной составляющей будущей миссии Игнатьева, то он получил в свое распоряжение следующих подчиненных:

1) Штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка Зейферт, «изучивший кроме пехотной службы, устройство и употребление нарезного оружия»⁴⁴². Для помощи ему

⁴⁴¹ Там же.

⁴⁴² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 2 об.

в обучении китайских солдат был прикомандирован унтер-офицер 7-го стрелкового батальона Образцового пехотного полка Постников⁴⁴³.

2) «Л.-гв. Саперного батальона поручик Зейме, ныне состоящий адъютантом при товарище его императорского высочества генерал-инспектора по инженерной части, как офицер имеющий основательные теоретические и практические сведения в инженерном деле»⁴⁴⁴. К нему были прикомандированы два гальванера и один сапер⁴⁴⁵.

3) «Капитан л.-гв. Конной артиллерии Баллюзек, ныне находящийся прикомандированным к штабу его императорского высочества генерал-фельдцейхмейстера, как офицер, хорошо знающий артиллерийскую службу и знакомый с лабораторной частью. В распоряжение его даны будут два опытные арсенальные мастера, знающие кузнечное мастерство, слесарную работу и деревянное дело»⁴⁴⁶.

Кроме того, в состав миссии должны были войти «один офицер Горных инженеров, который должен иметь основательные сведения в литье орудий и снарядов, а также в сплавлении металлов»⁴⁴⁷ (для этой цели был избран штабс-капитан Тучемский, проходивший службу на Уральских горных заводах)⁴⁴⁸, один горный кондуктор (с Олонецких заводов был прислан офицер Марков, который должен был предварительно изучить в Санкт-Петербургском Арсенале литье орудий из артиллерийского металла, поскольку до этого имел представление только о литье из чугуна)⁴⁴⁹ и, наконец, один топограф первого класса Шимкович⁴⁵⁰.

Н.П. Игнатьев, вступивший в обширную переписку с различными ведомствами об обеспечении его миссии всеми необходимыми материалами и инструментами,

⁴⁴³ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 363. Л. 2 об.

⁴⁴⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 2

⁴⁴⁵ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 10.

⁴⁴⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 1 об.–2.

⁴⁴⁷ Там же. Л. 2 об.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 28 об.

⁴⁴⁹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 363. Л. 3 об.–4.

⁴⁵⁰ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 10.

особо настаивал на том, что каждый из его подчиненных должен иметь при себе револьвер на случай непредвиденных обстоятельств. Это требование было удовлетворено – штабс-капитан Зейферт получил в Санкт-Петербургском Арсенале 12 револьверов в полном боевом комплекте⁴⁵¹.

Согласно инструкции, Игнатьев получал права начальника дивизии и должен был внимательно следить, чтобы его подчиненные правильно обращались с местным населением, «и в особенности в том случае, если им поручено будет обучение правильному строю. Инструкторы не должны забывать, что они имеют дело с людьми, которые к подобной трудной службе нисколько не подготовлены»⁴⁵². Относительно общих целей деятельности миссии военный министр Н.О. Сухожанет писал: «Вполне полагаясь на Ваше знание дела, и совершенно уверенный, что ваше превосходительство употребите все благоразумие и энергию, чтобы оправдать этот новый знак высочайшего к Вам доверия, я ограничиваюсь лишь теми немногими указаниями, которым, по обязанности начальника офицеров и других военных чинов, Вам нужно постоянно следовать. Так как главная цель нашего правительства заключается в том, чтобы содействовать дружественной с нами державе в устройстве военной ее силы, то ваше превосходительство, по прибытии в Китай, верно оценив современное положение дел, прежде всего обратите Ваше внимание на те наиболее простые и легкие способы, которыми бы можно было скорее и с меньшими жертвами правильно организовать военную силу этого государства.

Если бы китайское правительство, убедившись в превосходстве европейских военных учреждений, действительно пожелало ввести у себя правильную военную систему, то кроме тех способов для формирования войск, которые Вы найдете нужным предложить, по всей вероятности, окажется полезным обратить внимание китайцев на устройство крепостей в главных стратегических пунктах государства, на

⁴⁵¹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 363. Л. 14–23.

⁴⁵² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 3 об.–4.

укрепление морских берегов и в особенности устьев рек, а также посоветовать им завести оружейные и другие заводы и заведения артиллерийского ведомства.

Вообще, в случае готовности китайского правительства воспользоваться Вашим содействием, Вы не оставите без внимания всех вопросов, которые, кроме войск, усиливают военную силу государства, поддерживают его самостоятельность, и способствуют прекращать внутренние смуты.

Вместе с тем пользуясь находящимися в Вашем распоряжении офицером и кондуктором Горных инженеров, Вы постараетесь указать лучшие средства для разработки рудников и тем откроете новый богатый источник государственного дохода для Китая.

Каковы бы ни были те меры и средства, которые для достижения всех означенных целей Вы найдете полезными, во всяком случае Вам прежде всего необходимо в своих сношениях уклоняться от всякого предложения, которое бы могло дать повод подозревать, что мы хотим распорядиться военными силами Китая или утвердить наше влияние над сей державой.

Присоединяя к сему, собственно для соображений Ваших и для исполнения, сколько это окажется возможным, известную Вам инструкцию для наших военных агентов, обязанность которого при китайском дворе на ваше превосходительство также возлагается, я считаю всякое дальнейшее развитие предстоящих Вам обязанностей совершенно излишним»⁴⁵³.

Однако МИД не был уверен, что в Пекине в настоящий момент остро нуждаются в присылке военных инструкторов. 18 февраля (2 марта) А.М. Горчаков писал Н.Н. Муравьеву-Амурскому, что богдыхан, учитывая в каком положении сейчас находится китайская империя, согласился на это с неохотой и может вообще отказаться. «В любом случае, – отмечал в то же время министр, – прибытие Игнатьева не должно сопровождаться какими-либо эксцессами, поскольку он едет в Пекин согласно

⁴⁵³ Там же. Л. 7 об.–10.

постановлениям второй статьи Тяньцзиньского трактата»⁴⁵⁴. В случае же успешного решения вопроса об инструкторах Горчаков рекомендовал уже самому посланнику: «... при первом свидании своем с членами Пекинского Кабинета дать им вполне понять настоящее назначение отправляемых с Вами военных офицеров, и хотя после всех предшествовавших сношений как с графом Путятиным, так и с действительным статским советником Перовским, трудно предположить, чтобы китайское правительство могло ошибаться в наших намерениях, однако необходимо отнять у него всякий повод просить нашего прямого содействия в случае нового разрыва с англичанами и французами, и выяснить ему вполне, что офицеры должны заботиться только об улучшении порученных им военных частей внутри Китая, но ни в каком случае не примут участия в делах против войск европейских держав, с которыми мы находимся в мирных сношениях»⁴⁵⁵. Мнение канцлера оказалось пророческим: в конце февраля из пекинского Трибунала внешних сношений была получена бумага, в которой высказывалась благодарность за отправку 10000 ружей и 50 пушек, но их доставка морем в прибрежные крепости Китая признавалась нежелательной, т.к., по словам китайцев, они уже успели нужным образом организовать там батареи, в связи с чем следовала просьба об отправке вооружения сухим путем из Кяхты в Ургу, а надобность в военных инструкторах отрицалась вовсе⁴⁵⁶. В Санкт-Петербурге приняли решение не настаивать в данный момент на исполнении своего обещания. Александр II отменил отправку офицеров в Китай, о чем Н.О. Сухозанет и уведомлял Игнатьева, распорядившись отправить часть его бывших подчиненных (за исключением топографа) под начало генерал-губернатора Восточной Сибири, а остальных – к прежним местам службы⁴⁵⁷. При этом военный министр прибавлял: «...мне остается просить ваше превосходительство сообщать Военному министерству

⁴⁵⁴ Там же. Л. 12–12 об.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 11–11 об.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 21–21 об.

⁴⁵⁷ Там же. Л. 14–14 об.

только то, что Вы найдете полезным»⁴⁵⁸. В новых обстоятельствах МИД, в свою очередь, предписывал: «По прибытии в Пекин ваше превосходительство не замедлите сообщить китайскому правительству, что перевозка обещанных пятидесяти орудий на столь дальнее расстояние сухим путем весьма затруднительна по причине тяжести их и по гористому местоположению между Кяхтой и Ургой, тогда как доставка морем всего естественнее, а потому правительство наше просит о назначении какого-либо пункта в Китайской империи для выгрузки орудий. Что же касается до 10000 нарезных ружей, то оные, как уже и было прежде обещано, будут доставлены в продолжении лета сего года в Кяхту, откуда могут быть перевезены в Ургу»⁴⁵⁹.

Таким образом, как уведомлял Н.П. Игнатъева директор Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевский, состав его миссии значительно сократился и состоял теперь, кроме начальника, из драгомана – статского советника Татарина, секретаря – титулярного советника Вольфа и оставшегося, согласно распоряжению Военного министерства, топографа Шимковича. Позже, по ходатайству начальника миссии, было разрешено отправить с ним в качестве адъютанта капитана Баллюзека⁴⁶⁰. Кроме того, по причине болезни Игнатъева, который привез из своей среднеазиатской поездки степную лихорадку, при нем на всем протяжении пути до Иркутска должен был находиться доктор медицины Пекарский, также сопровождавший миссию в Хиву и Бухару⁴⁶¹.

Н.П. Игнатъев должен был выполнять в Китае исключительно дипломатические функции, которые заключались в том, чтобы договориться о ратификации договоров (Айгунского и Тяньцзиньского) и добиться окончательного утверждения за Россией земель от р. Уссури до моря (инструкция особо обращала внимание, что «это составит главнейший предмет Ваших поручений»); способствовать возобновлению и развитию русской караванной торговли по маршруту Кяхта – Пекин и наладить регулярное

⁴⁵⁸ Там же. Л. 15.

⁴⁵⁹ Там же. Л. 22 об.–23.

⁴⁶⁰ Там же. Л. 18–18 об., 27.

⁴⁶¹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 363. Л. 41.

почтовое сообщение между двумя этими пунктами; и, наконец, получить право на строительство русской фактории в Кашгаре, в дополнение к уже имеющимся в Кульдже и Чугучаке⁴⁶². Однако вместе с тем Игнатьеву не было присвоено определенного дипломатического звания, на чем настаивал Н.Н. Муравьев-Амурский сразу по получении известия о назначении молодого генерала дипломатическим агентом в Китае⁴⁶³. Более того, в Петербурге не спешили с отправкой новой миссии, что дало Игнатьеву повод подозревать Е.П. Ковалевского в желании предоставить П.Н. Перовскому дополнительное время для завершения данного ему поручения⁴⁶⁴, тем более что инструкция предписывала генералу: «...продолжать действия г. Перовского, приняв дела в том виде, в каком их застанете, <...> не касаться вопросов, которые будут приведены к окончанию г. Перовским, дать движение другим, если по каким-либо причинам они остановились и попытаться возобновить требования по тем, по которым правительство богдыхана уклоняется в исполнении»⁴⁶⁵. Таким образом, глава нового посольства должен был решить большое число задач, многие из которых, по причине традиционной непредсказуемости действий китайского правительства, сложно было четко определить. С одной стороны, это давало ему большую свободу действий, а с другой, при отсутствии ясно обозначенного дипломатического статуса ставило в неопределенное положение, т.к. представитель России должен был действовать в Китае наряду с иностранными коллегами, облеченными званием посланников.

Кроме этого, императорское Российское географическое общество, предполагавшее в течение двух следующих лет послать в Китай ученую экспедицию для сбора различных сведений об этой стране, в лице Е.П. Ковалевского обратилось к Н.П. Игнатьеву с просьбой: «...собрать на месте необходимые для правильного снаряжения и действия предполагаемой ученой экспедиции предварительные

⁴⁶² АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 169. Л. 29 об.–32 об.

⁴⁶³ *Шумахер П.* К истории приобретения Амура ... С. 304.

⁴⁶⁴ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 10.

⁴⁶⁵ АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 169. Л. 29.

сведения и на основании этих данных сообщить Ваши соображения относительно снаряжения и стоимости экспедиции, с означением, в какие именно части Китая наиболее полезно было бы отправить экспедицию и какой путь надлежит избрать для ее следования, а также изложить мнение Ваше о том, в какой мере можно положиться на соблюдение китайцами последних трактатов, какого содействия ожидать для наших изыскателей от китайского правительства и в какой степени восстановлено будет к вышеупомянутому времени спокойствие и безопасность внутри страны»⁴⁶⁶.

Н.П. Игнатъев выехал из Санкт-Петербурга только 6 (18) марта. В этот день МИД отправил в Пекин официальное сообщение о его назначении для проведения переговоров с китайским правительством с просьбой его беспрепятственного пропуска в столицу Цинской империи⁴⁶⁷. В этом документе вновь не содержалось указания ни на конкретные полномочия, ни на дипломатическое звание нового представителя России. По пути в столицу Китая Игнатъев должен был обязательно встретиться с Н.Н. Муравьевым-Амурским, который был наиболее знаком с актуальным состоянием русско-китайских отношений и собирался дать ему свои советы и указания, но мог находиться в Иркутске лишь до начала апреля. Начальник миссии был раздосадован этим обстоятельством, а также задержкой отправки, т.к. в это время на долгом пути до Восточной Сибири уже началась весенняя распутица, преодолеть которую за короткий промежуток времени было проблематично. 8 (20) марта он нанес визиты московскому генерал-губернатору графу Закревскому и митрополиту Филарету, а на следующий день вечером отправился в свой долгий и непростой путь⁴⁶⁸.

Итак, в условиях провала П.Н. Перовского российское правительство постановило, что отстаивать российские интересы в Пекине должен энергичный, умный и храбрый дипломат. Выбор пал на молодого генерала Н.П. Игнатъева,

⁴⁶⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 16 об.–17.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 24–24 об.

⁴⁶⁸ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 12–13.

который хорошо зарекомендовал себя по этим позициям в ходе поездки в Среднюю Азию. Несмотря на попытки избежать нового назначения под предлогом своей неопытности, он все же был утвержден в должности одновременно начальника военных инструкторов, отправляемых в Китай, и российского дипломатического представителя в Пекине. В процессе подготовки этой военно-дипломатической миссии китайское правительство отказалось от предлагаемой ей военной помощи, в связи с чем Игнатъев больше не должен был исполнять вверенные ему изначально военные обязанности. Главный смысл его дипломатических поручений заключался в том, чтобы оформить присоединение Россией значительных территорий на Дальнем Востоке. Однако то тяжелое и неустойчивое положение, в котором находились его предшественники, а также неопределенность полномочий нового посланника ставили успех его будущей деятельности под большой вопрос.

§ 3. От Москвы до Пекина

Н.П. Игнатъев выехал на восток позже своих подчиненных, которые должны были дожидаться его в Иркутске. Его спутниками стали камердинер Дмитрий Скачков и доктор Пекарский. Путешествие на санях по мартовским дорогам было не из приятных. 12 (24) марта Игнатъев писал своему отцу из Чебоксар: «Видно, не в добрый час выехал я из Москвы; судя по началу – путешествие мое будет преисполнено затруднений и замедлений. До Владимира не было совсем снега, и меня тащили с величайшим трудом, большей частью по голому щебню»⁴⁶⁹. Появление снега принесло с собой ухабы. «После 6 часов такой езды, – добавляет посланник, – мы были несравненно более избиты и измучены, нежели от 4-х суточной скачки на перекладной»⁴⁷⁰, а купленные 4 дня назад сани развалились от постоянной тряски. В дальнейшем состояние дороги не улучшилось, починенные сани тащили напрямик

⁴⁶⁹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 280

⁴⁷⁰ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 280 об.

через не тронутые снегом поля⁴⁷¹. По этому поводу Н.П. Игнатъев писал: «Лучше три раза объехать вокруг света европейским способом, лучше три месяца идти по-азиатски, караванным ходом, с верблюдами, нежели кататься по великой Руси полуевропейским образом, даже с курьерской подорожной»⁴⁷².

4 (16) апреля, в день предполагаемого отъезда Н.Н. Муравьева-Амурского, который пришлось отложить на неделю, Игнатъев прибыл в Иркутск. Разочаровавшись в действиях П.Н. Перовского, генерал-губернатор дожидался приезда молодого генерал-адъютанта с нетерпением. В конце февраля он писал в Петербург: «Убедительнейше вас прошу о главном – высылайте сюда как можно скорее Игнатъева, хотя бы другие офицеры и не были готовы. Китайцы офицеров у нас не просят, а посланника мы заставим их принять; у меня для него даже готовы и экипажи»⁴⁷³. Впечатление от знакомства у обоих осталось очень приятным⁴⁷⁴. «Не понимаю, – писал Николай Павлович, – как такой умный человек, как Путятин, не мог с ним (с Муравьевым. – *Н.С.*) сойтись»⁴⁷⁵. Это высказывание является весьма характерным. В дальнейшем молодой дипломат еще не раз демонстрировал свою способность нравиться самым разным собеседникам.

В Иркутске Игнатъев не терял времени даром. В течение недели он активно изучал современное положение дел в Китае и в Восточной Сибири по разнообразным документам и часто встречался с Муравьевым, который торопил его с отъездом в Пекин на замену Перовскому, которого, по словам Игнатъева, он сначала «превозносил за его податливость сибирскому начальству, угодливость перед генерал-губернатором и нелестные отзывы о графе Путятине»⁴⁷⁶. Н.Н. Муравьев-

⁴⁷¹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 281 об., 286.

⁴⁷² ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 286 об.; *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 15.

⁴⁷³ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 244.

⁴⁷⁴ Н.Н. Муравьев-Амурский писал: «Игнатъев мне очень нравится, и я не сомневаюсь, что в какие бы ни ставило нас отношения Министерство, а мы с ним будем действовать единомысленно и дружно» (Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 259).

⁴⁷⁵ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 17.

⁴⁷⁶ Там же.

Амурский для экономии времени даже предлагал отправить Игнатьева в китайскую столицу под видом обычного курьера, истинный статус которого выяснился бы только на месте, но дипломат не одобрил эту идею, т.к. она была «неприличной и несообразной с достоинством русского посланника»⁴⁷⁷. В конечном итоге было решено поступить согласно первоначальному плану – выехать в Кяхту и там дожидаться официального разрешения на проезд.

В Иркутске Игнатьев познакомился ближе и со своими подчиненными. «Я очень доволен, – писал он, – что со мной едет Баллюзек; он очень хороший и благородный малый. Татарин добрый и усердный человек, но чересчур китаец. Вольф – неудачен и хуже Килевейна*, по характеру и неудоборуководимости»⁴⁷⁸. Наряду с этим происходили его встречи со ссыльными, среди которых были М.А. Бакунин и Н.А. Спешнев. Первый особенно пришелся ему по душе, т.к. говорил о величии славянского мира и благодарил императора за освобождение крестьян, что считал делом первостепенной важности⁴⁷⁹.

12 (24) апреля Н.П. Игнатьев выехал в Кяхту вместе с Н.Н. Муравьевым-Амурским и М.С. Корсаковым. Это путешествие также было тяжелым, т.к. пришлось переправляться через озеро Байкал, лед на котором уже начал таять. В конце переправы сани опустились в воду, а люди, чтобы не промокнуть, были вынуждены встать на погруженные в них чемоданы⁴⁸⁰. Дальнейший путь пролегал через Верхнеудинск, где Игнатьев со спутниками осмотрели прибывшее туда оружие, предназначенное для передачи Китаю, согласно договоренности графа Е.В. Путятина. Одновременно российский посланник ознакомился с состоянием местного вооружения и заключил: «Войска сибирские вооружены крайне плохо, и при таких обстоятельствах непростительно нам было бы заботиться о предоставлении Китаю

⁴⁷⁷ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 18 ; ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 293 об.

* Секретарь миссии Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г.

⁴⁷⁸ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 292–292 об.

⁴⁷⁹ *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев ... С. 79.

⁴⁸⁰ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 19.

образцового пехотного ружья, об образовании в Пекине регулярного войска, артиллерии, устройстве арсенала, мастерской и проч. Прежде всего русским следовало бы подумать о себе и позаботиться о Сибири»⁴⁸¹. В результате он предложил Муравьеву оставить у себя несколько образцов вооружения, «инструменты и принадлежности для устройства оружейной мастерской», т.к., при условии поставки китайцам современного оружия и находившихся в распоряжении восточносибирских войск давно устаревших гладкоствольных кремниевых ружей, последние подверглись бы в случае возможного конфликта серьезной опасности. Кроме того, 500000 рублей, предназначенные для развития китайских вооруженных сил, Игнатьев распорядился поместить на хранение в иркутское казначейство, рассчитывая по возможности оттянуть передачу этих средств и вообще не исполнять обещаний Путятин⁴⁸². Отложить отправку Китаю военной помощи предлагал и Н.Н. Муравьев в одном из писем А.М. Горчакову, считая это мерой воздействия на правительство богдыхана: «... соображения приводят меня к заключению, <...> во 2-х, чтобы оружие было отправлено из нашей границы в Монголию не прежде, как когда г. Игнатьев, по прибытии в Пекин, найдет это уместным; чтоб оружие это не было предназначено китайцами против нас, тогда как оно обещано гр. Путятиним против англичан; в 3-х, чтоб пушки к ним вовсе не высылались, если они не нужны им для защиты берегов»⁴⁸³.

17 (29) апреля Н.П. Игнатьев прибыл в Кяхту, где был встречен очень тепло. «Кяхтинские жители и троицкосавские власти, – писал он, – считают своей обязанностью занимать и развлекать меня, заезжего гостя. Совецусь сказать им, что единственное желание мое, чтобы меня оставили в покое и что сам с собой еще редко скучаю я»⁴⁸⁴. В честь посланника был дан обед в китайском стиле, оставивший у него не самое приятное впечатление: «Обед <...> был великолепен с местной точки зрения

⁴⁸¹ Там же. С. 21.

⁴⁸² Там же. С. 20.

⁴⁸³ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 246.

⁴⁸⁴ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 22.

и китайским поварам было за него заплачено 600 р., но я нашел китайскую кухню отвратительной, несмотря на разнообразие 80 различных блюд, на суп из ласточкиных гнезд (ценимых на вес золота), на соус из каких-то каракатиц морских и проч. Подавали много гадостей, считающихся редкостями и драгоценными»⁴⁸⁵. Особо Игнатъев досадовал на большое количество развлечений, т.к. не мог уделять много времени ознакомлению с делами и чтению⁴⁸⁶.

19 апреля (1 мая) от пекинского Трибунала внешних сношений было получено уведомление о том, что китайское правительство с разменом ратификаций Тяньцзиньского трактата считает все дела с Россией оконченными и не понимает смысла приезда нового дипломата, против чего, однако, не возражает, но требует дожидаться в Кяхте официального уведомления о разрешении двигаться далее⁴⁸⁷. Таким образом, Игнатъев должен был остаться в Кяхте на неопределенный срок. Кроме того, Перовский писал из Пекина, что его переговоры с китайскими уполномоченными идут гораздо лучше, чем прежде, и что он предложил заключить новый трактат, условия которого были бы выгоднее условий Айгунского и Тяньцзиньского договоров. Отмечая, что он надеется на успех этого предприятия, Игнатъев в то же время признавал: «Лично для меня было бы не очень выгодно заключение блестящего договора, ибо поездка моя в Пекин была бы бесцельна, и на мою долю осталось бы одно – неприятное и мелочное: текущие дела и неизбежное и обычное неисполнение китайцами слишком выгодного в их глазах для нас договора, и ссоры с ожидаемыми в Пекине иностранцами, ревность которых к России и зависть неистощимы»⁴⁸⁸. В сложившейся ситуации Н.Н. Муравьев-Амурский предлагал Игнатъеву остаться в Кяхте с тем, чтобы он, по подписании Перовским трактата, возглавил пограничную комиссию, которая должна была закончить процесс

⁴⁸⁵ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 302 об.

⁴⁸⁶ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 22.

⁴⁸⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 32.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 299. ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 298 об.–299

разграничения⁴⁸⁹. Как оказалось, эти предположения остались исключительно теоретическими.

30 апреля (12 мая) в Кяхту прибыл адъютант Муравьева Хитрово, который в качестве курьера вез в Петербург ратификацию Тяньцзиньского трактата, сделанную 12 (24) апреля 1859 года. С его слов стало известно, что положение П.Н. Перовского в Пекине ухудшалось. Китайское правительство отказалось вести с ним переговоры по любым вопросам, кроме размена вышеупомянутых ратификаций, и заявило, что отказывается от принятия российской военной помощи, в связи с чем еще раз выразило сомнение в надобности приезда нового русского посланника⁴⁹⁰. В связи с этим Н.П. Игнатъев замечал: «Пожалуй, таким образом до осени просижу на китайской границе: глаз видит, но зуб неймет. Почти еще хуже было бы находиться мне в Пекине, в жалком положении, во время насильственного, но неизбежного входа европейцев в китайскую столицу. Драки, кажется, европейцам не миновать. <...> Николай Николаевич Муравьев уезжает сегодня 1 мая, в ночь, на Амур и в Японию. Остаюсь один в несносной Кяхте. Перовский сжигает наши корабли и действует так, как *après lui la déluge**»⁴⁹¹. После своего отъезда генерал-губернатор писал Игнатъеву, что необходимо сделать второй запрос о своем пропуске в Пекин, а в случае второго отказа запросить по этому поводу мнение МИД. Сожалея о своем вынужденном отъезде, Муравьев обращал внимание, что следующая возможность встречи и обмена мнениями представится только в конце июня, когда он прибудет в Печелийский залив, возвращаясь из Иеддо (ныне – Токио)⁴⁹².

Тем не менее российскому посланнику не пришлось находиться в Кяхте до осени. 13 (25) мая градоначальник А.И. Деспот-Зенович получил от пограничных правителей Урги сообщение следующего содержания: «Письмом ты, исполняющий должность

⁴⁸⁹ Там же. Л. 299–299 об.

⁴⁹⁰ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 13–15 об.

* «После него хоть потоп» (*фр.*)

⁴⁹¹ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 28.

⁴⁹² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 35–36.

губернатора, уведомил нас, что ваш военный генерал Игнатъев должен ехать немедленно в Пекин. Опасаясь самовольно пропустить его, мы доносили об этом подробно великому Трибуналу внешних сношений и просили тебя, исправляющего должность губернатора, чтобы генерал Игнатъев, до получения разрешения, обождал у вас. Ныне, от Министерства военных дел мы получили предписание, что по случаю размена трактата разрешен проезд Игнатъева в Пекин. Поэтому мы предварительно просим тебя, исполняющий должность губернатора Деспот-Зенович, уведомить нас, когда и в какое время должен выехать ваш генерал Игнатъев в Пекин»⁴⁹³. Воодушевленный Игнатъев и прибывшие ранее его спутники стали деятельно готовиться к отъезду, который был намечен на 24 мая (5 июня)⁴⁹⁴. Однако возникли дополнительные трудности, которые заключались в том, что МИД не выдал своему уполномоченному денег, необходимых на проезд из Кяхты в Пекин через Монголию. Они были разрешены благодаря распоряжению Муравьева о выдаче средств из казны кяхтинского градоначальства с последующим возмещением из Петербурга⁴⁹⁵. Раздосадованный такой оплошностью, Игнатъев высказался достаточно резко: «Удивительно, как предусмотрительно и как заботливо снабжает нас всем необходимым Министерство иностранных дел! Без денег и подарков через Монголию не проедешь, а у меня нет экстраординарной суммы в том, вероятно, предположении Министерства, что мы перелетим через степи по воздуху, прямо из Кяхты в Пекин, и питаться будем воздухом. Не пишу о том власть имущим потому, что не люблю заводить переписку о себе и обращаться в просителя казенных денег, кем я никогда не был и не буду, надеюсь, до гроба»⁴⁹⁶.

Во время пребывания Игнатъева в Кяхте местное купечество, не скупившееся на прием гостя, обратилось к нему с просьбой содействовать интересам кяхтинской торговли во время своего пребывания в Пекине. С началом «опиумных» войн и с

⁴⁹³ Там же. Л. 40–40 об.

⁴⁹⁴ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 29.

⁴⁹⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 33–33 об.

⁴⁹⁶ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 314–314 об.

утратой статуса уникального центра русско-китайских торговых взаимоотношений после заключения Е.П. Ковалевским в 1851 г. Кульджинского трактата, открывшего для русской торговли Синьцзянь, значение Кяхты постепенно начало падать. Дополнительные трудности создавало китайское правительство, которое никогда не воспринимало торговлю с Россией как источник благосостояния государства, делая из этого инструмент политического влияния⁴⁹⁷. Русские купцы добивались возобновления права караванной торговли, разрешенной Кяхтинским трактатом 1727 г., и снижения пошлин и поборов китайской местной администрации. А.И. Деспот-Зенович в докладной записке Н.Н. Муравьеву-Амурскому в 1859 г. говорил, что кяхтинская торговля в настоящий момент находится в переходном состоянии, на нее негативно действует расширение морской торговли по Тяньцзиньским договоренностям, и, помимо урегулирования соответствующих вопросов с Китаем, русские власти также должны содействовать ее развитию⁴⁹⁸. Учитывая вышесказанное, кяхтинские купцы настаивали на прибавлении к Тяньцзиньскому трактату еще одной статьи, смысл которой состоял в следующем:

1) Право караванной торговли в Урге, Калгане и Пекине должно быть ныне восстановлено и ограждено новыми условиями, чтобы открыть китайские рынки, при этом в Урге и Калгане должны быть учреждены консульства.

2) Не ограничивая производство торга между русскими и китайцами, позволить им обменивать все товары, разрешенные тарифом, или покупать их на деньги.

3) При проходе караванов через Монголию и при пересылке почт, дозволить разные постройки с заселением их монголами и китайцами, но разрешив там также постоянное пребывание русских.

4) Разрешить в Калгане и Урге, а со временем и в других провинциях, заводить русские фактории.

⁴⁹⁷ Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля ... С. 146–147.

⁴⁹⁸ ГА РФ. Ф. 916. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 3.

5) Позволить русским купцам по особенным видам от консулов проникать сухопутно внутрь Китая вплоть до его южных границ для закупки товара и отправки его в Россию.

Кроме того, предполагались пересмотр существующих тарифов и отмена внутренних таможен⁴⁹⁹. «Мы смело надеемся, что энергические меры и настойчивость Ваша при переговорах устроят эти стеснительные меры китайского правительства»⁵⁰⁰, – заканчивали свое обращение негодцианты.

Н.Н. Муравьев в феврале 1859 г. писал Е.П. Ковалевскому о необходимости присвоить новому представителю России статус посланника для подъема его авторитета в глазах китайцев, но к моменту своего отправления в Пекин Н.П. Игнатъев, как и при выезде из Петербурга, все еще не имел определенного дипломатического звания⁵⁰¹. Как уже говорилось выше, А.М. Горчаков 6 (18) марта уведомил китайское правительство о прибытии нового посланника, а 17 (29) марта отправил еще одну бумагу, в которой писал: «Генерал-майор Игнатъев отправляется на основании второй статьи трактата, заключенного в прошедшем году в Тяньцзине. Я вполне уверен, что правительство его богдоханова величества окажет ему такой прием, как подобает принимать лицо столь высокого сана и облеченное полным доверием государя императора, и какой мы сами всегда готовы сделать представителю Китая, если бы он приехал в столицу нашего государства»⁵⁰². Несмотря на указание о высоком сане дипломата и доверии к нему со стороны императора, его конкретный статус все же не был определен. В связи с этим Игнатъев обратился к отцу с просьбой выяснить, наблюдаются ли какие-то изменения в этом вопросе. «Мне надо бы знать это заблаговременно, – пишет он, – ибо в противном

⁴⁹⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 43–44.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 44 об.

⁵⁰¹ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 246.

⁵⁰² АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. 1859 г. Д. 169. Л. 53 об.

случае, не желая уступить в чем-либо иностранцам, могу попасть впросак и очутиться вороной в павлиньих перьях, чего не желал бы»⁵⁰³.

За несколько дней до отъезда Игнатьев в благодарность за теплый прием устроил в Кяхте на свои средства бал, который прошел с огромным успехом, а местные жители оказались в восторге от ужина, приготовленного, по поручению генерала, талантливым каторжником-поваром из крепостных крестьян⁵⁰⁴. 24 мая (5 июня) состоялись устроенные генерал-майором Корсаковым пышные проводы российского уполномоченного, включавшие торжественную литургию в кяхтинском соборе, обильный завтрак на средства местного купечества и торжественное построение войск на центральной площади, в ходе которого Корсаков подал Игнатьеву строевой рапорт⁵⁰⁵. Данный церемониал имел главной целью продемонстрировать присутствовавшим китайцам высокий статус отправляющегося в Пекин дипломата. Под звуки колоколов и пушечного салюта из 140 залпов, произведенного по распоряжению Н.Н. Муравьева-Амурского⁵⁰⁶, Н.П. Игнатьев в сопровождении кяхтинского общества в полном его составе пешком пересек русско-китайскую границу, выслушал на нейтральной полосе напутственный молебен и, сев в коляску вместе с А.И. Деспотом-Зеновичем, отправился в очередное путешествие⁵⁰⁷. Теперь его путь пролегал через монгольские степи и должен был завершиться в китайской столице.

Для переезда Игнатьева из Кяхты в Пекин не было сделано никаких препятствий, его везде встречали с почетом и принимали все меры к скорейшему отправлению. Единственная сложность возникла в связи с неопределенным дипломатическим статусом при взаимоотношениях с амбаниями (пограничными правителями) в Урге, но

⁵⁰³ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 315 об.–316 ; *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 31.

⁵⁰⁴ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 316 об. ; *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 30–31.

⁵⁰⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3034. Л. 146 ; *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 32.

⁵⁰⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 39, 41.

⁵⁰⁷ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 33.

она была успешно разрешена⁵⁰⁸. Окончательный состав миссии выглядел следующим образом: адъютант капитан Баллюзек, переводчик китайского языка статский советник Татаринов, переводчик монгольского языка Вамбуев (назначенный перед выездом из Кяхты Деспотом-Зеновичем) и пять конвойных казаков⁵⁰⁹.

После поездки в Среднюю Азию движение по Монголии было для Игнатьева, по его же словам, не более чем легкой прогулкой, не приносящей усталости⁵¹⁰. Эта страна и ее население произвели на российского дипломата благоприятное впечатление. В результате своих наблюдений он сделал некоторые выводы, которые излагал впоследствии в донесении Н.Н. Муравьеву-Амурскому: «Очень понравилась мне Монголия, и в особенности сами монголы. Народ симпатичный, добродушный; загнанный и убитый политически и нравственно маньчжурами и жаждущий от нас, инстинктивно, избавления. <...> Симпатия [их] к нам может поддерживаться несравненно более частыми проездами русских по Монголии и нашей щедростью»⁵¹¹.

Из Урги посольство проследовало в Калган (где начинался собственно Китай), встретив по пути возвращавшуюся на родину Пекинскую духовную миссию во главе с архимандритом Палладием (Кафаровым)⁵¹². Со вступлением в китайские пределы изменилось и отношение Игнатьева к окружавшей его обстановке. Если после проезда по Монголии он в письмах к отцу восхищался красотами ее природы, то о дороге из Калгана в Пекин высказался следующим образом: «Улицы в городах китайских вонючие и грязные, люди также грязны и вонючи. Везде нас преследует несносный чесночный запах, потому что китайцы беспрестанно едят чеснок. Они, вообще, имеют много сходного с жидами: плутуют, торгаши, шумливы и нахальны. Пресловутые

⁵⁰⁸ Там же. С. 35–36.

⁵⁰⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3034. Л. 144.

⁵¹⁰ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 36–37.

⁵¹¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 85–85 об.

⁵¹² Там же. Л. 86 об.

ножки китаянок – уродливы; но на улицах встречаются, впрочем, хорошенькие женщины»⁵¹³.

При следовании в Пекин Игнатъев не увидел к себе такого же внимания и почтительности, которое ему оказывали в Монголии. По этой причине он решил продемонстрировать свое высокое положение и, зная о том, что на Востоке большое значение имеет внешний блеск⁵¹⁴, собрался въехать в Пекин в парадных чиновничьих носилках, которыми раньше никто из русских чиновников не пользовался, т.к. они считались атрибутом китайских высших сановников⁵¹⁵. 15 (27) июня 1859 г., перед тем как пройти городские ворота, Игнатъев и его спутники остановились на принадлежавшем России кладбище, которое находилось вне пекинских стен, чтобы познакомиться с ожидавшими их там миссионерами, другими чиновниками и военными. После этого процессия во главе с русским генералом в китайских носилках проследовала в Южное подворье духовной миссии, не обращая внимания на протесты местных властей относительно подобной церемонии⁵¹⁶.

Итак, совершив в максимально сжатые сроки трудный переезд из Москвы в Иркутск, Н.П. Игнатъев познакомился с восточносибирским генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым-Амурским и провел с ним несколько бесед относительно современной ситуации в русско-китайских отношениях. Между ними установились теплые и доверительные отношения. Муравьев был разочарован действиями П.Н. Перовского и хотел отправить Игнатъева в Пекин как можно скорее, но ему пришлось дожидаться окончательного результата переговоров своего предшественника и разрешения китайского правительства на проезд в столицу в приграничной Кяхте. После того как провал Перовского стал очевидным, а в Пекине дали разрешение на проезд нового российского представителя, Игнатъев вместе с коллегами проехал

⁵¹³ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 37.

⁵¹⁴ Там же. С. 38.

⁵¹⁵ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 324–324 об.

⁵¹⁶ Там же.

через Монголию и северную часть Китая, оказавшись в столице Поднебесной менее чем через месяц после выезда из Кяхты.

§ 4. “Переговорами здесь положительно ничего нельзя добиться”: первые месяцы дипломатической деятельности Н.П. Игнатъева в Пекине

Подворье, где находилась его квартира, создало у дипломата впечатление приятное, но при этом оно было «слишком бестолково устроенное» для пребывания уполномоченного, особенно по сравнению с теми помещениями, которые были выделены для его зарубежных коллег. В связи с этим он приступил к хозяйственной реорганизации: была организована вторая гостиная и столовая с камином, из личных запасов Игнатъева были извлечены столовое серебро и скатерти с салфетками. Теперь, по его мнению, можно было «пустить и скромно, но принять у себя иностранцев»⁵¹⁷.

На следующий день после своего въезда в Пекин Н.П. Игнатъев направил в Верховный государственный совет официальное сообщение о своем прибытии и о тех вопросах, относительно которых он уполномочен вести переговоры⁵¹⁸. После этого он вел продолжительные беседы со своим предшественником П.Н. Перовским, о личности и действиях которого сделал весьма неблагоприятные выводы. Совершенно иное впечатление на Игнатъева произвел начальник Пекинской духовной миссии отец Гурий, который выполнял все его поручения и «держал себя скромно»⁵¹⁹. Особое значение для дипломата имел тот факт, что, несмотря на свою формально независимую позицию, архимандрит полностью ему подчинился. Кроме того, он хорошо владел китайским языком и выполнял письменные переводы официальных бумаг, за которые не брался штатный драгоман А.А. Татаринцов⁵²⁰. Наличие подобного

⁵¹⁷ Там же. Л. 324 об.–325 об.

⁵¹⁸ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 34 об.–35.

⁵¹⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 87 об.

⁵²⁰ Там же. Л. 87–87 об.

«подчиненного» избавило Игнатьева от необходимости лично выполнить поручение Е.П. Ковалевского о сборе сведений для организации ученой экспедиции, которое он переложил на Гурия, ссылаясь на его «знание Китая и многих обстоятельств, <...> разнообразные сведения и ученые занятия»⁵²¹.

На следующий день после отъезда Перовского в Южное подворье прибыли китайские чиновники, которые сообщили, что официальными уполномоченными для ведения переговоров с Россией со стороны Китая назначены сановники Сушунь и Жуйчан. С ними же имел дело и Перовский. Вот как описывает этих государственных деятелей Игнатьев в своих воспоминаниях: «Сушунь был очень бойкий, решительный, вспыльчивый самодур, избалованный подобострастием окружающих, родственник императора, пользовался почти неограниченным влиянием, был враждебно настроен против всех иностранцев и против русских в особенности, за притязания на маньчжурскую территорию, и считался во главе воинствующей партии. Жуйчан был степенный, угрюмый и довольно молчаливый делец, но он не смел противоречить Сушуню»⁵²². В ответ на сообщение чиновников российский посланник попросил официально доложить о своем приезде и данных ему полномочиях императору (это требование было исполнено на следующий день)⁵²³. Кроме того, он настаивал на проведении переговоров на территории Южного подворья (во избежание соблюдения унижительных для европейского дипломата церемониалов)⁵²⁴ и делал особый акцент на необходимости их скорейшего начала, с учетом сложившейся в русско-китайских отношениях ситуации⁵²⁵. Тем не менее первая встреча уполномоченных состоялась только 28 июня (10 июля), т.к., по случаю празднований дня рождения богдыхана, сокращенных, по сравнению с предыдущими годами, по причине засухи, голода и состояния войны с европейскими государствами, все

⁵²¹ Там же. Л. 218 об.

⁵²² *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 44.

⁵²³ Там же.

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 36–36 об.

высшие сановники все равно обязаны были присутствовать на торжественных обедах и театральных представлениях в загородном императорском дворце Хайдянь⁵²⁶.

Первая «конференция» Игнатьева с китайскими уполномоченными сразу приобрела напряженный характер – Сушунь и Жуйчан в первую очередь поинтересовались, с какой целью новый русский посланник приехал в Пекин, если его предшественнику были даны вполне удовлетворительные ответы на поставленные вопросы⁵²⁷. Глава посольства подавил возникший в нем гнев (впоследствии он признавался в донесении Н.Н. Муравьеву-Амурскому, что ему хотелось «почти вцепиться в косы уполномоченных и кончить разговор дракой, как в кабаке»⁵²⁸) и спокойно ответил, что его цель вполне проста и заключается в том, чтобы разрешить все спорные вопросы в русско-китайских взаимоотношениях на основе Тяньцзиньского и Айгунского трактатов, причем до окончания этого поручения он, по воле своего императора, будет оставаться в Пекине. Кроме того, он сообщил, что изначально должен был возглавить российских военных инструкторов, отправленных для обучения китайских солдат, но по причине того, что в Китае не проявили должного внимания к такой любезности со стороны России, то отправка инструкторов и оружия приостановлена, и на данный момент этот вопрос можно считать решенным отрицательно. На это сановники заметили, что их правительство не могло принять помощь до окончания конфликта с европейскими державами⁵²⁹.

Требование окончательно определить восточную границу вызвало очередное недовольство китайской стороны. Передавая содержание разговора с уполномоченными в Петербург, Игнатьев писал: «Этот вопрос не может быть решен согласно желанию России, и <...> китайское правительство готово хоть воевать с нами вместо того, чтобы допустить новое наше посягательство на маньчжурскую землю, и <...> во всяком случае для них все равно, если нужно потерять морские

⁵²⁶ Там же. Л. 35 об.–36.

⁵²⁷ Там же. Л. 39 об.

⁵²⁸ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 91.

⁵²⁹ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 40–41.

порты на маньчжурском побережье, кому уступить их – англичанам или русским, потому что между теми и другими, в отношениях их к Китаю, нет никакой разницы»⁵³⁰. Русский посланник обращал внимание своих оппонентов на тот факт, что Россия в течение практически двухсот лет все спорные вопросы с Китаем, с которым она имеет сухопутную границу огромного протяжения, решала мирно, в то время как Англия ведет уже вторую войну. В ответ на это замечание Сушунь и Жуйчан, сменив тактику, заявили, что генерал Ишань, подписавший Айгунский трактат, не имел на это полномочий и что за это он уже сурово наказан, а поскольку провинился не только перед богдыханом, но и перед Россией, то они готовы привести его на подворье русской миссии с дощечкой на шее, которая считается признаком тюремного заключения. Игнатъев, отказавшись от подобного предложения, сослался на то, что Айгунский трактат уже был утвержден богдыханом, о чем сообщали в свое время графу Путятину официальной бумагой сановники Гуйлян и Хуашана, и сделал вывод, что, отрекаясь от этого договора, уполномоченные отрекаются и от трех упомянутых личностей. Развивая свою мысль, он сказал, что святость и нерушимость дипломатических актов признается всеми народами. Уязвленные этим выпадом, китайцы согласились, что вопрос о разграничении по Амуру можно в конечном итоге считать решенным, но признать пограничной реку Уссури на всем ее протяжении вплоть до морского побережья наотрез отказались⁵³¹.

Другие вопросы, решение которых было поручено Игнатъеву, также вызвали недовольство китайских представителей. Когда русский посланник поднял проблему восстановления права сухопутной торговли с Китаем караванным способом, предоставленного еще Нерчинским и Кяхтинским договорами, Сушунь и Жуйчан заявили, что эти договоры слишком древние, а нынешний порядок русско-китайских взаимоотношений определяется Тяньцзиньским трактатом, в котором речь идет только о морской торговле, а о сухопутной не сказано ни слова. Относительно

⁵³⁰ Там же. Л. 41 об.

⁵³¹ Там же. Л. 42–42 об.

назначения русских консулов в ряд китайских городов уполномоченные отметили, что поскольку Тяньцзиньский трактат предоставляет право всем заключившим его державам пользоваться равными правами и привилегиями, то они не собираются делать новых уступок⁵³².

Незадолго до приезда Игнатьева в китайскую столицу в ходе второй «опиумной» войны произошли неожиданные изменения. В Пекине появились слухи о том, что английские войска возобновили боевые действия, подведя свою эскадру к фортам Дагу и начав обстрел укреплений, но получили, по приказу китайского главнокомандующего Сэнгэринчи, должный отпор, потеряв при этом несколько кораблей, не обошлось и без жертв и пленных. По приказу Игнатьева, эта разрозненная информация была собрана архимандритом Гурием в специальной записке⁵³³. Русский представитель отмечал, что он не был склонен доверять слухам, но вынужден признать их правдивость после получения письма от Н.Н. Муравьева-Амурского⁵³⁴ с подробным изложением всех обстоятельств дела⁵³⁵.

Принимая в расчет сложившуюся ситуацию, Игнатьев спросил у уполномоченных, собирается ли китайское правительство ратифицировать Тяньцзиньский трактат, на что последовал ответ, что изначально богдыхан имел вполне мирные намерения, но сейчас, после того как англичане снова вероломно начали боевые действия, он собирается отказаться от ратификации всех четырех договоров. На совет русского посланника все же утвердить договоры с Францией и САСШ, которые не были замечены в агрессии против Китая, Сушунь и Жуйчан заявили, что данное решение окончательное и отмене не подлежит⁵³⁶. В донесении директору Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевскому Игнатьев по этому поводу иронично писал: «Впрочем, на это также полагаться нечего, стоит только

⁵³² Там же. Л. 43–44.

⁵³³ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 66–67.

⁵³⁴ Там же. Л. 68–70.

⁵³⁵ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 137–137 об.

⁵³⁶ Там же. Л. 46 об.–47.

войти английским судам в Бэйхэ, и вся спесь и самохвальство маньчжуров мгновенно исчезнут; они не только ратификуют заключенные трактаты, но подпишут все, что только от них победители потребуют»⁵³⁷.

Понимая, что спесь китайских уполномоченных вызвана именно победой при Дагу, Игнатьев все же счел нужным предостеречь своих оппонентов и сказал: «... воинственные выходки совершенно неуместны и неприличны, ибо могущественная Россия, гранича сухопутно с Китаем на более нежели 7 тысяч верст, не только по размеру своих военных средств, далеко превышающих силы многих европейских государств, но даже по одному географическому своему положению, имеет полную возможность, если дайцинское правительство вызовет безрассудно нас на борьбу, нанести несравненно сильнейший и чувствительнейший удар Китаю, нежели морские державы, которые могут поражать только морское побережье и высадить незначительный десант на одном каком-либо пункте, а не перейти границу китайскую в любом пункте 5000 верстного граничного протяжения. Но что, впрочем, государь император не желает войны с Дайцинским государством, а предлагает, напротив того, богдыхану скрепить старинную дружественную связь и устроить все по взаимному соглашению»⁵³⁸.

В конце конференции русский посланник договорился с Сушунем и Жуйчаном, что ее результаты будут доведены до богдыхана, после чего уполномоченные уехали. Игнатьеву необходимо было доложить в МИД о своих первых переговорах. Понимая, что он еще не до конца разобрался в текущем положении дел, дипломат все же сообщал: «... Россия не имеет никакого влияния в Пекине и в сравнении с англичанами пользуется только одним преимуществом: китайцы нас не боятся и считают за невойнолюбивых, несильных, но беспокойных и коварных соседей»⁵³⁹. По его мнению, прежняя тактика пустых угроз и уверений в двухсотлетней дружбе

⁵³⁷ Там же. Л. 47.

⁵³⁸ Там же. Л. 44–44 об.

⁵³⁹ Там же. Л. 48 об.–49.

способствовала выработке у китайцев убеждения в безобидности России, в то время как для достижения результата было необходимо либо прибегнуть к решительным действиям и провести военные демонстрации с учетом возможности начала реальных военных действий, либо оказать Пекину большую услугу, для чего нужно ждать более благоприятного момента. Кроме того, Игнатъев предполагал, что в скором времени китайское правительство, рассматривая его пребывание в столице как переход к практике постоянного дипломатического представительства, испугается возможности предоставления подобной привилегии и иностранцам, в связи с чем предложит ему как можно скорее покинуть Пекин. На это он собирался ответить, что находится здесь не по своей воле и уедет, только когда получит приказание из Петербурга. На будущее посланник просил МИД сообщить, как нужно поступить в двух различных ситуациях – приезда иностранных уполномоченных в столицу и пребывания их на побережье, в одном из портов, а также в очередной раз запрашивал уточнения своего дипломатического статуса и интересовался, стоит ли ему согласиться на перенесение переговоров о разграничении на Амур и переехать туда самому⁵⁴⁰.

Ответ на последний вопрос давала инструкция МИД своему уполномоченному в Китае (не персонализированная, по причине отсутствия на момент ее подготовки информации о произошедшей рокировке Перовского на Игнатъева)⁵⁴¹. К перенесению переговоров на границу в Петербурге отнеслись отрицательно и требовали от посланника остаться в Пекине, а в случае крайней необходимости отправить в Кяхту компетентного чиновника. Отчасти МИД отвечал и на вопрос Игнатъева о его образе поведения в случае прибытия представителей иностранных держав. Он должен был добиваться для себя посреднических функций при переговорах, находясь всегда в том месте, где были в каждый конкретный момент его коллеги. Если же посланник убедится в бесполезности ведения дальнейших переговоров, то ему разрешалось

⁵⁴⁰ Там же. Л. 49–52.

⁵⁴¹ Там же. I-1. Оп. 781. Д. 169. Л. 65–65 об.

выехать из Пекина обратно в Россию, сдав все политические дела духовной миссии, а торговые – местной администрации в Кяхте⁵⁴².

Отметим, что взаимоотношениям своего уполномоченного с иностранными представителями российское правительство придавало очень большое значение. В первоначальной инструкции, которую Игнатъев получил по своем выезде из Петербурга, было сказано, что он должен действовать максимально независимо от иностранцев и любыми путями пытаться оградить интересы России от их влияния, допуская более тесные контакты только в вопросах свободы вероисповедания и развития посольской и консульской службы⁵⁴³. По прибытии в Пекин посланник получил из Азиатского департамента копию донесения Ф.И. Бруннова из Лондона на французском языке, посвященную смене Кабинета и приходу к власти лорда Пальмерстона, который, по словам автора документа, «прекрасно помнит, что не успел в 1856 г. сделать для России все плохое, что хотел»⁵⁴⁴. Затронув вопрос о русско-китайских отношениях и влиянии на них Англии, Бруннов предостерегал Игнатъева от любого промедления в решении поставленных задач, т.к. английский представитель мог существенно изменить ход дела. «Каждый час промедления может убить успех нашего уполномоченного!» – значилось в донесении. Со своей стороны, российский посланник в Лондоне рекомендовал в сложившейся ситуации прибегнуть к любым средствам для достижения успеха, включая откровенную лесть⁵⁴⁵. В ответ Игнатъев, благодаря за сведения, которые еще больше убеждали его во враждебном направлении политики Англии в Азии, происходящем в силу кардинального различия интересов двух стран, все же высказывал свое личное мнение: «Я уверен, что ненависть к нам лорда Пальмерстона, его капризы и болезненная подозрительность в

⁵⁴² Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 628–630 об.

⁵⁴³ Там же. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 169. Л. 38–38 об.

⁵⁴⁴ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 53.

⁵⁴⁵ Там же. Л. 62 об.–63 об.

отношении к России, не помешают нам твердо и неуклонно стремиться к цели, указываемой отечественными интересами»⁵⁴⁶.

С другой стороны, Игнатьев был вынужден учитывать и последствия неудачно сложившегося для англичан столкновения при Дагу. В одном из донесений Н.Н. Муравьеву-Амурскому он писал: «Поражение и посрамление в Дагу англичан меня, как русского, радует. Англичане наказаны, и Брюс*, представитель надменной и враждебной для нас партии, получил хороший урок. Но на беду, нашу и китайцев, подобный урок не пропадет даром для англичан, и минутное поражение будет стоить дорого не только маньчжурам, но и нам, может быть»⁵⁴⁷. Дальнейший ход событий, по мнению Игнатьева, был очевиден: англичане захотят отомстить, соберут многочисленное войско и на голову разобьют китайцев, после чего принудят их к заключению выгодного для себя договора⁵⁴⁸. В донесении А.М. Горчакову посланник говорил об этом: «Пока не бьют китайцев, они не соглашаются ни на какие требования иностранцев»⁵⁴⁹. Однако Игнатьев замечал, что, несмотря на самоуверенность и воинственность пекинского правительства в свете последних событий, среди государственных сановников имеются и сторонники мирного урегулирования. В связи с этим он не исключал возможности обоюдного разрешения англо-китайских противоречий, что, по его мнению, было хуже для России: «... англичане, несомненно, приобретут в скором времени большое влияние на пекинское правительство, и китайцы тогда нам ничего не уступят»⁵⁵⁰. В качестве третьего варианта посланник предполагал возможность совместного действия английских войск с тайпинами с целью свержения правящей династии и установления своего полного влияния⁵⁵¹.

⁵⁴⁶ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 328 об.–329.

* Английский посланник в Китае, двоюродный брат лорда Элгина, заключившего Тяньцзиньский трактат 1858 г.

⁵⁴⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 116 об.–117.

⁵⁴⁸ Там же. Л. 117.

⁵⁴⁹ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 147.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 145 об.

⁵⁵¹ Там же. Л. 262 об.–263.

Как видим, к англичанам, как к главным соперникам России в Азии, Игнатьев относился негативно. Более того, радуясь их поражению при Дагу, он сожалел, что китайцы не согласились вовремя принять русскую военную помощь, которая могла бы способствовать более серьезным разрушениям и потерям⁵⁵². Более сдержанно он высказался в донесении Е.П. Ковалевскому: «Я всегда был того убеждения, что виды, интересы и стремления наши в Китае, и вообще в Азии, совершенно другие, нежели европейских держав и даже противоположны большей частью. Мы можем, по наружности, действовать временно с ними заодно, но наши цели должны существенно и постоянно различаться»⁵⁵³.

Если интересы России и Англии в Китае серьезно сталкивались, то действия Североамериканских Соединенных Штатов не носили такой угрозы, обе страны, как говорилось выше, проводили взаимную дружественную политику. Перед выездом из Петербурга Игнатьев получил распоряжение действовать вместе с американским посланником Джоном Уордом, который, в свою очередь, тоже был готов оказать своему коллеге любую посильную помощь⁵⁵⁴. Эти распоряжения были аналогичны данному в 1857 г. Путятину наставлению предпринимать совместные действия с американским посланником Ридом. По прибытии в Пекин Игнатьев получил письмо от Уорда, адресованное еще его предшественнику П.Н. Перовскому, в котором тот сообщал, что скоро приедет в Пекин для ратификации Тяньцзиньского трактата, и просил снабдить его советами и полезной информацией. Спустя несколько дней российский посланник получил письмо от Н.Н. Муравьева-Амурского, который давал американцу прекрасные рекомендации и просил своего адресата отнестись к нему с должным вниманием⁵⁵⁵. Написав ответное сообщение с уведомлением о своем назначении вместо Перовского, Игнатьев стал дожидаться приезда Уорда. Глава американского посольства приехал в Пекин 15 (27) июля и сразу попал в

⁵⁵² ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 334 об.–335.

⁵⁵³ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 359.

⁵⁵⁴ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 29.

⁵⁵⁵ Там же. Л. 71–73 об.

затруднительную ситуацию. Китайские власти не собирались быстро решать поставленные перед ними вопросы, более того, они заперли все посольство в отведенном ему доме и пресекали все его контакты с внешним миром⁵⁵⁶. Все попытки установить связь с американскими коллегами заканчивались безрезультатно. В конце концов, пекинское правительство даже пригрозило применить к русской миссии аналогичные меры⁵⁵⁷. Уорд тем временем согласился на исполнение принятого при китайском дворе церемониала представления богдыхану, чем в глазах местной элиты признал свое полное подчинение⁵⁵⁸. Отношение к американцам стало еще более высокомерным. В конечном итоге посольство вынуждено было уехать из Пекина ни с чем. Ратификация Тяньцзиньского трактата позже все же была проведена, но та цена, которую за это пришлось заплатить, значительно нивелировала достигнутый успех. Игнатъев, с одной стороны, радовался, что он и его подчиненные не оказались в таком же тяжелом положении, с другой – был огорчен из-за несостоявшейся встречи с Уордом, т.к. собирался настроить его против англичан. Российский посланник признавал, что в сложившейся ситуации виноваты самомнение китайцев и незнание американцами местных обычаев, и сетовал на то, что с ним никто не посоветовался, а предупреждения о возможном насильственном ограничении свободы попросту проигнорировали. Он отмечал, что САСШ готовы на все, только бы приобрести торговые льготы в китайских портах⁵⁵⁹.

После первой неудачной конференции с Сушунем и Жуйчаном Игнатъев максимально сократил общение с этими сановниками, чтобы реже выслушивать их нападки, выводившие его из терпения. Он договорился с уполномоченными, что они будут лично приезжать к нему только в случае крайней необходимости, а в остальное время сообщение должно происходить посредством обмена официальными бумагами и переговоров менее значимых чиновников со знатоками китайского языка –

⁵⁵⁶ Там же. Л. 121.

⁵⁵⁷ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 90 об.–91, 146.

⁵⁵⁸ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 121.

⁵⁵⁹ Там же. Л. 103 об., 121, 146 об., 165 об., 189 об.

архимандритом Гурием и А.А. Татариновым⁵⁶⁰, которые, не давая окончательных ответов, по любому поводу обращались к посланнику, повышавшему, таким образом, свое значение в глазах местной администрации⁵⁶¹. В это время Игнатъев сделал два важных шага: поручил состоявшему при нем топографу Шимковичу начертить карту русско-китайской восточной границы с обозначением всех требований России и сам составил первоначальный проект дополнительного договора, который сохранился в китайских архивах⁵⁶². Ссылаясь на не решенные ранее русско-китайскими трактатами вопросы, которые могли в дальнейшем привести к конфликту между двумя государствами, представитель России предложил заключить новый двусторонний договор. Таким образом, была предпринята попытка повторить ранее высказанные Перовским пожелания. Согласно проекту, вопросом первостепенной важности в отношениях двух государств было определение границы, которую предлагалось провести с привлечением совместной комиссии и на территориях, оставшихся по Айгунскому трактату в совместном ведении – от слияния Уссури и Амура по течению Уссури до ее слияния с рекой Сунгача, затем до озера Хинкай и реки Хуньчунь, затем по течению этой реки до ее слияния с рекой Тумэнь, и по течению Тумэни до моря. Западная граница должна была пройти от уже определенных предыдущими договорами точек по горным хребтам и большим рекам до Тяньшаня и далее до пределов Кокандского ханства. Кроме этого, был поднят вопрос о разрешении русским купеческим караванам следовать в Калган и Ургу, а также об учреждении консульств в Кульдже, Чугучаке, Кашгаре и Цицикаре⁵⁶³.

По словам Игнатъева, проект включал максимальные требования (например, определение граничной линии в Западной Сибири, хотя вопрос этот считался второстепенным, посланник решил включить его в общий список с целью показать, что русские хотят не просто приобрести себе небольшую часть Маньчжурии, но и

⁵⁶⁰ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 71–71 об.

⁵⁶¹ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 93.

⁵⁶² Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 77 об.–78.

⁵⁶³ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 196–197.

заботятся о состоянии границы на всем ее протяжении), мог быть подвергнут значительным трактованиям, а его полная реализация зависела от благоприятных обстоятельств⁵⁶⁴. Причем предполагался именно полноценный трактат⁵⁶⁵, хотя Игнатьев и уверял пекинский Верховный государственный совет, что Россия добивается лишь принятия отдельных статей⁵⁶⁶. Он объяснял это следующими причинами:

1) необходимость обновить старые требования России, чтобы у китайцев не было повода не согласиться на представленные предложения под тем предлогом, что в этом они уже отказывали Перовскому;

2) необходимость придать более законный вид и установленную форму трактату;

3) необходимость связать новые трактаты со старыми, чтобы показать законность и непрерывность российских требований и перед китайцами, и перед европейцами;

4) не возбуждая вопрос о ратификации Айгунского договора, некоторым образом заменить его этим актом, потому что в проекте указано, что он заключается в дополнение и пояснение, и предполагает размен ратификаций сверх обычной процедуры⁵⁶⁷.

В донесениях директору Азиатского департамента российский посланник сетовал на то, что несколько месяцев назад было гораздо легче ратифицировать Айгунский трактат в качестве дополнительной статьи при ратификации Тяньцзиньского, но что в данный момент это уже представляется невозможным. По этой причине он старался объяснить местным властям, что от формальной ратификации Айгунского договора можно отказаться, т.к. раньше в русско-китайских дипломатических отношениях такой практики не наблюдалось, а в случае с

⁵⁶⁴ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 72 об.–74.

⁵⁶⁵ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 93–93 об.

⁵⁶⁶ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 72 об.

⁵⁶⁷ Там же. Л. 74–75.

Тяньцзиньским трактатом Россия просто уступила настойчивым требованиям Китая⁵⁶⁸.

На сделанные Игнатьевым предложения последовал отказ. Китайское правительство объявило, что оно не может разрешить России вести караванную торговлю, т.к. русские купцы будут бесчинствовать в китайских городах, а это приведет к конфликтам, расстраивающим дружеские отношения между двумя странами. Относительно проведения границы от Уссури до моря сообщалось, что эти земли Китай не может отдать ни при каких обстоятельствах, тем более что, согласно Тяньцзиньскому трактату, они оставлены в общем владении. Поскольку российский посланник ссылался на официальное уведомление министра Гуйляна графу Е.В. Путятину об утверждении богдыханом Айгунского договора, по поводу этого документа было сказано, что он ошибочен и был составлен вследствие неправильного доклада. Кроме того, китайцы в очередной раз настаивали на перенесении переговоров непосредственно на границу, потому что их ведение в столице затруднительно⁵⁶⁹. Игнатьеву оставалось только дожидаться следующей конференции с уполномоченными, которая была назначена на 10 (22) июля.

Эта встреча началась с жаркого спора об отправке к морю русского курьера, который должен был отвезти документы Н.Н. Муравьеву-Амурскому, незадолго до этого прибывшему в Печелийский залив и уведомившему об этом Игнатьева. В итоге было принято решение послать вместе с курьером сопровождающего китайского чиновника. Относительно определения границы на востоке Сушунь и Жуйчан продолжали отрицать действительность Айгунского трактата вследствие отсутствия у князя Ишаня права подписывать такой документ, ставили российскому посланнику на вид агрессивные действия его страны в Уссурийском регионе, а затем и вовсе заявили о том, что Китай скорее уступит России все требуемые морские порты, но на присоединение к ее владениям Уссурийского края никогда не пойдет. Что касается

⁵⁶⁸ Там же. Л. 75 об. –76 об.

⁵⁶⁹ Там же. Л. 78–79.

границы на западе, то, по словам китайских уполномоченных, она уже давно известна и дополнительного ее определения не требуется. По поводу сухопутной торговли китайская сторона отказывалась пропускать русские караваны даже в Ургу и Калган и протестовала против назначения в эти города консулов⁵⁷⁰. Игнатьев с горечью отмечал, что все его усилия сломить сопротивление китайцев окончились неудачей, поскольку на все его доводы сановники, не находя других аргументов, ссылались на элементарное нежелание богдыхана идти на уступки. Тем не менее, он заявил, что в конечном итоге Россия требует признания границы по Уссури лишь для официального оформления, в то время как фактически все определенные Айгунским трактатом земли уже заняты русскими поселенцами⁵⁷¹. В таком патовом положении конференция завершилась.

12 (24) июля в Пекин с эскадры Н.Н. Муравьева-Амурского прибыли оберквартирмейстер штаба войск Восточной Сибири К.Ф. Будогосский и переводчик с монгольского языка Я.П. Шишмарев, которые в числе прочих бумаг привезли составленную по результатам специальной экспедиции карту новой русско-китайской границы. Как говорилось выше, русские топографы дожидались китайских коллег в нескольких пунктах своего маршрута, но были вынуждены проводить все работы в одностороннем порядке. Впоследствии Игнатьев говорил, что такое отношение китайцев к условиям трактата и выдвигаемые вместе с тем предложения о перенесении переговоров на границу свидетельствуют исключительно о желании дополнительно тянуть время, в то время как серьезных намерений разрешить все спорные вопросы в Пекине не имеют⁵⁷².

Подчиненные восточносибирского генерал-губернатора проделали непростой путь от морского побережья к китайской столице, столкнувшись с настороженным и даже враждебным отношением к «русским варварам», которых иногда попросту

⁵⁷⁰ Там же. Л. 80–84.

⁵⁷¹ Там же. Л. 84 об.–85 об.

⁵⁷² Там же. Л. 88–89 об.

морили голодом. Тем не менее они стойко перенесли все тяготы и лишения и добрались в Пекин раньше американского посланника, выехавшего одновременно с ними, и были радушно встречены в русском подворье, оказавшись «словно на милой родине»⁵⁷³. На составленной Будогосским карте предполагаемая граница специально не была обозначена красным цветом, чтобы предотвратить возмущение китайцев односторонним разграничением пространства от р. Уссури до р. Тумэнь, которое можно было предложить снова провести в двустороннем порядке. Главным, по мнению Н.Н. Муравьева-Амурского, было утверждение границы по рекам Амуру и Уссури, т.е. подтверждение условий Айгунского трактата и фактическое обладание Россией территориями от р. Уссури до моря, в то время как все остальные формальности имели второстепенное значение⁵⁷⁴. Восточносибирский генерал-губернатор писал: «Бухту Посьета мы отмежевываем себе и границу проводим до устьев Тумэнь-Ула, которая составляет границу Кореи с Китаем. Не хотелось бы захватывать лишнего, но оказывается необходимо: в бухте Посьета есть такая прекрасная гавань, что англичане непременно бы ее захватили при первом разрыве с Китаем. Я уверен, что убеждение это подействует и в Пекине. Вообще, все это пространство морского берега, от Посьета до Поворотного мыса, верст на 200, изобилует прекрасными заливами и гаванями, столь привлекательными для морской державы, что англичане (если бы это оставалось китайским) все захватили бы, тем более что в 1855 г. они все эти места видели, описали и даже карты сделали»⁵⁷⁵.

Безусловно, доставка Игнатьеву готовой карты границы могла вызвать серьезные положительные сдвиги в ходе переговоров, однако сам он, хорошо изучив нравы китайцев, не испытывал в этом отношении оптимизма. На случай очередного отрицательного ответа посланник составил второй проект дополнительного договора, в котором делались серьезные уступки – перенесение сроков окончательного

⁵⁷³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 928. Л. 10 об.–15 об.

⁵⁷⁴ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 234 об.–235.

⁵⁷⁵ Цит. по: Суворов В.А. Н.Н. Муравьев-Амурский и закрепление ... С. 24.

утверждения границы на западе, согласие на окончательное формирование восточной границы двусторонней комиссией при условии фактического признания российских приобретений и отказ от права русским купеческим караванам приходить в Пекин (поскольку и для самих русских купцов это не имело большого смысла). Если же и эти предложения будут отвергнуты, Игнатъев собирался жаловаться на Сушуня и Жуйчана и просить назначить новых уполномоченных⁵⁷⁶.

Пессимистичные прогнозы Игнатъева оправдались полностью. В ответ на предложение об утверждении граничной карты он получил заявление о том, что приобретение Россией левого берега Амура и части правого и так является слишком большой уступкой, поэтому отдать Уссурийский край Китай не может ни при каких условиях, а в случае дальнейшего возобновления требований пекинское правительство собирается заявить о намерении России завоевать те территории, которые ей не принадлежат. В заключение российскому посланнику настойчиво рекомендовали покинуть Пекин и отправиться на границу для обсуждения всех спорных вопросов с амурским генерал-губернатором⁵⁷⁷. Игнатъев, в свою очередь, заявил, что при таком положении дел он больше не может продолжать переговоры. Реакция китайцев была моментальной – тон, в котором была написана очередная бумага, стал гораздо мягче. В донесениях в Петербург посланник с удовлетворением отметил, что, судя по всему, Китай все же боится абсолютного разрыва с Россией и поэтому в отношении к нему наступило потепление. В сложившейся ситуации он рекомендовал согласиться на перенесение переговоров из Пекина как на потенциально более действенную меру⁵⁷⁸.

Тем не менее до получения соответствующих инструкций Игнатъев должен был настойчиво проводить избранную ранее линию. Вскоре до него дошли сведения, что Сушунь сообщил богдыхану о том, что он доказал русскому представителю всю

⁵⁷⁶ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 94–95 об.

⁵⁷⁷ Там же. Л. 127–128 об.

⁵⁷⁸ Там же. Л. 184–186.

неосновательность его требований и практически убедил от них отказаться. Стало понятно, что этот сановник является в Пекине одним из самых убежденных противников соглашения с Россией, предпочитая даже договориться с англичанами. Именно он стал инициатором разжалования князя Ишаня, заключившего Айгунский трактат. По этой причине российский посланник потребовал от Верховного государственного совета заменить Сушуня в качестве уполномоченного на другого чиновника, имеющего ранг министра. Совет в ответной бумаге не дал четкого ответа⁵⁷⁹. Но в начале сентября китайцы заявили о необходимости проведения новой конференции в неизменном составе. Игнатъев сказал, что он будет рад встретиться с Сушунем только в частном порядке. Эта встреча состоялась 10 (22) сентября, и на ней китайский уполномоченный впервые за долгое время вежливо и откровенно изложил причины отказа. По его словам, Айгунский трактат до сих пор не утвержден, т.к. к нему не приложена особая государственная печать, которая специально вырезается в каждом случае, а также потому, что, по имеющимся у китайцев сведениям, Ишаня принудили к заключению договора силой. Более того, богдыхан и так уступил России левый берег Амура, но во временное пользование, а правый берег является исконно маньчжурской землей и на его отторжение невозможно согласиться. Что касается сухопутной торговли, то здесь отказ наблюдается по той причине, что по Тяньцзиньскому трактату открыто слишком много портов, поэтому Китай против предоставления России дополнительных привилегий⁵⁸⁰. Сушунь отказался утверждать и карту, представленную Будогосским⁵⁸¹, продемонстрировав, по мнению Игнатъева, типичное для китайцев недоверие к карте как к документу, происходящее, в том числе, и из неумения ее читать⁵⁸². Игнатъев убеждал сановника в необходимости пойти на уступки с целью приобрести в лице России друга, а не врага. Сушунь, в свою очередь, рекомендовал отказаться от всех требований, т.к. все государства «будут

⁵⁷⁹ Там же. Л. 252–255 об.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 295–298 об.

⁵⁸¹ Там же. Л. 301–301 об.

⁵⁸² Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 191.

смеяться, когда узнают, что 200-летняя русско-китайская дружба нарушилась по таким неосновательным причинам»⁵⁸³.

Подобное упорство китайской стороны заставило Игнатьева в его переписке с МИД возобновить требования о силовом воздействии на Китай с целью склонить его к проведению более уступчивой политики, соединив эти действия с фактическим занятием вновь приобретенных территорий. В июле он писал А.М. Горчакову: «Непринятие сих последних предложений моих, относительно проведения восточной границы, согласно соображениям графа Муравьева-Амурского, покажет, что нам остается занять вновь открытые между портами св. Владимира и Ольги и Кореей гавани – своими военными судами, а предполагаемую границу между озером Хинкай и Кореей – военными постами. Теперь настала последняя минута окончить дела наши относительно этой границы, без европейской огласки. Ежели граница и в особенности порты будут нами заняты и военные суда прозимуют в бухте Посьета и в Новгородской гавани, или в заливе Петра Великого, объявляя всем иностранным судам, которые будут туда заходить, что эти гавани наши и уступлены нам прошлого года Айгунским трактатом, – то это может еще пройти незаметно. De facto местность эта будет наша, европейцы будут знать, что порты принадлежат нам, а китайцы, видя, что морское побережье и местность между р. Уссури, озером Хинкаем и морем в наших руках, согласятся чрез несколько времени заключить письменный акт, утверждающий за нами право владения этим краем; они поступят в этом случае так же, как сделали относительно р. Амура. После победы англичан над китайцами опасно возбуждать снова этот вопрос. Вмешательство, даже косвенное, англичан может испортить безвозвратно все дело»⁵⁸⁴. Это предложение вызвало одобрение Александра II, который оставил напротив соответствующего фрагмента донесения надпись: «Это было бы весьма нужно»⁵⁸⁵. После последней неудачной попытки

⁵⁸³ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 299–299 об., 304.

⁵⁸⁴ Там же. Л. 148 об.–150.

⁵⁸⁵ Там же. Л. 149.

уговорить китайцев принять требования России окончательное оформление приобрели и предложения Игнатьева относительно военных демонстраций. В середине сентября в частном письме Е.П. Ковалевскому он писал: «Если китайцы не примут наших предложений, уполномоченному нашему следует, не теряя времени в бесполезных переговорах, отправиться на пароходе в Цицикар, а потом даже в Гирин, для предложения в этих городах местным начальникам тех же мирных условий. Отряды наши могут, между тем, занять без выстрела Айгун, Ургу, Сансин и Цицикар. Я убежден, что при настоящих обстоятельствах выступления отрядов наших из Кяхты, из Забайкальской области и с Амура было бы достаточно для принуждения дайцинского правительства согласиться на все наши требования, или, по крайней мере, признать за нами формальным актом Амур, правый берег р. Уссури и морское побережье до Кореи. Предлагаемое мной единственное средство для достижения цели и для окончания желаемым образом пограничного вопроса. Для исполнения военных демонстраций достаточно военных средств Восточной Сибири»⁵⁸⁶. Свои соображения относительно задач российской политики в Китае Игнатьев позже обобщил и изложил в особой записке на французском языке.

В этой записке (перевод с французского языка мой – *Н.С.*) Н.П. Игнатьев говорил о том, что по его мнению первоочередной задачей является оформление восточной русско-китайской границы, задачей второго порядка – налаживание русско-китайской сухопутной торговли, а все остальные задачи остаются третьестепенными. Относительно границы он писал: «Наиболее естественной, рациональной и наиболее удачной для наших интересов линией восточной части нашей границы будет следующая: вдоль тальвега рек Уссури и Сунгача до озера Ханка; с этого места демаркационная линия должна была бы пересекать озеро Ханка и соединяться с морем в устье реки Тумень. Все великолепные порты Маньчжурии в Японском море были бы, таким образом, в нашей власти, а это вопрос величайшего будущего для

⁵⁸⁶ Там же.

вновь обретенной Россией страны. Эти порты, обеспечивая выходы в Восточную Сибирь и точки соприкосновения с [маршрутами] универсальной морской торговли, также дадут нам возможность иметь эскадру в тех из них, которые открыты для круглогодичного судоходства в этих краях»⁵⁸⁷. Говоря о путях достижения поставленной цели, Игнатьев рассматривал два варианта: оставаться далее в Пекине или сделать китайскому правительству последнее предложение и в случае его отклонения выехать на границу для переговоров с местными властями. Дальнейшие рассуждения Игнатьева о преимуществах и недостатках каждого из вариантов выглядели следующим образом: «Может быть, что решение оставаться в Пекине окончательно скомпрометировало бы нас по отношению к китайскому правительству, и в особенности – не было бы мое присутствие в столице Поднебесной империи в момент победоносного вступления союзников достаточным основанием для того, чтобы возобновилась постоянная подозрительность англичан и их недоверие к нашим лучшим намерениям? Когда возобновятся переговоры, не воспользуются ли англичане, которые, кажется, никогда не упускают случая в Шанхае делать злонамеренные инсинуации против нашего достоинства, случаем тайно просить китайцев о еще большем ограничении нашего влияния? Возможно, они добьются обещания отныне не идти нам на уступки без предварительного согласия английского правительства. Несомненно, что англичане без промедления примут меры, чтобы лишить нас уважения в глазах китайцев, вызвать у нас здесь всевозможные затруднения и расстроить наши планы разграничения. Можно ожидать что угодно от ревнивой, недоверчивой, активной политики, главным результатом которой является вмешательство в наши дела в Китае. Без сомнения, мы со своей стороны также могли бы вызвать у английского правительства сложности в Китае, но в момент его победы мы будем бессильны. <...> Отъезд российского полномочного представителя из Пекина, по-видимому, принесет более решительный и определенный результат и даст

⁵⁸⁷ Там же. Л. 368–368 об.

нам возможность более достойно реагировать на действия китайского правительства. Действуя решительно и твердо и покинув Пекин, мы можем повлиять на решения китайского императора, который, видя серьезную опасность, одновременно угрожающую Поднебесной империи с двух сторон, может в последний момент изменить свои решения благоприятным для нас образом. Энергичные действия дипломатии, соединенные с возможным военным давлением, внушили бы китайцам уважение, заставили бы их договариваться и придали бы гораздо больший вес нашим предложениям, чем все возможные аргументы. Такой способ действий мог бы обеспечить нам хорошее положение в Китае и укрепить там наше влияние»⁵⁸⁸. Таким образом, Игнатъев недвусмысленно давал понять, что он склоняется ко второму варианту. Однако, строго следуя инструкциям, он оставлял решение за российским правительством.

Реакция МИД на доставленные Игнатъевым сведения была следующей. 1 (13) сентября (на основании соответствующих июльских донесений) Е.П. Ковалевский написал в Пекин полуофициальное письмо, в котором покровительственно отмечал: «Восток, мой дорогой генерал, – это школа терпения. Он стар как мир, и здесь опыт всех предыдущих поколений подтверждает правду»⁵⁸⁹. Директор Азиатского департамента говорил, что он вовсе не видит вещи в таком черном свете, как его подчиненный, а относительно его основных запросов отвечал, что:

- 1) перенесение переговоров на границу возможно только в крайнем случае;
- 2) определение окончательной граничной линии по Айгунскому договору необходимо предоставить комиссии, сформированной Н.Н. Муравьевым-Амурским;
- 3) Игнатъев зря настаивает на повышении своего дипломатического статуса, т.к. нынешнее звание «отправленного с особым поручением» соответствует, например, статусу российского представителя в Вене.

⁵⁸⁸ Там же. Л. 372 об.–374 об.

⁵⁸⁹ Там же. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 127. Л. 1–1 об.

Игнатьеву предписывалось оставаться в Пекине, чтобы в случае начала европейско-китайского столкновения играть роль посредника, рекомендовалось оставаться спокойным и выдержанным, не проявляя при этом особого дружелюбия и стремясь главным образом доказать, что Россия добивается лишь исполнения заключенных трактатов. Относительно его предложений о военных демонстрациях было отмечено, что они могут быть предприняты лишь в качестве крайней меры⁵⁹⁰.

Спустя 4 дня была подготовлена официальная инструкция А.М. Горчакова, основные положения которой были следующими:

1) В случае принятия китайцами русской военной помощи необходимо совместно выбрать пункт для передачи оружия⁵⁹¹;

2) Нужно следить за тем, чтобы китайцы хотя бы не нарушали уже ратифицированных трактатов, и продолжать ссылаться на указ богдыхана об утверждении Айгунского трактата⁵⁹² (к слову, на запрос Игнатьева о передаче ему оригиналов Нерчинского и Кяхтинского трактатов и вышеупомянутого указа МИД, опасаясь утери таких важных документов, дал отрицательный ответ)⁵⁹³;

3) Если китайцы согласятся на предложения американского представителя о посредничестве, то нужно сразу договориться с ним о взаимодействии в этом вопросе;

4) Китайцы ведут себя надменно и гордо, потому что победили англичан, но их образ действий изменится сразу, как только они неминуемо потерпят поражение в следующем году. России же не нужно прибегать к вооруженному давлению, т.к. она ранее добилась тех же преимуществ, что и европейцы, но мирным путем. Так может случиться и сейчас;

5) Игнатьев должен выехать на морское побережье для взаимодействия с европейскими представителями только в том случае, если они сами этого попросят⁵⁹⁴.

⁵⁹⁰ Там же. Л. 2–5 об.

⁵⁹¹ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 252–252 об.

⁵⁹² Там же. Л. 252 об.

⁵⁹³ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 247 об.

⁵⁹⁴ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 253–254 об.

Получив августовские донесения Игнатьева (в которых он говорил об улучшении отношения Китая к России и рекомендовал согласиться на продолжение обсуждения спорных вопросов на границе) в начале октября, МИД отправил в ответ очередные дополнительные распоряжения. Товарищ министра иностранных дел И.М. Толстой, передав их основной смысл А.М. Горчакову, находившемуся в тот момент в Варшаве, получил указание выслать в Пекин разрешение о переносе переговоров в Гири⁵⁹⁵. В составленной Толстым инструкции посланника информировали о том, что Франция не разделяет воинственного пыла англичан и хочет предварительно попытаться прийти к соглашению мирным путем⁵⁹⁶. В этой связи роль Игнатьева как возможного посредника при переговорах была очень важной, почему ему и рекомендовалось отправить в Гири кого-либо из своих подчиненных, а самому выехать туда лишь в случае крайней необходимости⁵⁹⁷.

В то же время в Петербурге прекрасно понимали, что перенос переговоров на границу может не дать результата из-за упорного сопротивления китайской стороны предложениям России. Еще 17 (29) сентября великий князь Константин Николаевич собрал у себя А.М. Горчакова, Н.О. Сухозанета, Е.В. Путятину и Е.П. Ковалевского. Совместно они решили «занимать на основании Танцынского и Айгунского трактатов Уссури и Приморский край до Кореи, несмотря на китайцев». Это решение было утверждено в присутствии Александра II на заседании Амурского комитета 10 (22) декабря 1859 г.⁵⁹⁸. Согласно специально составленной инструкции Н.Н. Муравьеву-Амурскому разрешалось ввести на приобретенные Россией территории войска и морские суда в случае отсутствия сдвигов в пекинских переговорах. «После того, что правительство богдыхана в противность трактата не выслало на место разграничения своих комиссаров и отказалось вступить по сему предмету в переговоры с Игнатьевым, такое занятие делается уже неизбежным последствием упорства и

⁵⁹⁵ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 333, 335.

⁵⁹⁶ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 275.

⁵⁹⁷ Там же. Л. 276 об. –277.

⁵⁹⁸ Дневники великого князя Константина Николаевича ... С. 85, 106.

неисполнения принятых на себя обязательств Пекинским Кабинетом», – объяснял такое решение А.М. Горчаков⁵⁹⁹. Кроме того, генерал-губернатору Восточной Сибири предписывалось отправить к устью реки Бэйхэ военный корабль для чрезвычайных нужд посланника. Отдельно было обозначено, что Россия планирует держаться в Китае твердого нейтралитета⁶⁰⁰. Воинственные призывы Игнатьева, таким образом, были сочтены неуместными.

Несмотря на все отказы китайской стороны провести границу, власти Восточной Сибири начали фактическое заселение Уссурийского края еще до получения указаний из Петербурга. Тревожные сведения об этом постоянно присылали в Пекин местные китайские начальники. Реакция императора была одинаковой – морское побережье Маньчжурии навечно принадлежит Китаю, проникновению туда «русских варваров» необходимо оказывать всевозможное сопротивление, но оказывать вооруженное сопротивление китайская сторона не собиралась⁶⁰¹. Однако летом 1859 г., во время сплава по р. Сунгари в одной из китайских деревень был убит русский приказчик Чеботарев⁶⁰². Опасаясь излишнего возмущения российского правительства, которое могло бы привести к военным действиям, местные власти предложили провести расследование произошедшего и наказать виновных. Следствие установило, что причиной преступления были домогательства самого Чеботарева по отношению к жене убийцы. Инцидент был исчерпан. Осенью 1859 г. процесс российского заселения продолжился, обстановка в Уссурийском крае, несмотря на значительное напряжение китайской стороны, оставалась мирной⁶⁰³. Китайское правительство намеревалось провести с Н.Н. Муравьевым-Амурским переговоры с целью напомнить ему о незыблемости установленных в 1689 г. границ, условно «уступленном» России левом

⁵⁹⁹ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 343–343 об.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 344 об.

⁶⁰¹ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 200–203.

⁶⁰² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 161.

⁶⁰³ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 207.

береге Амура и о заключении Айгунского трактата вследствие ошибки Ишаня⁶⁰⁴. Таким образом повторялись все доводы, уже высказанные Н.П. Игнатьеву в Пекине. На встречах с представителями китайской администрации на Сунгари и с амбаном Айгуна в Благовещенске генерал-губернатор Восточной Сибири заявил о неуклонной решимости воплощать в жизнь все постановления Айгунского договора, поддерживая свои действия военными приготовлениями⁶⁰⁵. Узнав об этом, богдыхан издал указ, в котором распорядился усилить все посты и начать встречное заселение спорной территории китайскими крестьянами-колонистами, но при этом строго запрещал местным властям проявлять агрессию первыми⁶⁰⁶.

В конце октября МИД, уведомляя своего представителя в Китае о полученных Муравьевым-Амурским указаниях, просил его в любом случае оставаться в Пекине. Признавая неизбежность европейско-китайского столкновения, в Петербурге требовали от Игнатьева действовать по обстоятельствам, не допуская посягательства англичан и французов на российские интересы и в то же время стараясь добиться тех же преимуществ, которые в конечном итоге получают европейцы. Чтобы рассеять пессимизм российского посланника, Министерство сосредотачивало внимание на том факте, что император, продемонстрировав свое безграничное доверие, специально выбрал именно его кандидатуру для действий в Поднебесной империи в постоянно меняющейся обстановке⁶⁰⁷.

Основываясь на донесениях Игнатьева, отдельную записку о китайских делах составил бывший посланник граф Е.В. Путятин. Подробно проанализировав текущую ситуацию, он предложил настаивать главным образом на оформлении восточной границы в ущерб остальным требованиям, согласившись при этом на требование о работе двусторонней пограничной комиссии; приказать Игнатьеву при любом положении дел оставаться в Пекине до прибытия иностранных представителей и

⁶⁰⁴ Суворов В.А. Н.Н. Муравьев-Амурский и закрепление ... С. 25.

⁶⁰⁵ Там же. С. 26.

⁶⁰⁶ *Quested R.K.I. The Expansion of Russia ...* P. 216.

⁶⁰⁷ АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 169. Л. 103–105 об.

ждать благоприятного момента для утверждения пограничных карт; занимать военными силами предполагаемую границу от р. Уссури до моря и попытаться обеспечить приобретение побережья вплоть до Кореи; и наконец, не забывая о собственной роли в китайском вопросе, настаивать на оказании военной помощи⁶⁰⁸.

Впрочем, как уже было сказано, дальность расстояния между Пекином и Петербургом вкупе с плохим состоянием почтового сообщения делали взаимодействие МИД со своим представителем в Китае чрезвычайно замедленными, часто отправленные инструкции уже никак не влияли на текущее положение дел. В своем письме к Игнатьеву Е.П. Ковалевский высказывался об этом с горечью: «Мир разделяет нас, месяцы проходят, прежде чем мы можем обменяться мыслями»⁶⁰⁹.

В октябре в русско-китайских переговорах наступил перерыв. Игнатьев изредка встречался с китайскими чиновниками, которые уговаривали его вернуться в Россию, т.к. в столице холодно и скучно, в то время как все основные вопросы уже решены, но российский посланник дал понять, что не покинет свое местопребывание добровольно, пока все его предложения не будут приняты⁶¹⁰. Воспользовавшись свободным временем, он больше внимания стал уделять чтению. В распоряжении Игнатьева находились не только книги по истории и политике, которые он привез из России, но и богатейшая библиотека, оставленная иезуитами при бегстве из Пекина⁶¹¹.

В ноябре в Пекин, по распоряжению богдыхана, начали вызывать пограничных главнокомандующих. Это обстоятельство обеспокоило Игнатьева, т.к., по его мнению, оно было напрямую связано с русско-китайскими делами. Он ожидал инструкций из Петербурга и пытался выбрать наиболее благоприятный момент для возобновления переговоров. Но курьер так и не приехал, и посланник беспокоился, что не успеет закончить свои переговоры до прибытия иностранных представителей (что требовали от него с самого начала). Для возобновления конференций Игнатьев

⁶⁰⁸ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 327–327 об.

⁶⁰⁹ Там же. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 127. Л. 13.

⁶¹⁰ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 377 об.

⁶¹¹ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 109.

воспользовался обычной почтой, которая была выдана за ожидаемые правительственные распоряжения. Игнатъев снова потребовал заменить Сушуня и Жуйчана, но получил твердый отказ, т.к. китайское правительство не видело необходимости в дальнейших обсуждениях уже решенных, по его мнению, дел⁶¹². Представитель России вновь спокойно объяснил, в связи с чем он настаивает на замене уполномоченных и в дополнение к своему посланию в Верховный государственный совет приложил копию сообщения Гуйляна о ратификации богдыханом Айгунского трактата, выражая надежду, что в Совете сверят копии и окончательно убедятся, что Айгунский трактат был действительно утвержден, а вследствие этого река Уссури по праву является пограничной, в то время как требуется провести разграничение от нее до моря. Также до китайцев также хотели донести, что предстоящая война с европейцами несет для их государства большую опасность, которая дополнительно усугубляется несоблюдением международных договоров, вследствие чего европейцы могут утратить всякое доверие к заключаемым в Китае трактатам, а это поведет к новым конфликтам. Далее следовал вывод, что в подобной ситуации приоритетным для Пекинского правительства является сближение с Россией и согласие на все ее требования. Ответ китайской стороны был уклончивым – о назначении новых уполномоченных не было сказано ни слова, а российскому посланнику предлагали провести очередную конференцию с Сушунем и Жуйчаном, не оговаривая при этом их статуса. Отказаться не представлялось возможным, т.к. на тот момент среди высших государственных сановников не было ни одного человека, свободного от несения других поручений, и Игнатъев согласился принять своих старых знакомых, но только в качестве подателей официальной бумаги из Совета⁶¹³.

Китайские уполномоченные прибыли в русское подворье 4 (16) января 1860 года и были приняты вежливо, но холодно. Переданная ими бумага, по сути, признавала справедливость требований России относительно разграничения на востоке, но в то

⁶¹² АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 384, 386–387, 397–398.

⁶¹³ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 398–400.

же время никак не могла окончательно решить этот вопрос. Существование указа богдыхана об утверждении Айгунского трактата признавалось, но действия генерал-губернатора Ишаня были вновь признаны ошибочными на том основании, что уступленные России по договору земли не входили в сферу его компетенции. Выяснилось также, что недовольство в Пекине действиями этого чиновника стало возможным благодаря доносу его гиринского коллеги Тепуцина. Далее следовало странное утверждение, что богдыхан, испытывая к России самые искренние дружеские чувства, не хочет уступить ей земли по р. Уссури главным образом потому, что местные жители активно протестуют против русского присутствия и сделают все возможное, чтобы его не допустить, а поскольку данное обстоятельство ведет к неизбежным конфликтам, то император только по этой причине упорно отказывается от уступок⁶¹⁴. Игнатьев ответил, что он не может считать подобный ответ удовлетворительным, а на очередной отказ от ратификации Айгунского договора по незнанию местности заметил, что он ведет переговоры не с сановниками, а с Государственным советом. Что касается причин отказа, то не раз уже их слышал и достаточно аргументированно опровергал. Также российский посланник обратил внимание, что со стороны китайского правительства странно ссылаться на незнание той местности, которую оно не хочет уступить и которая, следовательно, имеет большое значение. На предложение Сушуня и Жуйчана назначить еще одну конференцию после получения из Петербурга дополнительных указаний последовал отказ. Игнатьев объяснил, что он уже получил исчерпывающие инструкции и уполномочен своим правительством приступить к решению любых вопросов⁶¹⁵. После этого сановники поинтересовались, как продвинулось решение вопроса о границе между Н.Н. Муравьевым-Амурским и Тепуцином. Игнатьев ответил, что продвижения нет, т.к. амурский генерал-губернатор выдвигал такие же неуместные предложения, которые на протяжении нескольких месяцев уже озвучивались в

⁶¹⁴ Там же. Л. 402–403 об.

⁶¹⁵ Там же. Л. 403 об.–405.

Пекине. На этом официальная часть встречи закончилась. Отметим, что в конце разговора Сушунь признался Игнатьеву, что все проблемы, связанные с Айгунским трактатом, произошли из-за ревности Тепуцина к Ишаню, т.к. в Пекине очень плохо знают пограничные территории, и если бы не было доноса и настойчивых требований о ратификации со стороны России, то вышеупомянутый договор оставался бы долгое время неизвестным для китайцев⁶¹⁶.

После подачи угощения разговор принял непринужденную форму. Обсуждался самый широкий спектр вопросов – от итогов Крымской войны и современного положения дел в Европе до способов производства пороха. Манеры Сушуна и Жуйчана, в особенности первого, существенно улучшились – на протяжении встречи он ни разу не повысил голос и не сделал никаких экспрессивных движений. Главным образом китайские сановники пытались выяснить, находится ли Россия в союзе с Англией, т.к., по их словам, сами англичане постоянно распространяли слухи о двуличности русской политики. Игнатьев отвечал, что Россия не только не оказывает Англии никакой помощи, но и напротив, старается убедить Францию и САСШ не выступать на ее стороне. По мнению Игнатьева, Англия боится России, и китайское правительство, игнорируя российские требования, только способствует ее усилению⁶¹⁷. Китай же был настроен решительно, рассчитывая на бессилие англичан в сухопутном бою. Игнатьев писал по этому поводу: «Самонадеянность и самообольщение китайских сановников изумительны были бы, если бы можно было еще чему-нибудь изумляться относительно маньчжурского правительства и его представителей»⁶¹⁸. Уходя, Сушунь снова спросил, в каких отношениях Россия с Англией в настоящий момент, и получил ответ, что в дружественных, но не в союзе, который, однако, может быть оформлен, если упорство пекинских властей будет продолжаться в дальнейшем⁶¹⁹.

⁶¹⁶ Там же. Л. 405–405 об., 409 об.–410.

⁶¹⁷ Там же. Л. 405 об.–408.

⁶¹⁸ Там же. Л. 411 об.

⁶¹⁹ Там же. Л. 412.

Тем временем состояние англо-китайских отношений продолжало ухудшаться. Осенью 1859 г. последовала попытка мирным путем разрешить противоречия, но она была сведена к нулю из-за ранения английского офицера китайцами. Обе стороны продолжили собирать силы. Китайские войска под командованием родственника императора Сэнгэринчи укреплялись в Тяньцзине, где собралось порядка 10000 человек, настроенных весьма воинственно. Полководец, который собирался вернуться в Пекин в ноябре, остался со своим войском и заказал на собственные средства теплую одежду для их зимовки. Более того, он отдал приказ о постройке парохода с паровым двигателем, снятым с одного из разбитых английских судов (Игнатьев считал это исключительно показательной мерой для укрепления боевого духа). Как отмечал представитель России, главной целью китайского правительства было не допустить иностранцев к Пекину, добиваясь при этом мирного урегулирования всех споров. Сэнгэринчи, благодаря своей активной деятельности, добился еще большего расположения со стороны богдыхана. Его влияние было настолько велико, что некоторым из коллег он внушал большую опаску⁶²⁰. Российский посланник, желая предупредить все случайности, решил завести знакомство с таким важным государственным деятелем, но получил от него в ответ дружественное приветствие вместе с сожалением о невозможности встречи вплоть до окончания русско-китайских переговоров⁶²¹.

Антианглийские настроения в пекинском правительстве проявились и в возбуждении служебного расследования относительно деятельности министров Гуйляна и Хуашана во время подписания Тяньцзиньского трактата. Было установлено, что эти сановники не доложили богдыхану всего смысла заключенных ими договоров, вследствие чего их утверждение привело к ослаблению позиций Китая. Повергнутые форменному допросу на высочайшей аудиенции, они фактически признали свою вину. Хуашана, верный долгу чести, по возвращении домой заперся у

⁶²⁰ Там же. Л. 378–385.

⁶²¹ Там же. Л. 417–417 об.

себя в кабинете и отравился опиумом. Его коллега, человек преклонного возраста, попросил об отставке, но эта просьба не была удовлетворена⁶²².

Англия, в свою очередь, не собиралась бездействовать. Ее военные суда заняли несколько пунктов в Печелийском заливе, открыли торговлю и начали строительство зданий, сразу вызвавших подозрения в их отнюдь не мирном предназначении. Как доносил Н.П. Игнатьев в МИД, подобная диспозиция могла означать, что англичане приступают к морской блокаде Пекина⁶²³. Кроме того, английские суда постоянно курсировали по Печелийскому заливу, и их появление каждый раз вызывало военную тревогу⁶²⁴. Из Шанхая начали приходить известия, что военные действия иностранцев против Китая начнутся ранней весной. Распространялись слухи, что в Пекин англичане приведут с собой одного из предводителей тайпинов, чтобы посадить его на освободившийся престол⁶²⁵. В столице в связи с этим тоже были инициированы военные приготовления – на стенах выставлялись караулы, городские ворота были дополнительно укреплены. Сам богдыхан собирался в ходе боевых действий оставаться в столице для поднятия боевого духа своих подданных, хотя Игнатьев полагал, что он, скорее всего, сбежит при первой возможности⁶²⁶.

Внутреннее положение Китая также не вызывало оптимизма. На юге большие неприятности причиняли тайпины, которые уже начали приближаться к Пекину⁶²⁷. Финансовое положение Поднебесной империи было настолько угрожающим, что правительство прибегло к конфискации имущества самых богатых пекинских лавок⁶²⁸. Цены на товары, в особенности на рис, взлетели до небывалых высот⁶²⁹. Местное население выражало недовольство, проявлявшееся в самых различных

⁶²² Там же. Л. 422–423.

⁶²³ Там же. Л. 380 об.–382.

⁶²⁴ Там же. Л. 419 об.–420.

⁶²⁵ Там же. Л. 428.

⁶²⁶ Там же. Л. 428 об.–429.

⁶²⁷ Там же. Л. 380.

⁶²⁸ Там же. Л. 387–387 об.

⁶²⁹ Там же. Л. 431 об.

формах. Так, пекинские мальчишки распевали сатирическую песенку, которая, по слухам, была сочинена одним из высших китайских сановников:

Хромой богдыхан, больная богдыханша восседают на престоле!
 Один не приносит жертвы небу; другая не занимается шелководством!
 Три князя управляют государством и повсюду возмущение!
 Закричи только по-ослиному и будешь министром⁶³⁰!

Как полагал Игнатъев, именно непростая политическая ситуация вкупе с его собственной неуступчивостью сдвинули русско-китайские переговоры с мертвой точки. Он заявил Верховному государственному совету, что упрямство китайского правительства не приведет к благоприятным итогам, т.к. Россия, со своей стороны, также не собирается отступаться от заключенных ею договоров и способна «встать твердой ногой» на тех территориях, которые считает принадлежащими ей по праву⁶³¹. Российский посланник писал Е.П. Ковалевскому, что настойчивые требования России наконец возымели успех, предложения китайских уполномоченных стали гораздо скромнее, местные власти поколебались, но со свойственным им упорством продолжают сопротивляться, что, однако, не отменяет положительной динамики⁶³².

Итак, Н.П. Игнатъев прибыл в Пекин после проваленных своим предшественником переговоров и нанесенного китайскими войсками поражения англичанам при Дагу. Эти два фактора определяли высокомерное отношение китайского правительства к российскому уполномоченному и упрямство, с которым в Пекине были готовы сопротивляться требованиям других государств, в том числе и России. Причины, по которым правительство богдыхана отказывалось определить границу с Россией по р. Уссури, менялись раз от раза. Такое упорство вынуждало Н.П. Игнатъева в своих донесениях настаивать на применении в отношении Китая военной

⁶³⁰ Там же. I-5. Оп. 4. 1823 г. Д. 102. Л. 34–34 об.

⁶³¹ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 414 об.–415.

⁶³² Там же. Л. 416.

силы. В Петербурге воинственные призывы Игнатьева воспринимали спокойно и советовали ему настойчиво повторять запросы, оставаясь в Пекине.

§ 5. От незначительных улучшений – к прежнему положению. Отъезд

Н.П. Игнатьева из Пекина*

В конце января состоялось несколько заседаний Государственного совета, на которых присутствовали в том числе Сушунь и Сэнгэринчи⁶³³. Большинством голосов было решено по-прежнему отклонять требования России. В своих сообщениях Игнатьеву Совет заявлял об отсутствии у Ишаня полномочий для заключения Айгунского трактата, а результаты последних переговоров все так же не были доложены богдыхану⁶³⁴. Российский посланник предположил, что таким образом от него снова хотят отделаться отписками, и в своем ответе заявил, что обладание Россией территориями на Амуре и Уссури является свершившимся фактом, а основной вопрос заключается в проведении границы, в связи с чем необходимо утвердить давно составленную карту⁶³⁵. На это с китайской стороны, кроме уже высказанных причин отказа, последовало заявление, что Китай уступает России для заселения только левый берег Амура, а разрешенное Ишанем по Айгунскому трактату плавание русских судов по Амуру не входило в его компетенцию, и по этому вопросу можно встретить серьезное сопротивление местных жителей⁶³⁶. Согласно собранным агентурным сведениям, на заседании Совета Сэнгэринчи предлагал окончить решение всех спорных вопросов мирным путем, чтобы не вести войну одновременно с

* При подготовке данного параграфа диссертации использовались следующие публикации автора: *Сосна Н.А.* Амурский комитет и его роль в политике России на Дальнем Востоке во второй половине 1850-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 62–70.

⁶³³ Там же. Л. 478.

⁶³⁴ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 358.

⁶³⁵ Там же. Л. 358 об.–359.

⁶³⁶ Там же. Л. 359 об.

несколькими государствами, особенно настаивая не ссориться с Россией, для ведения сухопутных боевых действий с которой у Китая нет средств и возможностей⁶³⁷. Выступавшие далее Сушунь и Чжэнван (обер-полицмейстер), напротив, отвергали возможность нападения России, которая, по их мнению, не могла послать свои войска на Пекин через пустыню Гоби и в этом отношении являлась менее опасным врагом, чем Англия и Франция, которые в любой момент были готовы высадить десант и бросить его на столицу. Подобное убеждение было основано на докладе бывшего ургинского амбана, который говорил, что Восточная Сибирь очень неплотно заселена и располагает малым числом войск, в то время как «настоящая Россия» находится далеко от Китая. Развивая свою мысль, два сановника полагали, что в крайнем случае можно провести переговоры с российским посланником позднее, а в настоящее время Россия и так получила достаточно – на территориях, уступленных ей в Маньчжурии, находится очень много собольих промыслов, и вследствие этого привоз мехов в Пекин упал в 2 раза. Уступка же правого берега Уссури, который, согласно донесениям местных властей, также богат соболями, и вовсе поведет к тому, что весь пушной промысел будет под контролем русских. В конечном итоге было принято решение ни в коем случае не соглашаться на требования России вплоть до решения всех спорных вопросов с Англией и Францией⁶³⁸. Богдыхан это решение утвердил.

Раздосадованный Игнатъев по этому поводу писал: «Мирными переговорами ничего нельзя добиться теперь от китайского правительства, признающего одно только право – право сильного, одно убеждение, один довод – опасность и страх»⁶³⁹. В частном письме Е.П. Ковалевскому он отмечал, что еще в самом начале предсказывал подобный ход событий, но это все равно являлось слабым утешением. По его мнению, какого-либо успеха можно было достичь только при особо благоприятном стечении обстоятельств, что было маловероятно. Российский

⁶³⁷ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 481 об.

⁶³⁸ Там же. Л. 481 об.–483.

⁶³⁹ Там же. Л. 486.

посланник говорил: «Чтобы устроить наши дела желаемым образом и иметь возможность сохранить впоследствии дружественные отношения с китайцами, необходимо первоначально напугать их хорошенько или даже поколотить»⁶⁴⁰. Высказывая подобные убеждения, Игнатъев основывался на том, что скорое вмешательство англичан в дела Китая может привести к ухудшению русско-китайских отношений и началу боевых действий, сопряженных с огромными расходами, в то время как «небольшая ссора, – говорил он, – могла бы только сплотить нашу “200-летнюю дружбу”, заставить китайцев уважать и ценить нас»⁶⁴¹. Полное отсутствие влияния России на правительство в Пекине посланник объяснял тем, что оно совершенно не боится России и считает реальной угрозой только то нападение, которое направлено на столицу, и поэтому озабочено только тем, как удовлетворить «западных варваров»⁶⁴². В сложившейся ситуации Игнатъев видел наилучший вариант развития событий в том, чтобы англичане и французы «прижали бы сначала хорошенько китайцев и потом, при нашем участии, оказали бы внезапно миролюбие»⁶⁴³.

Когда донесения Н.П. Игнатъева достигли Петербурга, то император при прочтении заметил, что отправленные в середине января в Пекин новые инструкции, видимо, еще не прибыли по назначению⁶⁴⁴. 9 (21) января 1860 г. состоялось очередное заседание Амурского комитета, посвященное главным образом положению российского посланника в Китае, в связи с чем рассматривались следующие вопросы:

1) Следует ли оставить генерал-майора Игнатъева в Пекине до окончания несогласий между Китаем, Англией и Францией?

2) Или предписать ему выехать из Пекина и отправиться на Амур для ведения переговоров о разграничении с китайскими полномочными?

⁶⁴⁰ Там же. Л. 494–494 об.

⁶⁴¹ Там же. Л. 495.

⁶⁴² Там же. Л. 496–496 об.

⁶⁴³ Там же. Л. 497 об.

⁶⁴⁴ Там же. Л. 526.

3) В этом последнем случае, следует ли дополнить инструкции уже данные по этому предмету графу Муравьеву-Амурскому?

4) Каковы будут круг действий и объем власти генерал-майора Игнатьева на Амуре⁶⁴⁵?

В итоге комитет постановил, что в связи со всей неопределенностью положения российского посланника в Пекине, ему следует сделать китайскому правительству последние предложения относительно требований России и в случае отказа выехать из китайской столицы, отправиться к морю и пересечь на суда специально отправляемой с этой целью русской эскадры. При этом от Игнатьева требовали постоянно соотносить свои действия с действиями англичан и французов, стараться склонить американцев к совместной работе и ни в коем случае не принимать участия в военных действиях, демонстрируя свое наблюдательное положение, а также следить за тем, чтобы условия, предлагаемые иностранцами китайским уполномоченным, не противоречили русским интересам, и попытаться при благоприятных условиях снова заявить о себе и возобновить собственные переговоры. Напротив, в случае согласия на все предъявленные требования посланник должен был остаться в Пекине и заявить о своем желании помочь китайской стороне в урегулировании споров с европейцами⁶⁴⁶. Б.Н. Болгурцев отмечает, что идея отправить к побережью Китая отдельную эскадру принадлежала молодому адъютанту великого князя Константина Николаевича капитану 1 ранга И.Ф. Лихачеву, а тяжелое положение Игнатьева стало поводом к ее осуществлению⁶⁴⁷. По нашему мнению, столь категоричное утверждение не вполне справедливо. Безусловно, отправка военных судов была необходима сама по себе для упрочения влияния России на Дальнем Востоке и освоения морского побережья, которое после 1858 г. считалось российским, но в то же время эта мера в данном случае носила и утилитарный характер – вопросы, которые должен был

⁶⁴⁵ Там же. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 494. Л. 36–36 об.

⁶⁴⁶ Там же. Д. 495. Л. 36–39 об.

⁶⁴⁷ *Болгурцев Б.Н.* Русский флот на Дальнем Востоке ... С. 30–31.

решить российский посланник в Китае, были очень серьезны и разнообразны, от успеха его переговоров зависело не только приобретение портов, но и вообще проведение границы, и по этой причине пребывание Игнатьева на эскадре должно было действительно помочь ему выйти из затруднительного положения, особенно учитывая то обстоятельство, что все его зарубежные коллеги уже имели в своем распоряжении морские силы. Стоит сказать, что идея отправки в Китай русской эскадры вызвала в Амурском комитете жаркие прения. Великий князь Константин Николаевич записал в дневнике 9 (21) января: «Я тут сделал свое предложение вследствие третьеводнешнего разговора с Лихачевым, что Горчакову, кажется, очень не понравилось, и он поэтому всячески мешал, но Саша (император Александр II – *Н.С.*) тут же поддержал мою мысль»⁶⁴⁸. 12 (24) января Константин Николаевич отправил Игнатьеву письмо, в котором уведомлял его о принятом решении и просил любым путем связаться с капитаном Лихачевым в марте-апреле через Шанхай для ускорения хода дел. При этом было указано, что эскадра в дальнейшем будет находиться в его полном распоряжении⁶⁴⁹. Все остальные постановления Амурского комитета были изложены Игнатьеву в виде дополнительной инструкции от 12 (24) января, с приложением копии журнала соответствующего заседания⁶⁵⁰.

Получив распоряжения из Петербурга, Игнатьев отмечал, что в столице начали сознавать все сложности его положения и стали принимать активные меры для его улучшения. С другой стороны, посланник сомневался, что в Пекине захотят легко пропустить его на русскую эскадру, и сожалел, что ему запрещено выехать на Амур для продолжения переговоров о разграничении. Он говорил также, что в случае полной уверенности в прибытии военных кораблей к берегам Китая еще в начале своего пребывания в Пекине возможно было бы беспрепятственно покинуть этот город, отправиться в Приамурье и ждать прибытия эскадры на побережье, что он и

⁶⁴⁸ Дневники великого князя Константина Николаевича ... С. 147.

⁶⁴⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 345–345 об.

⁶⁵⁰ Там же. Ф. 133. Оп. 469. 1860 г. Д. 138. Л. 1–3.

собирался сделать сразу по получении инструкций, но, рассчитав время, был вынужден отказаться от этой идеи⁶⁵¹. В сложившейся ситуации Игнатъев рассматривал 4 возможных пути дальнейшего развития событий:

1) китайское правительство может отказать ему в выезде из Пекина под предлогом подготовки к ведению боевых действий с Англией и Францией;

2) китайское правительство может заявить, что ему было бы удобнее, чтобы он ехал в Бэйтан через Кяхту;

3) если даже ему удастся исполнить все инструкции, иностранные представители могут отказаться от его посредничества, и тогда он останется простым наблюдателем;

4) может случиться, что он останется на борту одного из кораблей в полной политической изоляции, а китайское правительство, вняв инсинуациям иностранцев, может отказаться вести с ним дальнейшие переговоры и запретить возвращение в Пекин⁶⁵².

Кроме того, из донесений своих агентов российский посланник смог выяснить, что в Пекине находятся в полном неведении относительно того, как дальше вести себя с ним. С одной стороны, его не могут попросить отправиться обратно в Кяхту, т.к. это означает разрыв отношений и начало военных действий, с другой – по-прежнему не намерены соглашаться на предъявляемые требования⁶⁵³. Прочитав изложенные выше соображения Игнатъева, Александр II наложил на них следующую резолюцию: «Надо сказать, что его положение непростое. Но надо надеяться, что он сможет выйти из него с достоинством и в конечном итоге защитит наши интересы»⁶⁵⁴.

Таким образом, после очередных безуспешных попыток наладить переговоры с китайским правительством главной задачей Игнатъева стала демонстрация недовольствия России путем выезда посланника из Пекина и его переезда на русскую эскадру. Еще 9 (21) февраля он написал письмо, адресованное условному командиру

⁶⁵¹ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 535–535 об.

⁶⁵² Там же. Л. 541–542.

⁶⁵³ Там же. Л. 537.

⁶⁵⁴ Там же. Л. 539.

русского судна в Печелийском заливе (т.к. на тот момент он не знал имени командира) и предписывавшее ему выехать из Шанхая в Бэйтан с началом открытия навигации⁶⁵⁵. По стечению обстоятельств это письмо попало в руки И.Ф. Лихачева, который по своем прибытии уведомлял Игнатьева 24 марта (5 апреля), что он намерен постепенно формировать будущую эскадру из судов как Амурской флотилии, так и находящихся в Японии, но уже через месяц планирует прибыть в Бэйтан по крайней мере с одним пароходом, после чего отправиться в Пекин для представления своему непосредственному начальнику⁶⁵⁶. Позже командир эскадры сообщил, что сбор судов затягивается, поэтому он отправляет к посланнику для его целей зафрахтованный частный пароход, на котором в том числе находилась почта из Петербурга, а сам остается до решения всех насущных вопросов в Шанхае⁶⁵⁷. По пути в Печелийский залив Лихачев зашел в гавань Посьета и 12 (24) апреля высадил там десант для основания русского поста. Эта самоуправная мера могла в сложившейся международной обстановке вызвать неожиданные проблемы и связанное с этим неудовольствие правительственных кругов Петербурга, но в связи с установившейся линией на проведение на Дальнем Востоке твердой политики этого не произошло. Мы можем опровергнуть утверждение специально занимавшегося деятельностью лихачевской эскадры Б.Н. Болгурцева, что первым об этом событии узнал Н.Н. Муравьев-Амурский⁶⁵⁸, т.к. в начале мая Игнатьев писал своему подчиненному: «Ваши распоряжения удостоены будут, вероятно, полного одобрения его императорского высочества генерал-адмирала. Занятие Новгородской гавани было весьма важно для нас»⁶⁵⁹. Соответствующие известия он немедленно переслал Константину Николаевичу⁶⁶⁰, который высказался о поступке своего адъютанта

⁶⁵⁵ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 371–372.

⁶⁵⁶ Там же. Л. 391–392 об.

⁶⁵⁷ Там же. Л. 396–396 об.

⁶⁵⁸ *Болгурцев Б.Н.* Роль первой самостоятельной тихоокеанской эскадры ... С. 8.

⁶⁵⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 409.

⁶⁶⁰ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 204.

следующим образом: «Ты совершеннейший молодец, я обнимаю тебя мысленно от всей души!»⁶⁶¹. Наконец, 29 апреля (11 мая) Лихачев прибыл в Бэйтан, где не нашел посланный им пароход (позже выяснилось, что он потерпел кораблекрушение⁶⁶²) и начал добиваться высадки на берег офицера, который отправится в Пекин уведомить посланника о прибытии части эскадры и готовности принять его на борт⁶⁶³. Как местные власти на побережье, так и центральное правительство чинили препятствия для сообщения между этими двумя пунктами. Командиру эскадры с трудом удалось отправить китайского курьера с бумагами, а Игнатъев был вынужден снова вступить в переписку с Верховным государственным советом, чтобы ему было дозволено эти бумаги получить и отправить к морю одного из миссионеров в качестве переводчика для незнакомых с китайским языком русских моряков. В своем письме, ссылаясь на трудности, дипломат сообщал Лихачеву, что он прибудет на эскадру при первой возможности, а на вопросы иностранных представителей рекомендовал отвечать, что известно только намерение русского посланника выехать из Пекина, а когда точно это произойдет – неясно, т.к. в настоящий момент он не здоров⁶⁶⁴. Так Игнатъев стремился сохранить в глазах своих коллег-дипломатов соответствующее его статусу достоинство, не давая им знать о тех сложностях, которые возникают у него при решении таких, казалось бы, простых вопросов.

Чтобы иметь весомый повод для своего отъезда, Игнатъев обратился в Совет 8 (20) мая с нарочито резким требованием окончательного ответа по вопросу о признании Айгунского трактата и утверждения пограничных карт, понимая, что ответ будет отрицательным. Вместе с тем он стал готовиться к отъезду. Получив ожидаемый отказ, посланник уведомил китайское правительство, что собирается покинуть Пекин 16 (28) мая. Прибывшие в подворье чиновники сообщили, что соответствующие распоряжения уже сделаны, но в то же время Сушунь не собирается выпускать

⁶⁶¹ Цит. по: *Болгурцев Б.Н.* Роль первой самостоятельной тихоокеанской эскадры ... С. 8–9.

⁶⁶² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 436.

⁶⁶³ Там же. Л. 404.

⁶⁶⁴ Там же. Л. 404, 409 об.

русского дипломата. Игнатъев проигнорировал эту информацию и в ответ просил назначить особого чиновника для его сопровождения⁶⁶⁵. Он был готов осуществить задуманное любыми путями, включая вооруженный отпор попыткам задержки. 16 (28) мая, разыграв своеобразное представление со сломавшимися вещевыми повозками, которые застряли в городских воротах, не давая им закрыться, российский посланник без опознавательных знаков, на простой лошади, покинул Пекин и, дождавшись своих подчиненных, отправился к морю⁶⁶⁶. 21 мая (2 июня) он уже поднимался по трапу клипера «Джигит». 11-месячное безрезультатное пребывание в столице Срединного государства завершилось.

Относительно перспектив дальнейшего пребывания в Китае Игнатъев также не испытывал оптимизма. Он в очередной раз повторял, что китайцы не боятся России, и только поэтому ведут себя так заносчиво⁶⁶⁷, а в частном письме Е.П. Ковалевскому высказывался еще более определенно: «Не знаю, что ожидает меня при исполнении второй половины возложенного на меня поручения – в Печелийском заливе, но полагаю, что успеха быть не может. Вероятно, нам придется или считать пограничный вопрос решенным фактическим занятием спорного края и довольствоваться до времени высказанным Верховным советом сознанием, что уступка нового края действительно была утверждена богдыханом, но что он не может теперь подтвердить эту уступку потому, что гиринский генерал-губернатор сделал доклад о невозможности уступить нам земли по р. Уссури и Суйфынь, ссылаясь на мнимое сопротивление местных жителей, или же выжидать более благоприятного момента для возобновления переговоров, рассчитывая заблаговременно, что предложения наши должны быть подкреплены демонстрациями на границе, и не теряя также из виду, что вопрос этот может усложниться самым неожиданным образом»⁶⁶⁸. На одном из донесений Игнатъева, отправленных в то время, Александр II написал: «Хотя

⁶⁶⁵ Там же. Л. 420–421.

⁶⁶⁶ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 223–224.

⁶⁶⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 422.

⁶⁶⁸ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 612 об.–613.

хорошего немного, но мне кажется, что Игнатъев видит все слишком в черном»⁶⁶⁹. Иную точку зрения излагал в одном из писем в Петербург начальник Пекинской духовной миссии архимандрит Гурий. Не отрицая всех сложностей взаимодействия с китайским правительством и разделяя точку зрения Игнатъева о необходимости поддержки выдвинутых требований силой, он в то же время обращал внимание на то, что посланнику удалось добиться крайне важного фактического признания присоединения к России территорий на Дальнем Востоке, в то время как отказ от заключения нового официального договора или ратификации Айгунского можно списать исключительно на мелочность китайцев⁶⁷⁰. «Взгляд его нахожу весьма справедливым», – отреагировал император⁶⁷¹.

Итак, на рубеже 1859–1860 гг. в положении Н.П. Игнатъева в Пекине, вследствие нескольких проведенных им дипломатических демаршей, наметились улучшения. Китайские уполномоченные Сушунь и Жуйчан стали общаться с представителем России более вежливо и дружелюбно, что дало ему повод надеяться на успешное решение поставленных задач. В Петербурге, по рассмотрении прежних донесений из Китая, проникнутых безысходностью сложившейся ситуации, разрешили уполномоченному выехать из столицы Поднебесной и сесть на одно из суден специально отправляемой в Печелийский залив российской эскадры в том случае, если его дальнейшие действия не будут иметь результата. Поскольку после незначительного «потепления» по отношению к Игнатъеву китайское правительство продолжило прежнюю тактику отказов, он решил воспользоваться предоставленной возможностью и в середине мая выехал из Пекина в сторону морского побережья.

Дальнейшие действия Игнатъева были связаны с возобновлением военных действий в ходе второй «опиумной» войны. Его основная задача в этом контексте заключалась в том, чтобы играть роль посредника между конфликтующими

⁶⁶⁹ Там же. Л. 594.

⁶⁷⁰ Там же. Л. 614–615.

⁶⁷¹ Там же. Л. 614.

сторонами. Как именно решалась и насколько успешно была решена данная задача, пойдет речь ниже.

По результатам данной главы можно сделать следующие выводы:

1) Отправление Н.П. Игнатьева в Китай было обусловлено желанием России иметь в Пекине полноценного дипломатического представителя взамен временно исполнявшего эти обязанности пристава Российской духовной миссии П.Н. Перовского, а также необходимостью исполнить данное Е.В. Путятиным обещание отправить Цинской империи военную помощь в виде вооружения и офицеров-инструкторов. Таким образом, изначально Н.П. Игнатьев должен был получить двойные обязанности – российского посланника при пекинском дворе и начальника инструкторов с правами командира дивизии. Вернувшийся недавно из трудной поездки в Хиву и Бухару Игнатьев пытался отговориться от нового поручения своей дипломатической неопытностью и приобретенными в Средней Азии проблемами со здоровьем. Но эти аргументы были отклонены, т.к. в его компетентности были уверены многие представители российского правительства и крупные дипломаты.

2) Военная составляющая миссии Игнатьева была отменена ввиду того, что китайское правительство, согласившееся под давлением Е.В. Путятина на прием российских военных инструкторов, позже отказалось от этой части российской помощи (кроме доставки оружия). В дальнейшем Игнатьев задержал отправленное вооружение в Восточной Сибири в обмен на лояльность Пекина в отношении других требований России. Таким образом, миссия оставалась исключительно дипломатической, ее состав был сокращен.

3) Главной задачей Игнатьева, также как и у его предшественников, оставалось окончательное юридическое оформление русско-китайской границы, в особенности ее проведение по р. Уссури. Кроме этого, российский уполномоченный должен был решить ряд других вопросов, таких как предоставление дополнительных преимуществ российской сухопутной торговле, открытие новых консульств и т.д. Эти

задачи почти полностью повторяли вторую часть поручений П.Н. Перовского, данных ему помимо обмена ратификациями Тяньцзиньского трактата.

4) Н.П. Игнатъев оказался в Пекине в неблагоприятное время – после провала переговоров своего предшественника и победы, одержанной китайскими войсками над англичанами возле Дагу. Эти два обстоятельства обусловили надменность китайского правительства и его уверенность в способности отразить любое нападение и сопротивляться новым требованиям других государств. В Пекине отказывались от окончательного утверждения новой границы в Уссурийском крае и даже от ратификации Айгунского договора, определявшего пограничную реку Амур. Причины этих отказов постоянно менялись. Налицо был очередной поворот в настроении, а следовательно, и в политике китайского правительства.

5) Такое упорство китайской стороны раздражало Н.П. Игнатъева. Будучи в первую очередь военным, а не дипломатом, он предлагал оказать на Китай вооруженное давление. Подтверждение этой мысли можно найти в его письме к отцу: «Бог с Вами, – скажу я Министерству иностранных дел, – я не дипломат, а солдат, дайте мне лучше ранец, я уже и так слишком много (для солдата) для Вас поработал»⁶⁷². Действительно, с одной стороны, без малого годовое пекинское сидение Игнатъева не принесло никакого «материального» результата, но с другой – он успел хорошо изучить нравы китайских сановников и манеру их деятельности, его уверенное и настойчивое поведение, в отличие, например, от американского представителя, внушало уважение. Несмотря на то что у него часто опускались руки, российский посланник проявил должную выдержку и терпение. При всем несогласии с методами МИД он продолжал четко исполнять данные ему инструкции, оставаясь прежде всего слугой Отечества, верным своему долгу.

6) В Петербурге заявления о безысходности положения и военные призывы Игнатъева воспринимали спокойно и рекомендовали ему не видеть все настолько в

⁶⁷² ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4484. Л. 343.

черном свете. Изначально ему приказывали оставаться в Пекине независимо от ситуации и продолжать настойчиво добиваться поставленных целей. Но ввиду новых неутешительных донесений собравшийся в январе 1860 г. Амурский комитет позволил российскому уполномоченному в случае прежнего упорства китайского правительства выехать из Пекина и отправиться на судно специально отправляемой в Печелийский залив по этому случаю российской эскадры.

Глава 3. Неожиданный успех. Второй период деятельности миссии

Н.П. Игнатъева в Китае

Данная глава посвящена анализу действий Н.П. Игнатъева со времени его прибытия на русскую эскадру в Печелийском заливе – переговорам с китайцами и европейцами с целью добиться посреднической роли в разрешении их конфликта, обстоятельствам, обусловившим успешное решение этой задачи, заключению Пекинского договора и отъезду российского представителя из Китая, где он провел без малого полтора года.

§ 1. От Бэйтана до Тяньцзиня. В поисках решения

Как считают А.М. Бутаков и А.Е. Тизенгаузен, отбив атаку англо-французов в битве при Дагу, китайское правительство грубо нарушило Тяньцзиньский трактат, в результате чего оскорбление флагов соответственно Англии и Франции требовало удовлетворения, сильное давление оказывало общественное мнение, поэтому возобновление второй «опиумной» войны было неизбежно. Англичане собирались снарядить сильный экспедиционный корпус, однако их планы не были чересчур воинственными, т.к. часть правительственных кругов выступала за осторожную тактику, предполагаемая атака заканчивалась в Тяньцзине. Большой бравадой отличались устремления Франции, которая хотела непременно взять Пекин⁶⁷³. Однако обе державы готовы были прекратить военные действия в случае принятия Китаем новых мирных условий.

Подобного поворота событий Н.П. Игнатъев ожидал уже спустя месяц после своего прибытия в Пекин. Тогда же он отметил, что требования, которые будут предъявлены Китаю, окажутся гораздо серьезнее тяньцзиньских⁶⁷⁴. В связи с этим

⁶⁷³ Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е. Обзор войн европейцев ... С. 212.

⁶⁷⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 117–117 об.

посланника беспокоило, что англичане в любом случае будут подозревать Россию в противодействии, употребляя расхожую фразу «*russian machinations in Asia*»⁶⁷⁵, и он в донесении А.М. Горчакову предлагал доказывать, что подобные ошибочные заявления преднамеренны. Игнатъев также считал, что военные действия возобновятся не ранее весны 1860 г., и оказался совершенно прав⁶⁷⁶.

Осенью 1859 г. МИД прислал Игнатъеву соответствующие известия из европейских столиц. Ф.И. Бруннов доносил из Лондона, что Британский Кабинет настаивает на немедленном и решительном действии при первом же отказе от предъявленных требований⁶⁷⁷, в то время как П.П. Убри из Парижа писал о желании французского правительства попытаться разрешить спор мирными переговорами⁶⁷⁸. Для ведения этих переговоров с обеих сторон были назначены искусные дипломаты, имевшие большой опыт действий в Китае во время заключения Тяньцзиньских трактатов – лорд Элгин и барон Гро. Были определены и главнокомандующие – генералы Хоуп Грант и Монтобан⁶⁷⁹ сухопутными силами, а адмиралы Хоуп и Шарнер – флотами⁶⁸⁰. В этой связи А.М. Горчаков велел объявить, что Россия будет придерживаться нейтралитета, но вполне понимает желание Англии и Франции наказать обидчиков, в то же время, по мнению канцлера, взятие Пекина крайне нежелательно, т.к. может привести к дестабилизации внутренней ситуации в Китае⁶⁸¹. Но в окончательном успехе действий не сомневались ни российский МИД⁶⁸², ни сами союзники, т.к. он совершенно очевидно был обусловлен внутренним состоянием

* Российские махинации в Азии (*англ.*)

⁶⁷⁵ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 140–140 об.

⁶⁷⁶ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 140–141.

⁶⁷⁷ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 278–278 об.

⁶⁷⁸ Там же. Л. 318.

⁶⁷⁹ В январе 1860 г. Е.В. Путятин отправил Н.П. Игнатъеву письмо, в котором рекомендовал быть в добрых отношениях с генералом Монтобаном, особенно в условиях хороших взаимоотношений России и Франции. (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 341–341 об.)

⁶⁸⁰ Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е. Обзор войн европейцев ... С. 213, 215, 218, 221.

⁶⁸¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 355 об.

⁶⁸² Там же. Л. 254.

потенциального противника⁶⁸³. Игнатъев писал в Петербург 13 (25) мая, что «богдыхан ведет теперь, как слышно, самую разгульную жизнь: для его увеселения собрали в Хайдяне самых лучших актеров с разных театров; почти каждый день он напивается допьяна и тогда плачет и требует у первого попавшегося на глаза евнуха совета как устроить государственные дела и отделаться от мятежников и разных варваров»⁶⁸⁴.

В начале февраля Игнатъев доносил, что, по его сведениям, союзные экспедиции будут в Китае не позже середины марта⁶⁸⁵. Эти сведения были верны. Выбрав опорными базами Шанхай и Кантон, войска начали готовиться к вторжению. В Шанхай прибыли главнокомандующие, вместе с ними находились английский уполномоченный Брюс и французский Бурбулон, о чем российскому посланнику сообщил И.Ф. Лихачев⁶⁸⁶. Таким образом, в этом городе сформировался своеобразный «мозговой центр» будущей операции. Именно туда Игнатъев отправился сразу по прибытии на русскую эскадру в конце мая 1860 г., аргументировав это тем, что военные действия союзников в любом случае не начнутся раньше середины июня. При встрече с англо-французской эскадрой в пути он планировал вернуться в Бэйтан вместе с ней, в противном случае – договориться о будущих действиях в Шанхае и снова оказаться в Печелийском заливе раньше начала операции⁶⁸⁷.

4 (16) июня Игнатъев прибыл в Шанхай и разместился в доме американского купца Хёрда, который незадолго до этого, по представлению Е.В. Путятина, был назначен российским консулом⁶⁸⁸. В день прибытия Игнатъев смог наконец встретиться с американским посланником Уордом. Последний, по распоряжению своего правительства, заявил, что готов действовать в полном согласии с российским

⁶⁸³ Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е. Обзор войн европейцев ... С. 213.

⁶⁸⁴ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 1. Л. 609.

⁶⁸⁵ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 361.

⁶⁸⁶ Там же. Л. 392.

⁶⁸⁷ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 2–2 об.

⁶⁸⁸ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 258.

коллегой, но в то же время инструкция предписывает ему оставаться в Печелийском заливе и не вмешиваться в разворачивающиеся военные действия. Как доносил в Петербург Игнатъев, Уорд был крайне недоволен распоряжениями о порядке своей деятельности, опасался, что по пути в Пекин будет находиться в свите англичан и французов и это выставит его в неприглядном свете, в то время как в город он может и вовсе не попасть. Американец полагал, что интересы его державы нисколько не будут затронуты настоящими событиями, в отличие от России, и, не испытывая оптимизма относительно перспектив развития событий, собирался вернуться на родину к очередным президентским выборам. В свою очередь, российский посланник убеждал своего коллегу, что нынешние действия Англии сильно вредят и САСШ, что его присутствие, наоборот, необходимо для защиты американских интересов. Уговоры произвели на Уорда впечатление. Спустя несколько дней он заявил, что, по его мнению, для обеспечения твердой позиции российского и американского посланников необходимо наличие совместной крупной эскадры и он готов запросить в Вашингтоне до 10 военных судов⁶⁸⁹. Игнатъев ответил, что он на данный момент не может дать утвердительного ответа, но уверен, что предложение американской стороны будет поддержано в Петербурге. Действительно, на соответствующем донесении Александр II оставил пометку: «И я то же полагаю»⁶⁹⁰. Чтобы продемонстрировать американцам стремление России выступать с ними заодно, российский посланник даже предлагал своему правительству разрешить их военным судам пользоваться недавно полученными Россией дальневосточными портами в качестве военных баз, однако это было слишком серьезное решение и его принятие затягивалось⁶⁹¹.

На следующий день после прибытия в Шанхай Игнатъев встретился с английским и французским уполномоченными – Брюсом и Бурбулоном. Игнатъев так

⁶⁸⁹ Там же. Л. 26–29 об.

⁶⁹⁰ Там же. Л. 28 об.

⁶⁹¹ Там же. Л. 29.

описывает впечатления от этой встречи: «Брюс был образованный и умный дипломат, но исполненный великобританских предубеждений и самомнения, притом крайне вспыльчивый, высокомерный и раздражительный. Бурбулон – чиновник бесцветный, преклонявшийся перед величием Англии, дороживший своим местом и содержанием и находившийся под башмаком своей кокетливой, предприимчивой и энергической жены»⁶⁹². Игнатъев сумел установить с обоими хорошие отношения, но постоянно сталкивался с предубеждением относительно политики России, которое считал нужным свести к минимуму. Он также доносил в Петербург, что английский уполномоченный оказывает серьезное влияние на французского, что сильно усложняло ситуацию⁶⁹³.

Союзники ничего не знали о ходе русско-китайских пограничных переговоров, имея в своем распоряжении только немногословные материалы пекинской газеты и доходящие до Шанхая разнообразные слухи⁶⁹⁴. Соответственно, Брюс и Бурбулон были крайне заинтересованы в получении актуальной информации – они спрашивали Игнатъева, правдивы ли известия о том, что китайское правительство отказало России во всех вопросах о разграничении. Российский посланник уклончиво ответил, что сложности возникли только в ходе утверждения уже принятых решений⁶⁹⁵. Для того чтобы избавиться от лишних вопросов и уменьшить подозрительность своих оппонентов, он отправил обоим официальное письмо, в котором излагал основные распоряжения, полученные им от собственного правительства. Особое внимание акцентировалось на том, что Игнатъев намерен только наблюдать за происходящим, сохраняя полный нейтралитет; что единственная возможность его вмешательства – это принятие на себя роли посредника для урегулирования конфликта; что Россия не участвует в военных действиях потому, что Китай не нарушил заключенного с ней

⁶⁹² *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 245.

⁶⁹³ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 11.

⁶⁹⁴ *Quested R.K.I.* The Expansion of Russia ... P. 227.

⁶⁹⁵ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 31 об.–32.

Тяньцзиньского трактата, но вместе с тем мотивы действий союзников ей вполне понятны. В конце письма значилось, что все европейские державы должны воздействовать на Китай совместно, чтобы соблюдались все заключенные двусторонние договоры. Кроме того, Игнатъев выражал уверенность, что тяжелый урок, который англо-французская операция преподнесет китайцам, сможет их образумить⁶⁹⁶. Брюс и Бурбулон поблагодарили российского посланника за четкое определение своей позиции и переслали усматривать в нем скрытую опасность⁶⁹⁷.

Игнатъев с удовлетворением отмечал, что между союзниками не наблюдается твердого согласия, а план их действий не идеален. Как Брюс, так и Бурбулон были недовольны уменьшением своей роли и назначением специальных дипломатов для заключения возможного мирного договора с Китаем, при этом французский уполномоченный активно критиковал собственное правительство за непоследовательность в действиях⁶⁹⁸. Позднее оказалось, что лорд Элгин и барон Гро также не одобряли действий своих предшественников⁶⁹⁹. Российский посланник размышлял: «Я вообще пришел к заключению, что, несмотря на враждебное расположение к нам Брюса, приезд Гро и Эльджина из Европы для нас неблагоприятен и что мне несравненно легче было бы охранять наши интересы, если бы они не приезжали сюда, в особенности потому, что без них не было бы большого согласия в действиях и видах обеих союзных экспедиций»⁷⁰⁰. Действительно, военные планы Англии и Франции были различны, что проявилось на специальном совещании главнокомандующих, состоявшемся 18 (30) июня. В итоге было принято решение о высадке десанта рядом с фортами в Дагу в разных местах, общим оставалось только направление атаки⁷⁰¹. Англичане полагали, что французы стесняют их своей

⁶⁹⁶ *Cordier H.* L'expédition de Chine de 1860 ... P. 208–210.

⁶⁹⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 453–456.

⁶⁹⁸ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 11.

⁶⁹⁹ Там же. Л. 33.

⁷⁰⁰ Там же. Л. 34.

⁷⁰¹ *Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е.* Обзор войн европейцев ... С. 239.

медлительностью и нерешительностью, поскольку, как заявил Брюс Игнатьеву на одной из встреч, Англия хочет закончить дело быстро и решительно с целью добиться максимально возможной компенсации издержек, понесенных прошлогодним поражением и снаряжением нынешней экспедиции⁷⁰². Все сложности, возникшие у Франции при формировании экспедиционного корпуса, вызывали с английской стороны злые насмешки⁷⁰³.

Приезд в Шанхай лорда Элгина и барона Гро действительно изменил ситуацию – они с течением времени смогли уговорить главнокомандующих действовать сообща⁷⁰⁴. С другой стороны, подтвердились и опасения Игнатьева. Французский дипломат, которого он характеризовал как «почтеннейшего, любезного и доброго человека»⁷⁰⁵, при первой встрече действовал с русским посланником в той же доброжелательной манере, что и с Е.В. Путятиным в 1858 году, но уже через несколько дней заявил, что выступает против присутствия представителей нейтральных держав при операции союзников против Китая⁷⁰⁶. В такой перемене настроений Игнатьев видел несомненное влияние лорда Элгина. По его мнению, он представлял из себя удивительно умного и деятельного человека, который на самом деле управлял всеми делами союзников, а остальные находились у него в подчинении⁷⁰⁷. Заявление Гро в самом деле можно считать инспирированным, т.к. спустя некоторое время Брюс передал российскому посланнику твердое пожелание английской стороны о прибытии нейтральных представителей только после окончания всех дел союзников с Китаем⁷⁰⁸. На одной из личных встреч с Игнатьевым Элгин заявил, что главная его цель – учреждение в Пекине твердого правительства, которое могло бы справиться как с внутренними врагами, так и с произволом других

⁷⁰² АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 11 об.

⁷⁰³ Там же. Л. 34 об.

⁷⁰⁴ Там же. Л. 71–71 об.

⁷⁰⁵ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 251.

⁷⁰⁶ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 33–33 об.

⁷⁰⁷ Там же. Л. 74.

⁷⁰⁸ Там же. Л. 35 об.–36 об.

государств, в числе которых явно подразумевалась и Россия⁷⁰⁹. В этой связи российский дипломат писал в Петербург: «Не могу не высказать Вам глубокого убеждения моего, что английская громадная экспедиция – это повторение дела в Греции об удовлетворении Пачифико, и в сущности направлена несравненно более против нас, нежели против Китая. Англия решилась сокрушить одним ударом то влияние, которое, по мнению европейцев, мы приобрели в Пекине долголетними усилиями, и утвердить взамен всеобладающее покровительство Англии в Китае и остановить ожидаемые дальнейшие попытки наши распространить территориальные приобретения наши на крайнем Востоке»⁷¹⁰. Для укрепления своих позиций англичане даже подкупили уполномоченного, высланного из Пекина для переговоров с ними. Он писал все донесения в столицу под диктовку Брюса⁷¹¹.

Поскольку Игнатьеву не удалось договориться с англичанами и французами о своем посредничестве, он заявил, что примет на себя эту роль только по запросу самих союзников, но одновременно с этим отправил в Бэйтан вместе с американским посланником статского советника Татаринова с бумагами двух дипломатов в Верховный государственный совет, в которых они высказывали свое намерение сохранять нейтралитет и предлагали посреднические услуги⁷¹². Больше ничто не удерживало российского посланника в Шанхае, к тому же за неполный месяц он успел устать от этого города. «Шанхай начинает сильно надоедать мне. Дурной климат: сильная жара, сильные ветры и сырость вечерняя и натянутый образ жизни», – писал он своему отцу⁷¹³. Договорившись с Уордом о дате совместного прибытия в Печелийский залив, Игнатьев 22 июня (4 июля) выехал в сторону Японии. «Заехав на несколько дней в Нагасаки, я буду, по крайней мере, иметь понятие о Японии и наших сношениях с японцами, не удаляясь в то же время слишком от Печелийского залива,

⁷⁰⁹ Там же. Л. 74 об.

⁷¹⁰ Там же. Л. 164 об.

⁷¹¹ Там же. Л. 61–61 об.

⁷¹² Там же. Л. 36 об.–38.

⁷¹³ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 251.

где мое присутствие может внезапно понадобиться», – объяснял он свое решение⁷¹⁴. В Нагасаки Игнатъев пробыл 4 дня, осматривая город и его население, которое оставило у него благоприятное впечатление: «Японцы мне очень понравились. Нельзя сравнить Японию с Китаем и японцев с китайцами. В Японии всякий дипломат согласится прожить 11 месяцев, тогда как любого пригласил бы я прожить 11 месяцев в Пекине и уверен, что через месяц будет проситься вон, отказываясь от продолжения»⁷¹⁵. Покинув гостеприимную Японию, российский посланник 3 (15) июля снова оказался в Печелийском заливе напротив Бэйтана, где его уже ожидал американский коллега.

По прибытии Игнатъев получил известия о том, что А.А. Татаринову удалось передать в Пекин только его бумагу с предложением посредничества, бумагу американца китайские чиновники брать отказались. Раздосадованный Уорд отказался от повторной попытки и просил российского посланника не распространяться об этом случае, чтобы не уронить собственного достоинства⁷¹⁶. Вскоре пришел отрицательный ответ и на предложение Игнатъева⁷¹⁷. Положение представителей двух нейтральных держав оставалось неопределенным.

Тем не менее Игнатъев должен был продолжать контактировать с англичанами и французами, чтобы иметь возможность в будущем принять участие в решении спорных вопросов. С течением времени между лордом Элгином и бароном Гро разногласия усугубились. Представитель Франции склонялся к ведению мирных переговоров, на которые возлагал большие надежды, рассчитывая на испуг китайцев после прибытия крупных сил союзников⁷¹⁸. Английский дипломат, в свою очередь, был уверен в необходимости боевых действий с целью вынудить китайское правительство принять самые жесткие условия. Элгин особо настаивал на учреждении

⁷¹⁴ Там же. С. 262.

⁷¹⁵ Там же. С. 263.

⁷¹⁶ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 62 об.–63.

⁷¹⁷ Там же. Л. 72.

⁷¹⁸ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 461.

в Пекине должности постоянного английского министра-резидента и, чтобы иметь серьезный повод для своего требования, интересовался у Игнатьева, какое положение тот занимал в Пекине⁷¹⁹. Он прямо заявлял о том, что «если не будет находиться постоянный дипломатический агент в Пекине, то Англия будет поставлена, против собственного желания, в необходимость периодически прибегать к войне, чтобы заставить китайцев соблюдать постановления трактатов»⁷²⁰. Противоречия проявились и в требованиях о контрибуции, запросы англичан в этом вопросе казались французам излишними. Российский посланник в данной ситуации был расположен к общению с бароном Гро, который был с ним вежлив и более откровенен, они договорились о совместных действиях в Китае по образу и подобию хороших русско-французских отношений в Европе⁷²¹. По этой причине Игнатьев принял приглашение посетить французский укрепленный лагерь в Чифу⁷²², что вызвало недовольство Элгина⁷²³.

В середине июля в Печелийский залив начали приходить военные суда союзников. Размер эскадры вызвал у Игнатьева два вопроса. С одной стороны, он не понимал, зачем собирать такие большие силы для решения не слишком тяжелой задачи. «Глядя на союзную армаду, – значилось в одном из его донесений в МИД, – бросается невольно в глаза несоразмерность приготовлений с предполагаемой целью экспедиции. Сколько напрасных расходов, сколько бесполезных усилий, если речь идет только о том, чтобы заставить богдыхана раскаяться в прошлогодних событиях и согласиться на размен ратификаций Тяньцзиньских договоров. Эту же цель можно было достигнуть совершенно с 2 судами и 3000 десанта»⁷²⁴. В беседе с лордом Элгином российский посланник намекнул, что расходы на экспедицию могут

⁷¹⁹ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 75.

⁷²⁰ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 461.

⁷²¹ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 70–70 об.

⁷²² Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 471.

⁷²³ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 71 об.

⁷²⁴ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 475 об.–476.

разозлить Парламент⁷²⁵, особенно если учесть, что английская сторона требует в два раза больше денег по сравнению с французской⁷²⁶. Элгин согласился с ним, сказав, что ожидает серьезных нападков⁷²⁷.

С другой стороны, огромная армия и флот союзников, безусловно, произвели на Игнатьева большое впечатление. Он с беспокойством писал в Петербург, что снаряжение англичанами многотысячного десанта показывает, как легко они при желании могут завладеть русским Приморьем, которое, во избежание такого развития событий, необходимо укреплять в военном и хозяйственном отношении. Кроме этого, в сравнении с союзнической собственная эскадра виделась российскому посланнику крайне малочисленной, и он сожалел, что ему нельзя присоединиться к союзникам, ведь таким образом он имел бы большой вес при финальных переговорах с китайцами⁷²⁸.

В Петербурге воинственных планов Игнатьева не разделяли. По получении его донесений из Шанхая в МИД была составлена специальная инструкция, которая предписывала посланнику придерживаться нейтралитета на месте ведения боевых действий и вернуться в Пекин либо по их окончании, либо вместе с иностранными представителями для исполнения возложенного на него поручения и оставаться там до прибытия сменщика⁷²⁹. Позже в особой записке императору Е.П. Ковалевский писал: «Что же касается до предположений генерала Игнатьева относительно военных действий против Китая, то смею думать, что они теперь менее чем когда-либо удобны, кроме того, они противоречат и инструкциям, и самому Игнатьеву, который говорит, что силы наши и средства на Амуре ничтожны. Если бы даже и было у него 8 судов, то и это слишком ничтожное число в сравнении с громадным флотом союзников и

⁷²⁵ Там же. Л. 476.

⁷²⁶ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 70.

⁷²⁷ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 476.

⁷²⁸ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 68–69.

⁷²⁹ Там же. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 170. Л. 16–17 об.

все-таки не придало бы нам желаемого Игнатьевым блеска»⁷³⁰. Александр II, в свою очередь, сделал пометку: «Я совершенно того же мнения»⁷³¹.

Тем временем американский посланник Уорд пытался добиться статуса посланника путем переговоров с местным высшим начальником – генерал-губернатором Чжилийской области. Оказалось, что с китайской стороны на американца возлагалась роль ретранслятора их обращений к союзникам с рекомендациями «умерить пыл» и согласиться на выдвинутые ранее Пекином условия ратификации Тяньцзиньского трактата⁷³². Таким образом, Уорд одновременно и не достиг поставленной цели, и возбудил подозрения союзников в отказе от заявленной политики невмешательства в англо-франко-китайский конфликт. Настроение этого человека, который, как говорил Игнатьев, изначально не был уверен в успехе своего дела и больше всего хотел вернуться домой, от произошедших событий еще более ухудшилось⁷³³. В Шанхае он согласился действовать вместе с российским посланником только потому, что успехи в Китае обеспечили бы ему хорошее положение на родине. Теперь же американский представитель говорил о том, что поход на Пекин может только усугубить ситуацию, отказывался видеть какие бы то ни было перспективы и согласился остаться с Игнатьевым в Печелийском заливе только в течение 3 дней после предполагаемого отправления лорда Элгина и барона Гро в Тяньцзинь. Если до этого времени не последовало бы никаких сдвигов, то он собирался уведомить китайцев о том, что уезжает, но в следующем году его сменщик вернется с военной эскадрой и, подобно англичанам и французам, силой принудит их предоставить САСШ те же привилегии, которых хотели добиться союзники во время нынешней операции⁷³⁴.

⁷³⁰ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 218.

⁷³¹ Там же.

⁷³² Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 474–475.

⁷³³ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 63 об.

⁷³⁴ Там же. Л. 76–77.

27 июля (8 августа) Уорд объявил о своем нежелании оставаться в том неопределенном положении, которое занимали представители нейтральных держав в Печелийском заливе, и покинул своего российского коллегу, сказав при этом, что вернется в случае улучшения ситуации. По мнению Игнатьева, на решение американского посланника повлияло несколько обстоятельств: несогласие с инструкциями; надежда на легкий успех; слабость характера по сравнению с начальником американской эскадры, который был не расположен к России и поэтому влиял на своего руководителя; деятельность лорда Элгина с целью доказать невыгодность сотрудничества с Россией; боязнь осуждения на родине, особенно с учетом того, что демократическая партия, к которой принадлежал Уорд, имела мало шансов победить на грядущих выборах; и, наконец, простая усталость от упрямства китайцев и желание вернуться к семье⁷³⁵. Американец объяснял свои действия следующими причинами: в сложившейся ситуации китайцы могут обратиться за посредничеством только тогда, когда их полностью разобьют, а в этом случае им уже ничего не поможет; для него самого достаточно было продемонстрировать свои мирные намерения по отношению к Китаю, а поездка в Пекин может испортить все дело; присоединиться к союзникам – значит подчиниться англичанам, а это для него неприемлемо и может вызвать конфликт с английским представителем, что спровоцирует конфликт между двумя странами; интересы САСШ в настоящий момент никак не затрагиваются; его положение хуже положения российского коллеги, потому что тот 11 месяцев прожил в Пекине и имеет больше шансов снова попасть в этот город⁷³⁶. Никакие убеждения Игнатьева не помогли, после отъезда Уорда он остался в Печелийском заливе в одиночестве между союзниками и китайцами. Поведение американского посланника заставило его с раздражением писать в донесениях: «Я не раз высказывал мнение, что нам нельзя рассчитывать на содействие американцев там, где у них нет своего эгоистического непосредственного

⁷³⁵ Там же. Л. 106–107 об.

⁷³⁶ Там же. Л. 108 – 109 об.

интереса»⁷³⁷, на что Александр II откликнулся: «В этом и я всегда был убежден»⁷³⁸. По мнению Игнатьева, теперь англичане могли и вовсе не обращать на него внимания, т.к. американцев они побаиваются, а русским «всегда готовы делать пакости»⁷³⁹. Появилась и еще одна проблема – после взятия союзниками Дагу Игнатьев собирался идти в Тяньцзинь по реке Пейхо на пароходе Уорда, а теперь был поставлен в трудное положение, т.к. судов, которые могли бы преодолеть мелководье при входе из моря в реку и при следовании по ней, в составе русской эскадры не было, и нужно было либо срочно переделывать один из имеющихся кораблей, либо садиться на китайскую лодку, что не соответствовало достоинству представителя России⁷⁴⁰. Игнатьев доносил в Петербург следующее: «Хотя многое из сказанного о положении Уорда может быть с большим еще основанием сказано о моем собственном положении, и хотя я лично предпочел бы быть теперь не здесь, а на Амуре, как министерству иностранных дел известно, но мысль, что последствия развязки настоящего вопроса могут быть для нас еще хуже, если никакой представитель русских интересов здесь не будет, решает меня остаться, согласно инструкции министерства иностранных дел, и попытаться отправиться в Тяньцзинь и Пекин, несмотря на изолированное и очень плохое положение мое. Не ожидаю, впрочем, от усилий моих благоприятного результата»⁷⁴¹. В Петербурге пессимизм Игнатьева был непонятен. Император, прочитав слова о тяжести положения российского посланника, с недоумением написал на полях соответствующей депеши: «Не вижу, в чем оно так плохо?»⁷⁴²

В конце июля военные приготовления союзников активизировались. Сроки, установленные на военном совете в Шанхае, предполагали произвести наступление

⁷³⁷ Там же. Л. 110.

⁷³⁸ Там же.

⁷³⁹ Там же. Л. 110 об.

⁷⁴⁰ АВПРИ. : 1) Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 110 об.–111; 2) Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 490.

⁷⁴¹ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 111–111 об.

⁷⁴² Там же. Л. 111.

не позже 15 (27) июля, а оно все еще не начиналось⁷⁴³. «Как лорд Эльджин, так и в особенности барон Гро уже утомлены своим пребыванием в китайских водах, и пока не началось действительное наступление союзных войск, упали даже несколько духом», – писал Игнатъев 8 (20) августа⁷⁴⁴. Процесс высадки союзного десанта в Бэйтане, по мнению российского посланника, обладавшего прекрасным военным образованием, был чересчур растянут, и если бы у китайцев в фортах были орудия, способные причинить серьезный урон, то успех этого предприятия был бы под большим вопросом. По взятии же Бэйтана французские войска нашли только 6 деревянных пушек, скрепленных металлическими обручами и кожаными ремнями⁷⁴⁵. В письме Е.П. Ковалевскому российский посланник рассказывал, что этот приморский пункт после захвата союзниками невозможно узнать, он буквально перевернут вверх дном, а на улицах лежат вывернутые двери, представляющие собой некое подобие мостовой для борьбы с грязью⁷⁴⁶. В таких условиях Игнатъев пробирался к местопребыванию лорда Элгина, чтобы нанести ему очередной визит. «В разговоре со мной он старался доказать мне превосходное состояние английских войск, и в особенности военной администрации, изменившейся после Крымской войны, и приписывал все замедления в действиях и даже беспорядки и грабежи, произведенные в Бэйтане, в первый день высадки, исключительно французам», – писал российский дипломат Горчакову⁷⁴⁷. Не изменилась ситуация и после начала штурма укреплений в Дагу. «Согласия и доверия между отрядами союзников не установилось, и повествования англичан и французов о происшедшем не соотносятся между собой. В английских донесениях почти ни слова не говорится о французах, о них упоминается только два раза, и то только для того, чтобы высмеять неумелые действия французских нарезных орудий в сравнении с английскими, недостатках

⁷⁴³ Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е. Обзор войн европейцев ... С.239.

⁷⁴⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 487.

⁷⁴⁵ Там же. Л. 488.

⁷⁴⁶ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 162 об.–163.

⁷⁴⁷ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 488 об.–489.

расположения французской боевой линии в сравнении с английской и проч. Во французских донесениях совсем не упоминается о союзниках, а исключительно о действиях французских войск», – писал Игнатъев в Петербург о событиях в Китае⁷⁴⁸. Разногласия между англичанами и французами были Игнатъеву выгодны, и он по мере возможности усугублял их. Так, он намекнул Элгину, что атака на Дагу откладывается французской стороной с целью приурочить ее ко дню рождения императора Наполеона, и в этой связи английские войска в соответствующий день заявили о своей неготовности, в результате проведение операции было еще раз отложено⁷⁴⁹.

Как говорилось выше, в этом внутреннем конфликте российский посланник больше склонялся на французскую сторону, в том числе и потому, что убедился в желании лорда Элгина любым путем отстранить его от участия в разрешении европейско-китайского конфликта⁷⁵⁰. Игнатъев и Гро установили достаточно частую переписку, снабжая друг друга необходимыми сведениями на основе своеобразного бартера – в обмен на российский план местности между Бэйтаном и Дагу и сведения о ряде китайских высших сановников французский посол кратко описал своему коллеге, после отъезда Уорда находившемуся практически в изоляции, актуальное состояние переговоров и дальнейших планов союзников⁷⁵¹. Можно предположить, что и упомянутый выше план помог союзникам в подготовке и проведении решительной атаки на форты Дагу, состоявшейся 9 (21) августа, так что обмен был относительно справедливым⁷⁵². В тот же день российский посланник поздравил с победой барона Гро, а спустя еще 2 дня – лорда Элгина⁷⁵³. Дорога на Тяньцзинь была открыта, и оба иностранных дипломата отправились в этот город для подписания мирных договоров

⁷⁴⁸ Там же. Л. 495 об.–496.

⁷⁴⁹ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 135–135 об.

⁷⁵⁰ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 489 об.

⁷⁵¹ Там же. Л. 499 об.–500.

⁷⁵² Подробнее об этом см: *Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е.* Обзор войн европейцев ... С. 255–274.

⁷⁵³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 507.

с высланными туда же китайскими уполномоченными. За ними потянулись колонны союзных войск и часть флота.

8 (20) августа Игнатъев получил уведомление о награждении его орденом св. Владимира 3 степени⁷⁵⁴, произведенном еще 17 (29) апреля с целью поддержать посланника в тяжелых условиях того времени⁷⁵⁵. Недоумевая о причинах проявления такой милости, в своем ответе он просил наградить и своих подчиненных, признавая, что не мог бы обойтись без их помощи⁷⁵⁶. Несмотря на опоздание, награда выполнила свое предназначение – Игнатъев воодушевленно начал искать возможность последовать за Гро и Элгином, к тому же оба выразили желание видеть его в месте ведения будущих переговоров⁷⁵⁷. Для преодоления мелей при входе в реку Пейхо, по которой посланник должен был пройти вплоть до Тяньцзиня, командир русской эскадры И.Ф. Лихачев распорядился разгружать клипер «Разбойник», что было закончено только к 14 (26) августа⁷⁵⁸. Перед отъездом к Игнатъеву явился Уорд сообщить, что окончательно отказался от планов движения к Пекину, т.к. из Шанхая им получены неблагоприятные известия о действиях тайпинов, грозящихся прекратить всю торговлю европейцев в этом городе в отместку за нежелание сотрудничества, и противодействие этой угрозе американский посланник ставит гораздо выше попыток добиться посреднических функций в европейско-китайском конфликте⁷⁵⁹. Российский посланник писал по этому поводу в частном письме Е.П. Ковалевскому: «Образ действий г. Уорда показал, в какой степени можно нам рассчитывать на содействие американцев в делах с Китаем. Разумеется, они предпочитают, чтобы мы заняли маньчжурский берег и не пускали туда англичан, но

⁷⁵⁴ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 137.

⁷⁵⁵ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 397.

⁷⁵⁶ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 137–137 об.

⁷⁵⁷ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 510.

⁷⁵⁸ Там же. Л. 508–508 об., 518.

⁷⁵⁹ Там же. Л. 510–511.

если мы когда-нибудь попадем в неприятное положение, то они ни шагу не сделают, чтобы пособить нам»⁷⁶⁰.

15 (27) августа Игнатъев на «Разбойнике» вошел в реку, но крупное судно, несмотря на меры, принятые Лихачевым, часто садилось на мель, и по этой причине посланник, отдав предпочтение скорости движения над соблюдением внешнего церемониала, пересел на паровой баркас, возвращавшийся после доставки в Тяньцзинь А.А. Татаринова и Л.Ф. Баллюзека, посланных предупредить местные власти о прибытии российского дипломата и найти для него квартиру. В своих донесениях Игнатъев особо отмечал, что местные жители на всем пути по реке встречали русских как избавителей и несли им разнообразные угощения. На легком баркасе российский посланник смог добраться до Тяньцзиня вечером 16 (28) августа⁷⁶¹.

Итак, после своего выезда из Пекина Н.П. Игнатъев отправился в Шанхай, чтобы в соответствии с данными ему инструкциями наблюдать за действиями готовящихся предпринять очередную попытку вооруженного давления на Китай англичан и французов и находящихся в нейтральном положении американцев. Изначально отношение отправленных в Китай из Лондона и Парижа специальных уполномоченных к своему российскому коллеге было настороженным. Они скрывали от него свои планы и отказывались от его присутствия на будущих переговорах. Однако, в отличие от американского представителя Уорда, Игнатъев, несмотря на высказанные им воинственные призывы, проявил необходимые выдержку и терпение в непростой для себя ситуации. Постепенно ему удалось наладить если не приятные, то рабочие отношения как с бароном Гро, так и с лордом Элгином, попутно усиливая уже существующие разногласия между ними.

⁷⁶⁰ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 163 об.

⁷⁶¹ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 518–518 об.

§ 2. От Тяньцзиня до Пекина. Переворот в положении Н.П. Игнатьева

17 (29) августа Н.П. Игнатьеву прислали свои визитные карточки высшие чиновники в Тяньцзине – Хэнфу и Хэнци, которые выражали желание увидеться с ним в самом скором времени. Из доставленных сведений российский посланник сделал вывод, что местные власти рассчитывают на его помощь в проведении переговоров, но не могут напрямую заявить об этом, т.к. ждут реакции из Пекина. На следующий день Игнатьев встретился с бароном Гро, который рассказал ему о требованиях союзников к Китаю и уведомил, что после подписания отдельного договора он и лорд Элгин направятся в Пекин для размена ратификаций Тяньцзиньского трактата 1858 г. На замечание российского посланника о том, что он может быть полезен союзникам в дальнейших переговорах, Гро с испугом ответил, что такая помощь не понадобится, т.к. назначенный из китайской столицы для переговоров Гуйлян уже сообщил о желании своего правительства принять все выдвинутые условия⁷⁶². Позже к российскому представителю явилась делегация крупнейших тяньцзиньских купцов, которые просили его спасти город от разорения. Игнатьев ответил, что приложит к этому все возможные усилия, но не преминул напомнить о том, что он давно предупреждал китайцев о грозящей им опасности и предлагал принять его посреднические услуги во избежание ухудшения ситуации. Обобщая все услышанное и увиденное, дипломат доносил в МИД: «Надеюсь, что мне удастся приехать в Пекин в то же время (т.е., одновременно с английским и французским послами – *Н.С.*), хотя предвижу много затруднений. По-видимому, пекинское правительство очень не желает моего возвращения в столицу, и хочет совершенно отстранить нас от участия в переговорах, так что одни местные начальники и жители рассчитывают на наше посредничество»⁷⁶³. Для выхода из сложившейся ситуации Игнатьев намеревался:

⁷⁶² Игнатьев Н.П. Отчетная записка ... С. 13–14.

⁷⁶³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 520 об.–521.

1) улучшить отношения с лордом Элгином, т.к. барон Гро, несмотря на расположение к России, зависел от своего коллеги;

2) постоянно ссорить англичан и французов между собой, одновременно предоставляя им ограниченные сведения с целью доказать свою пользу;

3) препятствовать конфликтующим сторонам в короткие сроки заключить мирный договор, т.к. таким образом можно было скорее добиться роли посредника;

4) по личному убеждению (расходившемуся с февральской инструкцией 1859 г. – *Н.С.*) в бесполезности для России сохранения на престоле маньчжурской династии, и скорее в приносимом ею вреде, – наталкивать союзников (с целью предотвратить мирное завершение конфликта, которое бы принудило китайцев окончательно отказаться от уступок России – *Н.С.*) на мысль о непременном наказании Цинов за доставленные неприятности;

5) одновременно с этим внушать самим китайцам, что только Россия может спасти их от неминуемого поражения⁷⁶⁴.

В ходе двух визитов барона Гро, который, главным образом, хотел получить сведения о наилучшей стратегии ведения переговоров с китайцами, Игнатъев, в свою очередь, говорил об отсутствии необходимости ратифицировать предполагаемые договоры (с целью в будущем иметь возможность на основе этого прецедента поступить таким же образом) и убеждал в том, что Франция, при должном поведении, может добиться гораздо большего влияния в Китае, нежели Англия, и что в России она найдет крепкого союзника в деле противоборства интригам англичан. При этом российский посланник просил своего французского коллегу проследить за тем, чтобы в английский договор не были включены никакие секретные статьи⁷⁶⁵. Гро полностью согласился со всеми высказанными мыслями.

Несмотря на трудности взаимодействия с лордом Элгином, Игнатъев не собирался сдавать позиции. На одном из визитов, воспользовавшись благодарностью

⁷⁶⁴ *Игнатъев Н.П.* Отчетная записка ... С. 15–18.

⁷⁶⁵ Там же. С. 21, 28–29.

английского посла за сдержанное поведение российского представителя, он отметил, что Россия никогда не имела по отношению к Китаю воинственных намерений и вместе с тем никогда бы не стала помогать китайцам воевать против другой европейской державы, что непременно сделали бы англичане. Элгин был вынужден признать правдивость этого утверждения и подтвердить ложный характер слухов о русских диверсиях⁷⁶⁶. Тогда российский посланник, вопреки своим убеждениям, которые он высказывал ранее, заявил, что интересы России и Англии «не противоречат друг другу как на Крайнем Востоке, так и вообще в Азии»⁷⁶⁷. Взглянув другими глазами на своего молодого коллегу, английский дипломат предложил ему встретиться на следующий день за обедом. Игнатъев не мог упустить такого случая. Запланированная встреча растянулась практически на целый день. В начале Элгин, с целью отговорить своего собеседника от мысли о посредничестве, вспомнил о некоторых действиях Е.В. Путятина в 1858 г., которые, по его мнению, мешали английским интересам. Также он заявил о том, что в азиатских делах Англия гораздо эффективнее может сотрудничать с Россией, нежели с Францией, поскольку та непрактична и не понимает, каким образом нужно вести политику в Азии. Российский посланник согласился с Элгином и сказал, что т.к. Англия имеет в Китае исключительно коммерческие интересы, а Россия – пограничные, то этим двум державам нечего делить. Развивая успех, Игнатъев, который по приезде в Пекин отказался пройти обряд официальной аудиенции у богдыхана, сопряженный со многими трудностями и зачастую унижающий достоинство дипломата, настойчиво рекомендовал английскому послу добиваться аудиенции как совершенно необходимого церемониала. По окончании встречи представитель России отметил, что его отношения с союзниками отныне значительно улучшились⁷⁶⁸. Чувствуя себя более уверенно, он отправил в Пекин сообщение о своем прибытии вслед за

⁷⁶⁶ Там же. С. 32.

⁷⁶⁷ Там же. С. 34.

⁷⁶⁸ Там же. С. 34–40, 44.

английским и французским дипломатами⁷⁶⁹. Однако через несколько дней задуманные планы были нарушены из-за очередных досадных недоразумений.

Оказалось, что китайский уполномоченный Гуйлян, престарелый сановник, успешно пользовался своим физическим состоянием (ходил, опираясь на двух мелких чиновников, и притворялся совершенно глухим), чтобы скрыть от союзников, что он в действительности не имеет полномочий из Пекина и отправлен с целью тянуть время⁷⁷⁰. Это известие обрадовало лорда Элгина, который получил повод «показать пекинцам великолепную английскую армию», и расстроило барона Гро, инструкция которого не предусматривала вооруженного входа в Пекин⁷⁷¹. Оба посла, несмотря на попытки Гуйляна задержать развитие событий, объявили о своем отказе вести дальнейшие переговоры и о переезде для их возобновления в Туньчжоу. Отказавшись от следования в Пекин с конвоем, как предполагалось изначально, английский и французский дипломаты приняли решение о выезде вместе со всеми военными силами. Игнатьев отправился к дипломатам с визитами. Барон Гро был в расстройстве, т.к. в силу возраста и привычек предпочитал «спокойные переговоры», а лорд Элгин энергично собирал вещи⁷⁷². У последнего российский посланник задержался дольше, т.к. ему были показаны переводы с китайских бумаг, захваченных англичанами при походе на Тяньцзинь, из которых следовало, что недоверие и раздражение его пребыванием в Пекине имело большие масштабы, чем он себе представлял. Английский посол намеренно спросил, какого рода переговоры вела Россия о границе в Гирине, но после аккуратного и взвешенного ответа собеседника согласился, что Россия таким образом продемонстрировала свое искреннее желание быть с Китаем в мирных отношениях. Однако Элгин также заметил, что упорство китайцев в этом вопросе составляет для России *casus belli*, но услышал, что, поскольку Россия имеет с Китаем огромную границу, такого рода поводы могут возникать каждый день, но до

⁷⁶⁹ Там же. С. 44–45.

⁷⁷⁰ Там же. С. 23, 47–48.

⁷⁷¹ Там же. С. 47.

⁷⁷² Там же. С. 48–49.

сих пор не привели к полномасштабной войне. Подобные аргументы показались английскому дипломату достаточными, и, попросив Игнатьева объяснить французам нужду в скорых сборах, он расстался с ним совершенно по-дружески⁷⁷³. Кроме того, российский посланник провел оживленную беседу с корреспондентом газеты «Times» Булби, убедив его донести до английской публики мысль о том, что русофобия вредна прежде всего самой Англии, потому что заставляет тратить большие бюджетные средства на различные антирусские мероприятия. От журналиста Игнатьев услышал, что лорд Элгин видит в нем гораздо больше понимания и пользы, чем в бароне Гро⁷⁷⁴. Перед выходом союзной армии из Тяньцзиня французские военные, в свою очередь, получили от представителя России подробный план Пекина, за что были крайне признательны⁷⁷⁵. Успешно наладив более тесные взаимоотношения с союзниками и дождавшись их отъезда в Туньчжоу, сам Игнатьев на некоторое время остался в Тяньцзине.

Во время пребывания в этом городе российский посланник старался продемонстрировать местным жителям свое высокое положение и одновременно стремление защитить их перед лицом опасности. В народе стали распространяться слухи, что «сановник И» (Идажэнь) очень хорошо настроен к китайцам, но не может теперь за них заступиться, потому что к нему не обратились вовремя⁷⁷⁶. Значительность «Идажэня» была продемонстрирована, когда в день именин Александра II эскадра союзников подняла российские флаги и дала торжественные салюты, что было преподнесено местным жителям как проявление крайнего уважения к могущественному русскому правителю и его подданным⁷⁷⁷. Видя, что англо-французские войска действительно выходят из Тяньцзиня, местные власти обратились к Игнатьеву с просьбой уговорить союзников отложить наступление на

⁷⁷³ Там же. С. 50–53.

⁷⁷⁴ Там же. С. 54–55.

⁷⁷⁵ Там же. С. 54.

⁷⁷⁶ Там же. С. 58.

⁷⁷⁷ Там же. С. 70–71.

несколько дней до присылки новых полномочий. Дипломат не дал никакого ответа и сообщил содержание разговора барону Гро, который заявил, что уже не может остановить выход войск, но наступление будет сразу прекращено по назначении настоящих уполномоченных⁷⁷⁸. Провал официальных попыток договориться о сотрудничестве, однако, не помешал китайским купцам обратиться к Игнатьеву с просьбой выдать им русский флаг для защиты, но, отказав в этом, он обещал, что покровительство всегда можно получить у командира стоящего в Тяньцзине российского клипера⁷⁷⁹. Тем временем известия о быстром продвижении союзников побудили российского посланника поторопиться с выездом в Пекин.

Оставлять в Тяньцзине русскую эскадру было нецелесообразно⁷⁸⁰, поэтому Игнатьев только распорядился об учреждении в этом пункте морской станции и оставлении на случай нужды двух судов, а сам вместе с подчиненными 5 (17) сентября выехал в столицу⁷⁸¹. Желая продемонстрировать китайцам свой высокий статус, посланник решил ехать по образу местного высокого сановника – его и И.Ф. Лихачева несли в носилках, а по сторонам расположились их верховые спутники⁷⁸². Двигаясь вслед за англо-французскими войсками, российская делегация убедилась в том, что недавно произошло сразу несколько военных столкновений, но не могла получить исчерпывающих подробностей⁷⁸³. Остановившись в поселке Чжанцзяван 12 (24) сентября и отправив своего адъютанта Баллюзека разыскивать Элгина, Гро и союзную армию, Игнатьев многое узнал о двух прошедших крупных сражениях и о захвате китайцами в плен парламентаров, в числе которых были ближайший сотрудник Элгина переводчик Паркс и корреспондент Булби, что вызвало очередные изменения

⁷⁷⁸ Там же. С. 63, 67–68.

⁷⁷⁹ Там же. С. 76.

⁷⁸⁰ Там же. С. 35–36.

⁷⁸¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 527–527 об., 531.

⁷⁸² *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 80–81.

⁷⁸³ Об этом подробнее см.: *Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е.* Обзор войн европейцев ... С. 283–304.

в ходе переговоров и военных действий. Представитель России опять был вынужден приспособлять свои планы к новым обстоятельствам.

Элгин и Гро были настроены воинственно. Они заявили назначенному для переговоров младшему брату богдыхана князю Гунциньвану, что в любом случае хотят заключить мир в Туньчжоу, требуют немедленной выдачи пленных и, в случае отказа хотя бы от одного из требований, отдадут приказ о штурме Пекина⁷⁸⁴. Английский главнокомандующий Хоуп Грант просил Игнатьева передать ему план Пекина, сообщенный ранее французам, что тот был вынужден сделать⁷⁸⁵. Но российский посланник воспользовался этим одолжением так, чтобы дать почувствовать англичанам необходимость быть ему обязанными⁷⁸⁶. Князь Гун тем временем отвечал уклончиво и задерживал выдачу пленных. На размышление было дано 3 дня. В этих условиях Игнатьев должен был вести свою дальнейшую деятельность исходя из высокой вероятности штурма Пекина, при котором в опасности оказалась бы Российская духовная миссия. Его стратегия заключалась в следующем: убедить союзников в необходимости решительных действий против китайцев, но без захвата столицы, с целью напугать пекинское правительство и вынудить его прибегнуть к посредничеству российского посланника⁷⁸⁷. Прибывшим к нему лично Элгину и Хоуп Гранту Игнатьев объяснял, что взятие Пекина неизбежно приведет к грабежу, что нанесет ущерб репутации союзников. Он предлагал занять часть стены и одни ворота, чтобы продемонстрировать возможность взять город и одновременно нежелание этого делать. Игнатьев указал англичанам на конкретные точки, находившиеся в китайской части Пекина, в которых было бы легче выполнить гипотетическую задачу, обезопасив тем самым маньчжурскую часть с обоими

⁷⁸⁴ *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 111.

⁷⁸⁵ Об этом подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Новые данные о деятельности Н.П. Игнатьева в Китае в 1859–1860 гг. // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников (апрель 1968 г.). Тезисы докладов. М., 1968. С. 30–31.

⁷⁸⁶ *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 109.

⁷⁸⁷ Там же. С. 119.

русскими подворьями. Его неприятно поразила нерешительность английских генералов, которые, несмотря на переданные им исчерпывающие сведения, все еще видели слишком много препятствий и не желали прислушиваться к советам. На предложение убедить китайское правительство скорее выдать пленных посредством миссионеров российский посланник отвечал уклончиво, чтобы, с одной стороны, не демонстрировать своей беспомощности, а с другой – не дать китайцам повода обвинить его в злом умысле. В завершение разговора лорд Элгин горячо благодарил Игнатьева за его политические и военные советы и повторил, что он с гораздо большим желанием взаимодействовал бы с ним, чем с бароном Гро⁷⁸⁸.

15 (27) сентября Игнатьев переехал в Туньчжоу и на следующий день нанес визиты французскому и английскому послам. Барон Гро получил бумагу от князя Гуна, из которой было видно, что китайское правительство продолжает тянуть время, и был настроен скептически, жаловался на излишне деятельного лорда Элгина и вообще на недостаток взаимопонимания между союзниками. Французский дипломат также выразил удивление, почему китайцы до сих пор не обратились к его коллеге с просьбой о посредничестве, из чего можно заключить, что он уже не противился этой роли российского посланника⁷⁸⁹. Посол Англии также был недоволен положением дел, но тщательно это скрывал. Он заявил, что в настоящий момент английские переговоры идут успешнее французских, что замедление хода военных действий произошло из-за плохой готовности французов и т.д.⁷⁹⁰ Игнатьев с удовлетворением относился к этим раздорам в лагере союзников, которые были ему выгодны. Он решил не сообщать ни одной из сторон свои планы до тех пор, пока обстоятельства не изменятся благоприятным образом⁷⁹¹.

20 сентября (2 октября) российского посланника с ответным визитом посетил лорд Элгин, который, получив бумагу князя Гуна, где тот проявлял большую

⁷⁸⁸ Там же. С. 118–123.

⁷⁸⁹ Там же. С. 127–131.

⁷⁹⁰ Там же. С. 133–136.

⁷⁹¹ Там же. С. 142.

уступчивость, был настроен оптимистично относительно сроков разрешения европейско-китайского конфликта. В то же время пленение парламентаров, и особенно Паркса, являвшегося правой рукой английского дипломата, произвело на него сильное впечатление и вселяло неуверенность. Он хотел принять участие в торжественной аудиенции богдыхана, но в то же время боялся унижить этим свое достоинство; не желал отказываться от давнего требования об учреждении должности министра-резидента в Пекине, но и понимал, что необходимо пойти китайцам на уступки с целью расположить их к Англии⁷⁹². Игнатъев считал, что в первом случае необходимо уговорить Элгина не отказываться от этой мысли, т.к. это лишний повод настроить китайцев против англичан, а во втором – напротив, усиливать его неуверенность, т.к. данное требование противоречит российским интересам. Сделав необходимые в этом контексте объяснения, Игнатъев уверял, что Россия не настаивает на крупных преобразованиях в Китае, т.к. ее положение здесь базируется на прочных основаниях долголетнего мирного соседства и большого протяжения сухопутной границы. Игнатъев, видя, что у него не получится полностью отговорить собеседника от второй идеи, заявил, что принятие решения об учреждении должностей постоянных представителей четырех государств, заключивших с Китаем договоры в Тяньцзине в 1858 г., требует полного согласия между ними, т.к. в противном случае китайцы будут постоянно стравливать их между собой, что может привести к конфликтам. Лорд Элгин согласился с Игнатъевым, отметив, что не ожидал найти в российском посланнике единомышленника⁷⁹³.

23 сентября (5 октября), не получив должного ответа от князя Гуна, войска союзников выступили по направлению к Пекину, а на следующий день был взят и разграблен летний императорский дворец Юаньминьюань. На всем пути к Пекину европейцы производили грабежи и разорения. Так, например, Чжанцзявань был официально отдан главнокомандующими в полную власть солдат. Не брезговали

⁷⁹² Там же. С. 145–152.

⁷⁹³ Там же. С. 152–153, 156, 161–162.

мародерством и офицеры – один из англичан вместе со своим слугой воровал овощи с огорода хозяина дома, в котором помещалась русская делегация, и, будучи пойман с поличным, несколько минут с позором стоял под пристальными взглядами генерала Игнатьева и его подчиненных⁷⁹⁴, которые всегда старались предотвратить подобные ситуации и заслужили этим уважение мирных жителей. Грабеж в Юаньминьюане, представлявшем большую культурную и историческую ценность, начатый французами и поддержанный англичанами, не знал себе равных – стоимость присвоенного исчислялась миллионами франков. «Путь союзных войск от моря до Пекина, к стыду европейской цивилизации, представлял страшные следы грабежа и опустошения», – отмечал в своей статье спустя несколько месяцев после произошедшего Д.И. Романов.⁷⁹⁵

Кроме банального мародерства, взятие Юаньминьюаньского дворца имело и куда более серьезные последствия. В руки союзников попал архив Верховного государственного совета, где находились среди прочего все бумаги о русско-китайских отношениях последних лет. Распоряжение этими документами, как отмечал Игнатьев, дало бы англичанам возможность с легкостью разрушить любые планы России в отношении Китая, а все его усилия по укреплению своего положения были бы разом сведены на нет⁷⁹⁶. Обеспокоенный российский дипломат попытался добиться от английского и французского послов выдачи ему всех относящихся к России бумаг⁷⁹⁷. Оказалось, что их количество было весьма невелико⁷⁹⁸. Желая избежать подобных неприятностей в ходе штурма Пекина, Игнатьев приказал архимандриту Гурию добиться выдачи российских бумаг из архива Трибунала внешних сношений. В своем ответе начальник духовной миссии писал, что выдать

⁷⁹⁴ Там же. С. 99–100.

⁷⁹⁵ Романов Д.И. Последние события в Китае ... С. 19.

⁷⁹⁶ Игнатьев Н.П. Отчетная записка ... С. 176.

⁷⁹⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 558 об., 561–561 об.

⁷⁹⁸ Игнатьев Н.П. Отчетная записка ... С. 190.

документы китайцы отказались, но «обещали запрятать эти бумаги туда, где их не только кто другой, сам сатана не найдет»⁷⁹⁹.

25 сентября (7 октября) китайцы исполнили требование о выдаче пленных, но оказалось, что некоторые из них были изощренным образом убиты (к примеру, журналиста Булби отдали на съедение свиньям)⁸⁰⁰. Это обстоятельство заставило европейцев ускорить штурм Пекина, который был проведен 2 (14) октября. Одним из первых в город въехал и разместился на Южном подворье адъютант Игнатьева Л.Ф. Баллюзек, отправленный своим начальником в эпицентр событий с целью разведки положения, защиты духовной миссии и выполнения поручений к лорду Элгину и барону Гро⁸⁰¹. Союзникам не удалось найти в Пекине никого, с кем можно было бы вести переговоры. Здесь не было не только богдыхана, который бежал после первого крупного поражения китайцев 6 (18) сентября, но и князя Гуна⁸⁰². Английский и французский послы оказались в затруднительном положении и были крайне растеряны. Последний просил Игнатьева скорее приехать в столицу, т.к. он не представляет, как ему поступить в подобной ситуации⁸⁰³. Российский посланник посчитал положение дел весьма благоприятным и 3 (15) октября переехал на русское кладбище под стенами города, а на следующий день второй раз торжественно въехал в Пекин на парадных носилках, был встречен русскими миссионерами и сразу направился в специально приготовленную баню⁸⁰⁴.

Итак, после того как англо-французские войска заняли Тяньцзинь, китайское правительство решило приступить к мирным переговорам, но оказалось, что отправленные из Пекина представители не имели на это необходимых полномочий. В это время Н.П. Игнатьев продолжал взаимодействовать с лордом Элгином и бароном

⁷⁹⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 568.

⁸⁰⁰ Романов Д.И. Последние события в Китае ... С. 12.

⁸⁰¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 558–564 об.

⁸⁰² Там же. Ф. 161. I-5. 1823 г. Д. 105. Л. 151.

⁸⁰³ Игнатьев Н.П. Отчетная записка ... С. 197.

⁸⁰⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 568 об.–569.

Гро. Его взаимоотношения с английским коллегой существенно улучшились по сравнению с предшествующим периодом. Французский уполномоченный, пессимистически настроенный относительно своей дальнейшей деятельности, и вовсе стал рассматривать представителя России как своего главного советчика. Разногласия между англичанами и французами усиливались в результате расхождения их последующих планов и несогласованности между главнокомандующими. Продолжающееся сопротивление Пекинского Кабинета и захват европейских пленными спровоцировали дальнейшее продвижение войск союзников к Пекину. С этого момента Элгин и Гро пользовались информацией о китайской столице, предоставленной Игнатьевым, прожившим здесь немногим менее года. Авторитет российского уполномоченного продолжал расти. До некоторого времени оставаясь в тени, он после штурма Пекина въехал в город с намерением предпринять активные действия.

§ 3. Снова в столице. Пекинский договор – триумф Н.П. Игнатьева

«Я пришел к заключению, что теперь настала давно выжидаемая минута, когда я могу выйти из наблюдательного, пассивного, грустного и тягостного положения, в котором находился столько времени; наконец, явилась возможность вмешаться мне в развязку китайского вопроса и занять роль, достойную представителя России», – писал Н.П. Игнатьев о принятом им решении⁸⁰⁵. Он сознавал, что предпринятые ранее меры обеспечили ему доверие и расположение англичан и французов. В то же время российский посланник серьезно опасался, что англичане постараются избавиться от него, как только в нем отпадет необходимость. Также он не был уверен, что найдет в Пекине государственную власть, которая могла бы привести в порядок расстроенные дела Китая и вести какие бы то ни было переговоры⁸⁰⁶. Однако более благоприятного

⁸⁰⁵ Игнатьев Н.П. Отчетная записка ... С. 199.

⁸⁰⁶ Там же. С. 199–200.

момента могло не представиться, и, не желая окончательного провала, Игнатъев обязан был рисковать.

Разместившись на кладбище духовной миссии, находившемся вне Пекина, российский посланник отправился с визитами к представителям Англии и Франции, между которыми вечером должно было состояться совещание относительно дальнейших действий. Барон Гро был рад его приезду и долго жаловался на англичан, на собственных военных и на тягости китайской жизни, находился в подавленном состоянии и растерянности. Немногим отличалось и поведение лорда Элгина, к которому Игнатъев поехал позже. Тот также сетовал на помехи, возникающие из-за наличия большой армии, и высказывал недовольство действиями своих союзников. Рассказав подробно о пытках, которым подвергались захваченные в плен парламентарии, английский посол ознакомил своего коллегу с новым проектом ультиматума, в котором требовал, в частности, немедленного принятия всех прежних условий, а также выплаты дополнительной контрибуции за гибель пленников и установки им в Тяньцзине особого памятника. В случае несогласия Элгин грозил князю Гуну полным разрушением Юаньминьюаньского дворца и продолжением войны. Но он сомневался, что такой проект будет принят французами, с чем Игнатъев согласился и заметил, что в случае принятия мир, заключенный таким образом, вряд ли будет прочен⁸⁰⁷. Российский посланник успел изучить характер английского посла, который, несмотря на очевидные достоинства, «был пылок, тщеславен, чрезвычайно горд, крайне самолюбив и раздражителен, довольно впечатлителен, восприимчив и легко увлекался в первую минуту; таким образом, в разговоре представляется возможность, возбуждая прение надлежащим образом, заставить сказать его более, нежели он хотел бы»⁸⁰⁸. И сейчас, распалившись, Элгин заявил, что китайцам настало время на коленях просить европейцев заключить с ними необходимые трактаты, что

⁸⁰⁷ Там же. С. 203–214.

⁸⁰⁸ Там же. С. 38.

Англия не заинтересована в сохранении на престоле маньчжурской династии⁸⁰⁹, и для нее было выгоднее перенести столицу Китая из Пекина в Нанкин, чтобы иметь возможность контролировать китайскую политику всего лишь при помощи четырех своих судов. Игнатьев заметил, что подобные меры вряд ли вызовут одобрение России, Франции и САСШ, на что сконфуженный английский дипломат ответил, что он не собирался принимать никаких конкретных мер без участия других заинтересованных сторон. В завершение разговора представитель России в очередной раз подчеркнул, что его держава не имеет в Китае никаких политических интересов и заботится только о спокойствии в межгосударственных отношениях⁸¹⁰.

Перед въездом в Пекин Игнатьев отправился к барону Гро узнать результаты прошедшего совещания и выяснил, что позиции англичан и французов относительно условий предполагаемого ультиматума существенно разошлись. Чтобы усугубить разногласия союзников, российский посланник заявил, что ультиматум, по его мнению, содержит излишнее количество требований, в связи с чем предложил французскому коллеге вместе по возможности сдерживать английское влияние. Выразив полное согласие, Гро просил Игнатьева скорее въехать в Пекин и уговорить китайцев заключить мир, но получил вежливый ответ, что в данной ситуации не может быть абсолютных гарантий успеха предполагаемой меры. Состоявшийся разговор убедил российского дипломата в полном разладе между союзниками, после чего он и принял окончательное решение о размещении непосредственно в столице⁸¹¹.

5 (17) октября к Игнатьеву явились оставшиеся в Пекине представители государственной власти, среди которых был хорошо известный ему Жуйчан⁸¹².

⁸⁰⁹ Совершенно иные идеи выдвигались в анонимной и неопубликованной статье одного из петербургских публицистов «Несколько мыслей по поводу полученной телеграфной депеши о бегстве богдыхана из Пекина». Автор стремился доказать, что англичане попросту не смогут совладать с огромной китайской административной машиной в случае свержения правящей династии и по этой причине вынуждены в любой ситуации мириться с существующим положением дел. (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3458. Л. 1–4.)

⁸¹⁰ *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 215–219.

⁸¹¹ Там же. С. 223–227.

⁸¹² *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 354.

Чиновники просили российского посланника принять на себя роль посредника в европейско-китайских переговорах. Посланник в ответ припомнил все мытарства, которые ему довелось перенести по воле местных властей в ходе своего пребывания в Китае с июня 1859 г., но обратил внимание, что Россия не хочет наказывать своих соседей за такую несправедливость и поэтому не воспользовалась ослаблением Срединного государства в ходе настоящей войны⁸¹³. Также он отметил, что в настоящий момент поздно и потому бесполезно говорить о посредничестве, речь может идти только о его участии в защите Пекина от разорения и разграбления, но при соблюдении следующих условий:

- 1) официальное письменное обращение князя Гуна с просьбой о заступничестве;
- 2) полная откровенность китайцев о переговорах с европейцами;
- 3) признание всех предъявленных ранее Россией требований, т.е. ратификации Айгунского трактата, проведения окончательного разграничения на западе и на востоке, установления свободы торговли и учреждения новых российских консульств в ряде китайских городов.

Чиновники обещали в точности доложить результаты разговора князю Гуну, который скрывался от потенциального нападения союзных войск в различных населенных пунктах неподалеку от Пекина⁸¹⁴.

В тот же день на кладбище русской духовной миссии состоялись похороны погибших английских пленных, о чем Игнатьева несколько раз просил генерал Хоуп Грант. Сам российский посланник на кладбище не поехал, послав вместо себя адъютанта, не было и никого из французов⁸¹⁵. Лорд Элгин горячо благодарил своего коллегу за оказанную любезность⁸¹⁶. Игнатьев же ответил, что данный поступок был простым проявлением христианского долга⁸¹⁷. Так он оказал англичанам, которые до

⁸¹³ *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 236–239.

⁸¹⁴ Там же. С. 240–241.

⁸¹⁵ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 440. Л. 3 об.–4.

⁸¹⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 580–581 об.

⁸¹⁷ Там же. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 238.

этого безуспешно обращались к французским католическим миссионерам, еще одну услугу, которая усугубила раздор между союзниками и одновременно укрепила его положение. Позже, 16 (28) октября, на бывшем португальском кладбище, которое длительное время находилось под защитой русских миссионеров, похоронили своих погибших и французы. Спустя несколько дней кладбище было передано под их управление⁸¹⁸.

Утром 6 (18) октября китайские чиновники привезли составленную согласно условиям Игнатьева бумагу от князя Гуна, в которой тот просил российского посланника принять на себя посредничество в переговорах, что явилось бы доказательством 200-летней дружбы двух государств, и выражал уверенность, что все будет устроено по справедливости⁸¹⁹. От себя посланцы добавили, что, по их мнению, дела России с Китаем могут быть решены достаточно быстро, сразу по окончании европейско-китайского конфликта⁸²⁰. По поводу требований англичан и французов представители временной власти заметили, что они крайне велики, и особенно удивлялись «аппетитам» последних, никогда не имевших в Срединном государстве никаких серьезных интересов. В этой связи Игнатьев определил для себя две основные задачи при выполнении посреднических функций: уравновесить Англию и Францию в глазах китайцев и уменьшить влияние сановника Хэнци, подкупленного англичанами во время переговоров в Шанхае, что и было им с успехом сделано. Вечером того же дня от князя Гуна российскому посланнику доставили окончательные варианты английского и французского ультиматумов – таким образом, условие о полном ознакомлении посредника с ходом переговоров было также выполнено. Несмотря на то что требования были гораздо мягче тех, которые содержались в проекте лорда Элгина, китайские чиновники просили Игнатьева свести их к минимуму, особенно острыми были вопросы о большой контрибуции и о

⁸¹⁸ Там же. Л. 240–244 об.

⁸¹⁹ Там же. Л. 289.

⁸²⁰ *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 244.

безопасности Гуна. Российский посланник отвечал, что он лично гарантирует неприкосновенность брата богдыхана, а что касается уступок, сделает все возможное, но полного успеха ожидать сложно⁸²¹.

7 (19) октября на встрече с Элгином и Гро Игнатъев уверял, что дальнейшее давление на китайские власти приведет лишь к тому, что в Пекине скоро не останется ни одного человека, который мог бы заключить с ними мирный договор. Также он настаивал как можно скорее вывести войска в Тяньцзинь ввиду наступающих холодов и голода⁸²². На все предложения российского посланника было дано согласие, и он вернулся на русское подворье, где принял прибывших китайских чиновников, которые поинтересовались положением дел и представили ему проект ответа союзникам, в котором предполагалось ультиматум не принимать⁸²³. Однако китайцы были сильно напуганы окончательным уничтожением Юаньминьюаньского дворца и продолжавшейся подготовкой европейцев к штурму столицы, поэтому Игнатъев в конечном итоге убедил их быть сговорчивее в дальнейших переговорах⁸²⁴. На следующий день начались ежедневные европейско-китайские встречи по вопросам мирного урегулирования, в которых представитель России не принимал участия. Как он сам замечал позже: «Китайские чиновники приходили к нам по несколько раз в день в подворье и не предпринимали ничего, не спросив предварительно моего мнения и указания, как поступить»⁸²⁵. 12 (24) октября лорд Элгин подписал дополнительный договор к Тяньцзиньскому трактату и обменял ратификации последнего, а на следующий день те же самые процедуры произвел барон Гро.

Европейско-китайский конфликт был окончен, но Игнатъеву требовалось устранить в ближайшее время те его последствия, которые являлись негативными для России. Прежде всего это касалось отправки союзных войск в Тяньцзинь и задержки

⁸²¹ Там же. С. 245–251.

⁸²² Там же. С. 253–255.

⁸²³ Там же. С. 258, 260.

⁸²⁴ Там же. С. 258–259, 262.

⁸²⁵ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 358.

приезда в Пекин английского и французского постоянных представителей. В первом случае российский посланник, будучи человеком военным, убедил английского главнокомандующего генерала Хоупа Гранта в больших трудностях пребывания армии в зимнее время под пекинскими стенами, после чего эти соображения были высказаны лорду Элгину, который, несмотря на свое желание задержать войска как можно дольше, вынужденно согласился⁸²⁶. Что касается второго пункта, то здесь встречались препятствия не только со стороны англичан, но и французов, т.к. барон Гро рассматривал пребывание министра-резидента в китайской столице как гарантию неприкосновенности католических миссионеров и подведомственных им храмов⁸²⁷. И если француза Игнатъев смог убедить оставить Бурбулона на некоторое время в Тяньцзине, то влияние Брюса на Элгина, который приходился ему старшим братом, создавало большие трудности. Брюс, испытывавший сильную антипатию как к российскому посланнику, так и к России вообще, полагал, что его родственник принимает большинство решений не самостоятельно, и, чтобы повлиять на ситуацию, лично приехал в Пекин⁸²⁸. Его поразили тесные взаимоотношения, установившиеся между Игнатьевым и Элгином, а настойчивое предложение брата покинуть китайскую столицу, сделанное после разговора с российским коллегой, привело в бешенство, но благодаря вмешательству барона Гро упорство будущего английского министра-резидента было сломлено⁸²⁹. 19 (31) октября из окрестностей Пекина начали уходить французские войска, а 24 октября (5 ноября) – английские. 28 октября (9 ноября) состоялся отъезд Элгина и Гро. Российский посланник теперь мог свободно закончить собственные переговоры, которые начал еще три недели назад в обстановке строжайшей секретности.

Как было сказано выше, Игнатъев настаивал на принятии китайцами требований России как условия своего посредничества еще на своей первой встрече с китайскими

⁸²⁶ *Игнатъев Н.П.* Отчетная записка ... С. 274–275.

⁸²⁷ Там же. С. 256.

⁸²⁸ Там же. С. 275–276.

⁸²⁹ Там же. С. 277, 279–280, 282.

чиновниками 5 (17) октября. Более того, эта мысль вместе с требованием назначить специальных уполномоченных для переговоров была выражена в его официальной бумаге князю Гуну, направленной в ответ на просьбу о защите интересов Китая перед европейцами⁸³⁰. Гун обещал решить все спорные вопросы сразу по урегулированию европейско-китайского конфликта⁸³¹, но российский посланник, уже знакомый с традициями местной дипломатии, упорно стоял на своем⁸³². Видя безуспешность обычных отговорок, брат богдыхана написал, что ценит искреннее желание Игнатьева помочь и поэтому согласен немедленно сформировать группу сановников для ведения переговоров. Ими стали: Жуйчан, Баюнь, Линькуй, Чэнци, Чахана и Цинин⁸³³. Заранее было оговорено, что все совещания будут проходить под строжайшей тайной, это было выгодно и самим китайцам⁸³⁴. В качестве основы будущих обсуждений Игнатьев отправил записку, в которой излагал требования об утверждении границ на западе и востоке, восстановлении сухопутной торговли и пересмотре неприменимых статей предыдущих трактатов, приложив к ней проект отдельного договора (который состоял не из 6 статей, как это было в 1859 г., а из 15) и копию карты Будогосского с надписями на маньчжурском языке⁸³⁵. 15 (27) октября состоялась первая конференция, итоги которой посланник отразил в донесении в Петербург: «Хотя князь Гун обещал уже письменно устроить, что возможно, и назначил уже полномочных для личных объяснений, но я сомневаюсь в успехе. Китайцы постоянно предлагают решить вопрос на границе»⁸³⁶.

Несмотря на туманные, по мнению Игнатьева, перспективы, он не мог и не хотел отступить. Дальнейшие переговоры, которые в основном вели архимандрит Гурий и А.А. Татаринов в строгом соответствии с его указаниями, продолжались ежедневно с

⁸³⁰ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 282 об.–283.

⁸³¹ Там же. Л. 290–290 об.

⁸³² Там же. Л. 284 об.–285.

⁸³³ АВПРИ. : 1) Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 291–292 ; 2) Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 640.

⁸³⁴ *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 283–284.

⁸³⁵ Там же. С. 284–285.

⁸³⁶ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 233 об.

9 часов утра до 17 часов вечера, несмотря на различные трудности, связанные с пребыванием в Пекине еще не успевших уехать европейцев. Так, однажды английский переводчик Паркс, правая рука лорда Элгина, увидел на русском подворье несколько парадных чиновничьих носилок и стал задавать неудобные вопросы относительно цели визита китайских сановников. В ответ он услышал, что решается вопрос об ускорении почтового сообщения через Монголию, в результате чего депеши союзников могут быть доставлены в Лондон и Париж с большей скоростью. Через несколько дней российский посланник был вынужден провести званый обед для руководства английской экспедиции, однако вышел с честью и из этого положения – в одно время с застольем в комнатах архимандрита Гурия продолжались горячие споры с китайскими уполномоченными, относительно которых заранее были отданы соответствующие распоряжения⁸³⁷.

Переговоры шли крайне медленно, особое сопротивление китайцев вызывали вопросы о разграничении на востоке и о свободе русской сухопутной торговли. По первому пункту китайцы, как и в 1859 г., настаивали, что левый берег Амура лишь уступлен России, что о торговле по р. Сунгари не может идти и речи и проч⁸³⁸. Относительно второго пункта китайские уполномоченные всеми силами старались не допустить учреждения русского консульства в Цицикаре, опасаясь, что в противном случае начнется централизованное проникновение России в Маньчжурию, и хотели сохранить торговый режим Нерчинского и Кяхтинского трактатов⁸³⁹. Желая ускорить ход переговоров, российский посланник сделал несколько заявлений, граничащих с откровенным шантажом, но необходимых в сложившейся ситуации:

1) он должен донести о состоянии дел в Китае своему императору, который будет крайне недоволен, что пекинское правительство воспользовалось покровительством представителя России, но не хочет оказать ему встречную услугу;

⁸³⁷ *Игнатъев Н.П.* Отчетная записка ... С. 285–286, 288.

⁸³⁸ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 376–376 об.

⁸³⁹ *Игнатъев Н.П.* Отчетная записка ... С. 288.

2) он уговорил европейцев отправить свои войска в Тяньцзинь, но теперь легко может уговорить их вернуться обратно;

3) в случае если ему придется остаться в Пекине на зиму, того же захотят представители Англии и Франции, которых он с трудом уговорил зимовать в Тяньцзине, а в этом случае богдыхан не сможет вернуться из своей загородной резиденции в столицу с подобающим величием⁸⁴⁰.

Эти доводы заставили китайских уполномоченных стать сговорчивее. Они скорее для проформы объявили, что уступка земель в Маньчжурии, вероятно, разозлит Богдыхана, признав при этом, что местность от озера Ханка до моря им совершенно неизвестна и даже не содержится на китайских картах. Чтобы еще больше усилить благоприятный эффект, Игнатьев объявил, что готов сделать несколько уступок, от которых Россия совершенно ничего не теряла:

1) отказаться от учреждения консульств в Цицикаре и Калгане;

2) сократить количество русских подданных, пребывающих в Пекине, до 200 человек;

3) разрешить китайским подданным, проживающим по р. Уссури, остаться в подчинении богдыхана⁸⁴¹.

Наконец, уполномоченные объявили, что они готовы доложить князю Гуну о том, что переговоры окончены, и представить ему на рассмотрение проект трактата. Российский посланник, на случай возможных недоразумений*, предупредил, что поскольку Гун не имеет полных полномочий для подписания трактата, то он, в свою очередь, также не будет ставить свою подпись вплоть до получения особого указа богдыхана⁸⁴². Эти условия были приняты. 23 октября (4 ноября) чиновники объявили, что князь очень рад окончанию переговоров и просит прислать ему предлагаемый

⁸⁴⁰ Там же. С. 292–293.

⁸⁴¹ Там же. С. 294.

* Речь идет о непризнании китайской стороной условий Айгунского трактата по причине недостаточных полномочий Ишаня.

⁸⁴² *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 295.

российской стороной проект⁸⁴³. Первый этап переговоров был окончен, осталось дождаться реакции со стороны китайских высших властей. Игнатъев уже был настроен не столь пессимистично, как ранее, но все же, в письме Н.Н. Муравьеву-Амурскому высказал некоторые опасения: «Пока могу сказать, *по чистой совести, что мне удалось оградить наши интересы более, нежели я сам когда-либо мог надеяться* (курсив мой. – Н.С.), и не только поддержать наше обычное влияние, но значительно его усилить. Этот результат доказывается всем, происходящим около нас теперь, но надолго ли можем мы на этом успокоиться, – покажут последствия. На китайцев и их доброе расположение полагаться ни в каком случае нельзя»⁸⁴⁴.

Брат богдыхана нанес первый визит Игнатъеву 29 октября (10 ноября). «26-ти-летний князь держал себя с достоинством, но довольно скромно и, будучи худошав собою, имел приемы очень мягкие, сейчас обличавшие его род», – описывал свои впечатления российский посланник. Прежде чем сесть на отведенное ему место, Гун извинился перед всеми присутствующими, что не мог быть на русском подворье раньше, поскольку был очень занят, а также благодарил за содействие, оказанное в переговорах с европейцами, сказав, что только в такое смутное и тяжелое время познаются настоящие друзья. Но в целом молодой аристократ чувствовал себя неловко, говорил на отвлеченные темы и с интересом рассматривал окружающих. За все время он лишь однажды вежливо упомянул, что отношения Китая с Россией стоят на особом месте, и должны регулироваться миролюбиво и по-соседски. Прощаясь, князь даже пожал Игнатъеву руку по европейскому обычаю⁸⁴⁵.

На следующий день российский посланник нанес встречный визит. Ему было отведено старшее, по китайским понятиям, место за столом. Попробовав многочисленные яства и сладости, Игнатъев около часа вел с Гуном непринужденный разговор о российском климате, о вкусовых предпочтениях россиян, о

⁸⁴³ Там же. С. 296.

⁸⁴⁴ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 364–365.

⁸⁴⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 608–608 об. ; *Игнатъев Н.П.* Отчетная записка ... С. 297–298.

государственном управлении, военной организации и транспорте в Европе и т.д., после чего вернулся в русское подворье⁸⁴⁶.

Нужно сказать, что мнение князя Гуна о роли Н.П. Игнатьева в мирном урегулировании и об образе его действий, высказанное богдыхану, было скорее негативным. По словам князя, российский представитель не занимался посреднической деятельностью, а, напротив, побуждал европейцев к разжиганию конфликта. В то же время Гун признавал его «человеком чрезвычайно изобретательным и невозмутимым», который вполне может навредить и «принести непредсказуемые беды» в отношениях с европейскими союзниками, и которому лучше пойти навстречу. Назвав Игнатьева «непревзойденным негодяем», император все же был вынужден дать свое согласие на выдвинутые им условия⁸⁴⁷.

31 октября (12 ноября) на Южное подворье прибыли китайские уполномоченные, которые привезли указ богдыхана о принятии требований России и пояснительную записку князя Гуна⁸⁴⁸. Несмотря на высочайшее утверждение, составленный российской стороной проект трактата все равно вызвал сопротивление уполномоченных, поэтому пришлось исправить как вариант на китайском языке, так и соответствующий русский перевод⁸⁴⁹. Поскольку было решено при ратификации трактата следовать примеру европейцев, Игнатьев просил также напечатать и разослать его текст по всем присутственным местам, что и было впоследствии исполнено⁸⁵⁰. Единственным препятствием оставался отказ Гуна подписать и приложить печать к пограничной карте Будогосского по той причине, что она расходится с китайскими картами, и князь не хотел брать на себя слишком большую ответственность, предложив сверить границу в следующем году специальными комиссиями. Видя принципиальное упорство китайской стороны, российский

⁸⁴⁶ *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 298–299.

⁸⁴⁷ *Чан Ц.* Императрица Цыси ... С. 59.

⁸⁴⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 608 об.

⁸⁴⁹ *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 300.

⁸⁵⁰ Там же.

посланник решил не настаивать, т.к. все необходимые гарантии давала 1 статья будущего трактата⁸⁵¹.

2 (14) ноября, предварительно удалив из Южного подворья английского переводчика Эдкинса, оставленного Брюсом в качестве соглядатая, Игнатъев и его подчиненные приняли князя Гуна со свитой, которые прибыли в 15:30. После необходимых приветствий была произведена проверка текстов и подписание нового договора, почетное право сделать это первому и приложить свою печать было предоставлено представителю России⁸⁵². Кроме этого, был подписан особый протокол размена текстов, составленный по настоянию Игнатъева с той целью, чтобы впоследствии Гун не мог сказать, что он поставил свою подпись под трактатом случайно⁸⁵³. После передачи китайцам пограничной карты, помещенной в специальный серебряный тубус, церемония завершилась⁸⁵⁴. Игнатъев мог покидать Китай с триумфом. На его донесении о заключении Пекинского договора император написал: «Надобно ему отдать справедливость, что он молодец»⁸⁵⁵.

В первую статью нового договора⁸⁵⁶ вошли несколько положений Айгунского трактата, в соответствии с которыми Амурский и Уссурийский край присоединялись к России, и кроме того, были прирезаны обширные территории «между р. Уссури, Хинкаем, р. Суйфынь, р. Тумыньцзян и морем, на владение которым, – как писал Игнатъев в объяснительной записке в Петербург, – мы, собственно, не имели никакого права, если бы основывались на одном указе богдыхана, данном Гуйляну»⁸⁵⁷. Таким образом, к России дополнительно отошла значительная часть будущего единого Уссурийского края, с Владивостоком и Хабаровском.

⁸⁵¹ Там же. С. 301.

⁸⁵² Там же. С. 302.

⁸⁵³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 609.

⁸⁵⁴ *Игнатъев Н.П.* Отчетная записка ... С. 302–303.

⁸⁵⁵ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 373.

⁸⁵⁶ Полный текст договора см.: Сборник договоров России ... С. 159–172.

⁸⁵⁷ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 376 об.

Вторая статья была посвящена разграничению на западе. С одной стороны, она отменяла притязания китайцев на все киргизские степи, которые уже были заняты Россией. С другой стороны, договор предоставлял российской стороне возможность произвольно подвинуть граничную линию «и овладеть бесспорно со стороны китайского правительства важными для [нее] входами в дефиле, ведущие в города малой Бухарии»⁸⁵⁸.

Пятая статья возвращала российским купцам права караванной торговли по Китаю и свободного посещения Пекина, которые устанавливали еще Нерчинский и Кяхтинский трактаты⁸⁵⁹.

Особое значение для будущих планов петербургского правительства, по мнению Игнатьева, имела шестая статья, которая давала России право вести в Кашгаре торговлю и открыть там консульство, т.к. Кашгар располагался довольно близко к Индии⁸⁶⁰. Сразу по заключении договора российский посланник рекомендовал принять меры по скорейшему началу торговли и строительству фактории, которую разрешалось укрепить, возложив это поручение на генерал-губернатора Западной Сибири⁸⁶¹.

Статья десятая, которая отменяла увеличение стоимости украденного товара в десять раз, избавила российских купцов от многих неудобств, которые они испытывали ранее⁸⁶². Двенадцатая позволяла им иметь постоянное почтовое сообщение с Пекином, что значительно упрощало ведение торговли⁸⁶³. Девятая и одиннадцатая статьи облегчали пограничное взаимодействие между местными начальниками, в результате чего Россия могла оказывать на Китай влияние⁸⁶⁴.

⁸⁵⁸ Там же. Л. 377 об.

⁸⁵⁹ *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 303.

⁸⁶⁰ Там же. С. 303–304.

⁸⁶¹ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 378.

⁸⁶² *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 304.

⁸⁶³ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 378 об.

⁸⁶⁴ *Игнатьев Н.П.* Отчетная записка ... С. 304.

Четырнадцатая статья предоставляла генерал-губернатору Восточной Сибири право заключать с Китаем новые правила о сухопутной и караванной торговле⁸⁶⁵.

Н.П. Игнатъев сообщал Н.Н. Муравьеву-Амурскому: «Хотя Вы мне и писали, чтобы я не приставал с требованиями моими к китайцам, но, для большей осторожности, мы подписали с князем Гуном маленькую дополнительную конвенцию к Тяньцзиньскому трактату»⁸⁶⁶. В данном случае дипломат проявил несвойственную ему скромность. Позже он оценивал свое детище, Пекинский договор, так: «Таким образом, статьи вновь заключаемого с китайцами трактата, совмещая в себе все выгоды бывших доселе между Россией и Китаем трактатов, содержат притом такого рода условия, на которые китайское правительство в прежнее время ни в каком бы случае не согласилось, как, например: уступка обширной территории на Востоке, допущение наших консульств в Урге, в Кашгаре, особенно же в последнем, номинально только подчиненном Китаю, и где владычество постоянно находится в шатком положении»⁸⁶⁷. Новый трактат был отправлен 6 (18) ноября с Л.Ф. Баллюзеким и 18 (30) декабря доставлен в Петербург⁸⁶⁸. 20 декабря (1 января 1861 г.) он был утвержден императором⁸⁶⁹, а 30 (11 января) и 31 декабря (12 января) опубликован в ведущих газетах⁸⁷⁰. После этого А.М. Горчаков отправил в Пекин официальную бумагу, в которой писал: «Пребывание генерал-адъютанта Игнатъева и все его действия в Пекине служат явным доказательством неизменной и искренней дружбы, существующей между двумя великими государствами, а заключенный ныне между ними дополнительный трактат скрепит эту дружбу еще более тесными

⁸⁶⁵ Там же.

⁸⁶⁶ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 376

⁸⁶⁷ *Игнатъев Н.П.* Отчетная записка ... С. 304–305.

⁸⁶⁸ Дневники великого князя Константина Николаевича ... С. 234; *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 375.

⁸⁶⁹ АВПРИ. Ф. 161. I–1. Оп. 781. Д. 170. Л. 21.

⁸⁷⁰ См. например: Санкт-Петербургские Ведомости. 1860. № 283 ; Московские Ведомости. 1860. № 284 ; Journal de St. Petersburg. 1860. № 295.

узами»⁸⁷¹. Игнатъев тем временем еще на несколько дней остался в Пекине, чтобы уладить все оставшиеся формальности и подготовиться к долгой дороге домой.

На следующий день после подписания договора российский посланник отправил князю Гуну и уполномоченным подарки, хранившиеся специально для этой цели в духовной миссии. Так, брат богдыхана получил собольи меха, ружье-револьвер, две винтовки, находящиеся на вооружении российской армии, и несколько бутылок шампанского; другим чиновникам подарили сукно, драдедам, хрусталь, шампанское и даже рафинированный сахар и стеариновые свечи. Ответные подарки, прибывшие в Южное подворье 4 (16) ноября, состояли преимущественно из различных съестных припасов и деликатесов, шелка, фарфора и традиционных вееров⁸⁷².

Князь Гун после подписания договора неоднократно интересовался судьбой оружия, отправленного Россией в качестве военной помощи Китаю⁸⁷³. 9 (21) ноября, в ходе прощального визита по случаю отправления российского посланника на родину, он завел об этом особый разговор⁸⁷⁴. Игнатъев отвечал уклончиво, отвергая обвинения собеседника в нарушении обещаний. Он утверждал, что по приезде в Пекин в 1859 г. не раз уведомлял китайское правительство о доставке оружия на границу и прибытии инструкторов, но Сушунь заявлял о бесполезности данной помощи, и по этой причине инструктора были отправлены обратно по местам службы, а оружие, скорее всего, роздано войскам в Восточной Сибири. Кроме того, дипломат отметил, что само по себе оружие будет бесполезно для Китая без переустройства всей военной системы. Гун сообщил, что богдыхан был рад получить из России уведомления о выполнении обещания Е.В. Путятин, а последующий отказ – результат самоуправства Сушуня, который не доложил об этом ни императору, ни Верховному государственному совету. Игнатъев, который, как известно, был против передачи китайцам оружия, ответил, что проверит состояние дел на границе и

⁸⁷¹ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 4. Л. 1 об.

⁸⁷² *Игнатъев Н.П.* Отчетная записка ... С. 305–306.

⁸⁷³ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 404 об.

⁸⁷⁴ *Игнатъев Н.П.* Отчетная записка ... С. 306.

уведомит об этом князя письменно⁸⁷⁵. Свое отношение к сложившейся ситуации он выразил в донесении А.М. Горчакову: «Мне кажется, что мы, к сожалению, не вправе не исполнить собственных предложений наших и настоящего желания Маньчжурского правительства. Непоследовательными действиями мы можем подорвать доверие к нам, уничтожить разом влияние наше в Китае и дать случай Англии или Франции воспользоваться этим и оказать Маньчжурскому правительству важные услуги в военном отношении. Желательно, однако же, чтобы европейские державы не почли оказываемое нами Китаю пособие за меру им враждебную и чтобы, по многим причинам, окончательная выдача китайцам оружия была замедлена под благовидными предлогами до будущего мая. Выдача оружия должна производиться по частям, и генерал-губернатору Восточной Сибири следует предоставить право приостановить оную в случае недобросовестного исполнения китайцами заключенного договора. Вместе с тем необходимо, чтобы мы действиями своими и сношениями с китайским правительством старались утвердить в нем уверенность в искренности наших добрых намерений относительно Китая и рассеять те сомнения, которые могут возникнуть от того, что просьба маньчжур не может быть нами теперь исполнена немедленно»⁸⁷⁶.

5 (17) ноября Н.П. Игнатьев писал Е.П. Ковалевскому: «Исполнив возложенное на меня государем поручение честно и добросовестно, по мере сил и умения, полагаю, что имею теперь право вернуться в Отечество и потому тороплюсь к родному очагу – на отдых»⁸⁷⁷. 10 (22) ноября по выпавшему первому снегу российский посланник, восседавший в парадных носилках, и его верховые подчиненные покинули Пекин. На всем пути его встречали как высшего сановника. В Калгане местные власти даже возвели перед назначенным для проживания русской миссии домом обильно украшенные ворота, походившие на европейские триумфальные арки. По прибытии в

⁸⁷⁵ АВПРИ. Ф. 161. I-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15, ч. 2. Л. 404 об.–405 об.

⁸⁷⁶ Там же. Л. 406–406 об.

⁸⁷⁷ Там же. Л. 396.

Ургу дипломат обменялся визитами с местными амбаниями, договорившись, в том числе, о месте помещения русского консульства в этом городе⁸⁷⁸. В донесении в Петербург он писал: «Во время поездки моей через Монголию я убедился еще более в важности, которую будет иметь для России учреждение консульства нашего в Урге, и в том влиянии, которое мы можем приобрести, при удачном выборе консула, на Монголию и, может быть, даже на Тибет»⁸⁷⁹.

27 ноября (9 декабря) Н.П. Игнатъев прибыл в Кяхту, где был торжественно встречен духовенством и местными жителями, после чего направился в городской собор для слушания молебна⁸⁸⁰. Впоследствии он писал А.И. Деспоту-Зеновичу: «В числе приятнейших воспоминаний моей жизни будут двоекратные приемы и проводы жителей кяхтинского градоначальства»⁸⁸¹. Через три дня дипломат отправился в Иркутск. При переправе через р. Ангару его лодка, затертая льдами, едва не затонула, но трагедии удалось избежать, и Игнатъев благополучно достиг берега, где его ожидала делегация во главе с генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским, который сказал: «Вы не только сослужили службу России, но и спасли нашу честь, закрепив то, что мы захватили»⁸⁸². После молебна Игнатъев отправился в дом к губернатору, где предстал перед собравшимися в генерал-адъютантском сюртуке без эполет и аксельбантов, принадлежавшем самому Муравьеву, т.к. все его личные вещи находились еще в пути. В восточносибирской столице он пробыл до 12 (24) декабря, вынужденный присутствовать на балах, театральном представлении, на котором публика устроила ему овацию, и на собрании местного отделения ИРГО, где Д.И. Романов публично читал свою статью о новом положении России в Китае, впоследствии отдельно опубликованную⁸⁸³.

⁸⁷⁸ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 621 об.–622, 623 об.–624.

⁸⁷⁹ Там же. Л. 624.

⁸⁸⁰ *Игнатъев Н.П.* Отчетная записка ... С. 310.

⁸⁸¹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2150. Л. 1.

⁸⁸² *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 421.

⁸⁸³ Там же. С. 421–422.

Выехав из Иркутска, Игнатъев как можно быстрее старался добраться до Москвы и нигде, кроме Красноярска, не останавливался надолго. В районе Омска он получил известие о награждении орденом св. Владимира 2 степени (за заключение Пекинского договора), орденом Св. Станислава 1 степени (за посредничество в европейско-китайском конфликте) и производстве в генерал-адъютанты. Перед Екатеринбургом на одной из почтовых станций его ожидала посылка с аксельбантами и генерал-адъютантскими эполетами, отправленная отцом⁸⁸⁴. 31 декабря (12 января 1861 г.) Игнатъев прибыл в Москву, сел на поезд в Петербург и на следующий день уже находился среди родных. 2 (14) января генерал-адъютанта Игнатъева принимал Александр II, который, вручая ему орденскую звезду св. Владимира, сказал: «Ты оправдал мое доверие, превзошел наши ожидания, поддержал честь и достоинство России, девиз ордена как бы для тебя сочинен – польза, честь и слава»⁸⁸⁵. Миссия Н.П. Игнатъева в Китай была завершена.

Итак, оказавшись в Пекине, Н.П. Игнатъев принял на себя исполнение посреднических функций в переговорах китайцев с англо-французами в обмен на принятие прежних российских требований. Своей деятельностью он способствовал достижению соглашения между европейскими и китайскими уполномоченными и тем самым спас Пекин от возможного разорения и разграбления. Собственные переговоры российский уполномоченный стремился провести без влияния со стороны и потому, используя с большим трудом завоеванное доверие английского и французского коллег, уговорил их как можно скорее покинуть столицу Поднебесной и отложить прибытие назначенных министров-резидентов. В начавшихся регулярных встречах с китайскими уполномоченными Игнатъеву удалось сломить сопротивление китайской стороны и добиться максимального удовлетворения его условий, сделав при этом лишь незначительные уступки. Результатом переговоров стало подписание Пекинского дополнительного договора, главное значение которого заключалось в

⁸⁸⁴ Там же. С. 438–440.

⁸⁸⁵ Там же. С. 441–442.

том, что он подтверждал постановления Айгунского трактата, закреплял за Россией Уссурийский край и позволял ей провести границу с Китаем на западе выгодным для себя образом.

По результатам данной главы можно сделать следующие выводы:

1) Выехав из Пекина в Печелийский залив, Н.П. Игнатъев строго следовал данной ему инструкции, согласно которой он должен был, так же как и Е.В. Путятин в 1858 г., наблюдать за действиями англичан и французов и стараться занять позицию посредника в их переговорах с Китаем. Российский представитель рассматривал сложившуюся ситуацию как практически безнадежную, но, в отличие от американского посланника, признавшего бесполезность своей посреднической функции после нескольких неудач, он проявил должные терпение и выдержку и не оставил попыток принять активное участие в развитии событий в Китае летом-осенью 1860 г.

2) Англия и Франция, как и два года назад, не имели полного представления об интересах России в Китае, отношение их представителей к российскому коллеге было вначале настороженным и отчасти недоброжелательным. С другой стороны, между английскими и французскими уполномоченными и главнокомандующими не установилось должного взаимопонимания, т.к. каждая из сторон строила различные планы дальнейших действий, обладала разным количеством ресурсов и преследовала, помимо общих, и свои собственные цели. Благодаря своей настойчивости и терпению, а также присущему ему умению вызывать симпатию собеседника, Н.П. Игнатъеву удалось установить доверительные отношения сначала с бароном Гро, а затем и с лордом Элгином. Умело используя особенности характера и психологии английского и французского дипломатов, российский уполномоченный не только получал необходимые сведения о дальнейших планах союзников, но и по возможности усугублял существовавшие между ними противоречия. Такая тактика позволила избежать усиленного давления европейцев на китайское правительство и

установления их неограниченного влияния в Поднебесной, которого опасались в Петербурге.

3) В Пекине продолжали придерживаться традиционной тактики. Ободренное своим успехом в ходе отражения английского наступления при Дагу в 1859 г., китайское правительство рассчитывало оказать достойное сопротивление захватчикам и летом 1860 г. После первого тяжелого поражения для переговоров с европейцами из Пекина в Тяньцзинь были отправлены представители, которые, как оказалось, не имели должных полномочий и главной целью которых было затягивание времени и попытка любыми путями свести к минимуму выдвинутые требования.

4) После того как требования Англии и Франции не получили удовлетворения, их войска выступили в направлении Пекина. Ситуация усугубилась жестоким обращением китайцев с европейскими пленниками. Окрестности столицы Цинской империи были разорены, уничтожен императорский летний дворец Юаньминьюань, сам город оказался под серьезной угрозой. Стоит признать, что дальнейшие успехи Н.П. Игнатьева в его переговорах были во многом обусловлены именно этим обстоятельством. Лорд Элгин и барон Гро были вынуждены обращаться к нему за советом относительно своих дальнейших действий, т.к. российский дипломат прожил в Пекине практически год и имел ценные сведения об обстановке в городе и нравах столичных сановников. Более того, в 1860 г., по сравнению с событиями двухлетней давности, богдыхан и его правительство оказались в более тяжелом положении и, соответственно, были готовы пойти на более серьезные уступки. Игнатьев добился того, чтобы его посредничество рассматривалось как серьезная услуга России по отношению к Китаю, требующая ответной реакции. Благодаря доверительным отношениям с представителями Англии и Франции, российскому уполномоченному, в отличие от своего предшественника Е.В. Путятину, действительно удалось повлиять на ход европейско-китайских переговоров и смягчить их возможные негативные последствия для Цинской империи.

5) Несмотря на то что заключенный Игнатьевым Пекинский договор получил название «дополнительного», его значение было очень весомым. Получили подтверждение все постановления Айгунского трактата; к России отходил обширный Уссурийский край, потеря которого ранее признавалась в Пекине невозможной; были достигнуты договоренности о двусторонней демаркации границы не только на востоке, но и на западе, причем на выгодных для России условиях; российские купцы получили право вести караванную торговлю на всей территории Китая. В отличие от Айгунского и Тяньцзиньского трактатов, при подписании Пекинского договора не было допущено ошибок, т.к. Игнатьев обратил особое внимание на соблюдение всех возможных формальностей. О реализации конкретных постановлений этого договора пойдет речь в последней главе.

Глава 4. Последствия поездки Н.П. Игнатьева в Китай*

В данной главе речь пойдет о том, какое влияние оказала миссия Н.П. Игнатьева в Китай на политику России в отношении этого государства и какими были ее итоги для самого дипломата.

Игнатьев вернулся в Петербург в начале января 1861 г. До приезда в Пекин назначенного туда министром-резидентом Л.Ф. Баллюэка единственным представителем России в Китае оставался архимандрит Гурий, который, по словам Игнатьева, «решил разыгрывать политическую роль» и добиться свидания с князем Гуном для обсуждения оставшихся нерешенными вопросов и защиты российских интересов, т.к. считал, что российское влияние в Китае сходит на нет⁸⁸⁶. Достигнув своей цели, он писал, что китайское правительство ждет помощи против тайпинов, и предлагал вооруженным путем поддержать правящую династию⁸⁸⁷. По этому поводу Н.Н. Муравьев-Амурский писал в Петербург: «Гурий опять трусит, но главное, кажется, обижается, что богдыхан не спрашивает его советов, а потому и смотрит на упадок русского влияния пессимистически... Проект Гурия о поддержании Маньчжурской династии нашей военной силой весьма интересен, но я на все это ему ничего отвечать не буду»⁸⁸⁸. В качестве реакции на эти действия начальника духовной миссии, Игнатьев составил проект письма МИД, в котором указывалось, что:

1) начальник миссии не должен забывать, что миссия в глазах китайцев и европейцев носит, прежде всего, духовно-ученую, а не политическую функцию, и потому она может принести гораздо бóльшую пользу, если будет пристально следить за положением дел и делать местным чиновникам нужные внушения;

* При подготовке данной главы диссертации использовались следующие публикации автора: *Сосна Н.А.* Амурский комитет и его роль в политике России на Дальнем Востоке во второй половине 1850-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 62–70 ; *Сосна Н.А.* Последствия миссии Н.П. Игнатьева в Китай в 1859–1860 гг. // Россия и АТР. 2019. № 2. С. 20–36.

⁸⁸⁶ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 474.

⁸⁸⁷ Там же. С. 476.

⁸⁸⁸ Там же.

2) отказы князя Гуна от встреч объясняются, во-первых, тем, что он по своему положению не должен совещаться с «русскими монахами», а во-вторых, что сам аристократ еще в ноябре 1860 г. предупреждал, что он является попросту одним из членов Верховного государственного совета;

3) судя по донесениям Гурия, положение дел в Китае несколько не изменилось, и до прибытия русского резидента ему не стоит выходить из положения наблюдателя;

4) враждебное влияние Сушуня давно известно, а что касается возможного неисполнения условий Пекинского договора, то оно вполне вероятно по причине безрассудства маньчжур, однако договор утвержден богдыханом и подписан Гуном, на что и нужно ссылаться в случае спорных ситуаций;

5) русское влияние, судя по донесениям Гурия, вовсе не уменьшилось, а напротив, укрепилось, т.к. китайцы продолжают обращаться к России с многочисленными просьбами;

6) с другой стороны, Россия установила свое влияние в период большой опасности для Китая, а в спокойное время нужно прикладывать гораздо больше усилий, иначе Китай попадет под влияние англичан;

7) донесения Гурия укрепляют убеждение в том, что российский резидент должен оказаться в Пекине одновременно со своими английским и французским коллегами и войти с ними в формальное соглашение, не упуская при этом из вида собственных целей⁸⁸⁹.

Тем не менее было ясно, что Китай в политическом отношении находился в неопределенном положении. Богдыхан не вернулся в столицу после своего бегства в сентябре, и государством продолжал управлять Верховный совет. В этой связи будущий генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, преемник Н.Н. Муравьева-Амурского, составил особую записку, в которой предположил три варианта развития событий в Китае: продолжение правления действующего

⁸⁸⁹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 428. Л. 1–8.

императора, замену его младшим братом (т.е., князем Гуном) и свержение правящей династии руками иностранцев. В первом случае генерал предлагал закрепить достигнутые успехи, пусть и путем военных демонстраций, во втором – дождаться определения линии нового правительства в отношении России, и в третьем – образовать из Монголии и Маньчжурии два самостоятельных княжества, взяв их под свое покровительство и объявив, что таким образом достигается безопасность границ в случае недоброго отношения новой династии и ее отказа признать Айгунский договор⁸⁹⁰. Безусловно, подобный проект был весьма авантюрен и не был принят, но он ярко демонстрировал, насколько туманно виделось в России будущее Китая.

Дальнейшие политические события в Китае определила смерть молодого императора Сяньфэня, так и не вернувшегося в столицу, в августе 1861 г. Наследником престола стал Цзайчунь, его сын от наложницы по имени Цыси, вокруг которого был сформирован регентский совет под негласным контролем Сушуня. Этот сановник превратился в фактического правителя государства, но, как оказалось, ненадолго. Конец эпохи Сушуня наступил благодаря деятельности незаметной на тот момент Цыси. Именно она вступила в сговор со второй вдовствующей императрицей Цыань и князем Гуном и отдала приказ об аресте всех членов регентского совета. Сушунь как неформальный глава совета и самый опасный противник был через несколько дней казнен на Западном рынке Пекина⁸⁹¹. Китай же постепенно вступал в новую эпоху, связанную с именем Цыси. Архимандрит Гурий писал Игнатьеву в конце октября 1861 г.: «Не могу не поздравить ваше превосходительство с торжеством идей, которые Вы в свое время здесь проводили. Гунцинъван теперь регент государства. Жуйчан (бывший 2-й уполномоченный при Сушуне), Баоцзюн и Вянсян, все Ваши старые знакомые, члены Верховного государственного совета. Таким образом, во

⁸⁹⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 49. Л. 2–6.

⁸⁹¹ Чан Ц. Императрица Цыси ... С. 63–73.

главе стоят все люди, выразившие, в менее удобное время, так ясно свое расположение к России и в особенности лично к Вам»⁸⁹².

Вернувшись в Петербург, Игнатьев продолжил деятельно заниматься китайскими делами. Он подал в МИД записку под названием «Меры, которые необходимо теперь принять для приведения в исполнение Пекинского договора и упрочения нашего положения в Китае», в которой предлагал незамедлительно и в точности исполнить постановление договора о совместном изучении и проведении границы от р. Уссури до моря; организовать консульства в Урге и Тяньцзине; разрешить российским купцам выезжать из Кяхты за границу для торговли, сбавить ввозные пошлины на чай и на время их совсем отменить для привлечения китайских купцов; поторопиться с устройством телеграфа в Восточной Сибири; принять меры для заселения Уссурийского края; укрепить приобретенные Россией морские порты, оставив один из них для торговли с режимом порто-франко; оружие, требуемое китайцами в качестве помощи, выдавать по частям с обязательной отправкой инструктора; поразмыслить над возможностью помощи Китаю против тайпинов; дать генерал-губернаторам пограничных с Китаем областей особую инструкцию об их отношениях с цинскими генерал-губернаторами (цзянь-цзюнями); решить вопрос о необходимости пребывания постоянного дипломатического агента в Пекине, и в случае если он будет решен положительно – построить для него отдельную резиденцию, в обратном же случае – соединить полномочия временного министра-резидента с полномочиями начальника военных инструкторов; изменить состав духовной миссии, пересмотрев ее штат и инструкции; построить железную конную дорогу через всю Сибирь, или, по крайней мере, между озером Ханка и р. Суйфынь; укрепить консульство и факторию в Кашгаре, для совместных с Китаем действий против Коканда⁸⁹³.

⁸⁹² *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 482–483.

⁸⁹³ Там же. С. 453–457.

Предложения Игнатьева стали основой для очередного заседания Амурского комитета, которое состоялось 9 (21) января 1861 г. Комитет в основном одобрил положения представленной записки, отказавшись только от оказания помощи против тайпинов (категорически), укрепления морских портов и строительства конной железной дороги, которые решили отложить до полного заселения края⁸⁹⁴. В следующем заседании, 22 февраля (6 марта) 1861 г., было принято решение не отказываться окончательно от помощи пекинскому правительству в борьбе с восстанием вплоть до обсуждения этого вопроса с Англией, а разграничение с Китаем на западе отложили до следующего 1862 г., вероятно с той целью, чтобы произвести предварительную разведку местности, по которой должна была пройти граничная линия⁸⁹⁵.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о реализации конкретных постановлений Пекинского договора, необходимо также сказать несколько слов о назначении в столицу Поднебесной министра-резидента Л.Ф. Баллюзека, которое означало утверждение постоянного дипломатического представителя России в Китае. Инструкции и распоряжения российского правительства, выданные Баллюзеку, безусловно, были составлены с учетом вышеупомянутого обсуждения актуального положения дел в Китае, проводившегося при непосредственном участии Игнатьева.

Распоряжение о назначении дипломатической миссии в Пекин было отдано Александром II 18 февраля (2 марта) 1861 г. В этот же день от лица императора богдыхану была отправлена соответствующая грамота⁸⁹⁶. В своем листе в Верховный государственный совет от 4 (16) марта А.М. Горчаков рекомендовал пекинским сановникам следующее: «<...> обращаться к полковнику Баллюзеку по всем делам, клонящимся к взаимной пользе и благу как вашего, так и нашего государства, и давать полную веру всему, что он будет предлагать. <...> Я вполне уверен, что правительство

⁸⁹⁴ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 410. Л. 5–5 об., 6–6 об., 7 об.

⁸⁹⁵ АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 495. Л. 50–51 об.

⁸⁹⁶ АВПРИ. Ф. 161. IV-2. Оп. 119. 1861–1863 гг. Д. 12. Л. 1–1 об.; 4–5 об.

его богдоханова величества окажет ему такой прием, как подобает принимать лицо, облеченное в его звании, и какой мы сами всегда готовы сделать представителю Китая, если бы он прибыл в столицу нашего государства»⁸⁹⁷.

Инструкция МИД Л.Ф. Баллюзеку датируется 8 (20) марта. Назначение постоянного дипломатического представителя в Пекине, обусловленное статьей 12 Тяньцзиньского трактата, объяснялось в этом документе необходимостью «правильного применения <...> новых трактатов на деле, как в смысле политическом, так и торговом, а равно <...> наблюдения за развитием событий, как непереносимое последствие вступления Китая в более тесные сношения с другими державами»⁸⁹⁸.

Основные положения инструкции сводились к следующему:

1) Действия Н.П. Игнатьева в 1859–1860 гг. способствовали приобретению доверия к России со стороны маньчжурского правительства, но многочисленные примеры показали, что при первом неблагоприятном случае это доверие может быть утрачено, в связи с чем министру-резиденту предписывалось «в сношениях с китайскими министрами воздерживаться от всяких действий, которые бы могли бесполезно обидеть их щекотливое самолюбие»⁸⁹⁹;

2) Необходимо добиваться практического предоставления России тех прав и преимуществ, которые распространялись на европейцев согласно Тяньцзиньскому и другим трактатам;

3) Министр-резидент должен установить дружественные и откровенные отношения с представителями других европейских держав, доказывая им, что Россия не имеет в Китае никаких других устремлений, кроме точного исполнения существующих договоров. Совместные действия с европейскими коллегами возможны также лишь в рамках заключенных трактатов, от участия в делах, выходящих за их рамки, следует уклоняться;

⁸⁹⁷ Там же. Л. 21–21 об.

⁸⁹⁸ Там же. Л. 29–29 об.

⁸⁹⁹ АВПРИ. Ф. 161. IV-2. Оп. 119. 1861–1863 гг. Д. 12. Л. 30 об.

4) Правительство богдыхана намерено в точности исполнить постановления статьи 1 Пекинского договора о демаркации восточной границы двусторонней комиссией, но в случае недобросовестного поведения китайской стороны в этом вопросе необходимо настаивать на беспрекословном соблюдении существующих договоренностей;

5) Относительно проведения границы на западе министр-резидент должен предложить китайскому правительству прислать своих уполномоченных в Чугучак весной 1862 г.;

6) Поскольку на министра-резидента также возлагалась должность начальника российских военных инструкторов, соответствующие распоряжения и указания он должен получить из Военного министерства. МИД акцентировал внимание на том, что предоставление Россией военной помощи Китаю не должно быть тайной от других европейских государств и может быть объяснено давними двусторонними договоренностями, которые не приводились в исполнение во время вооруженного европейско-китайского конфликта;

7) Для заселения Амурской и Приморской областей полезно воспользоваться полученным европейцами правом нанимать и перевозить китайских подданных в другие государства;

8) На основании статьи 8 Пекинского договора в Ургу назначен консулом капитан Боборыкин, а торговым агентом в Тяньцзине – коллежский асессор Пещуров. Министру-резиденту предписывалось поддерживать с ними постоянную связь, сообщая все необходимые сведения;

9) Н.П. Игнатьев уклонился от прямого ответа на просьбу китайского правительства о предоставлении Россией помощи против восстания тайпинов. В настоящий момент российское правительство также не намерено вмешиваться во внутренние дела Китая, но возможную повторную просьбу министров богдыхана необходимо использовать, чтобы выяснить истинные масштабы восстания и реальность слухов о том, что его предводитель является наследником династии

Мин⁹⁰⁰. Министру-резиденту разрешалось заявить, что при особо неблагоприятном развитии событий его правительство готово обеспечить династии Цин владение Маньчжурией;

10) Амурский комитет разрешил кяхтинским купцам осуществить отправку каравана в Пекин в экспериментальном порядке, но для этого из Кяхты в Пекин должен быть предварительно отправлен представитель для организации необходимых помещений и складов. Министр-резидент должен оказывать русско-китайской сухопутной торговле всю необходимую помощь и поддержку, руководствуясь постановлениями Тяньцзиньского и Пекинского трактатов, но он не несет ответственности за заключаемые сделки и за те трудности, которые неизбежно возникнут при отправлении первого каравана⁹⁰¹.

Таким образом, Л.Ф. Баллюзек должен был в первую очередь способствовать укреплению дружественного отношения Китая к России, возникшего во многом благодаря деятельности Н.П. Игнатьева, и следить за соблюдением китайской стороной ранее заключенных трактатов, в том числе и Пекинского. О том, как и в

⁹⁰⁰ В проекте инструкции Л.Ф. Баллюзеку присутствует фрагмент, не вошедший в итоговый вариант документа. Он показывает, что в Петербурге некоторое время все же рассматривали вариант оказания помощи в усмирении тайпинского восстания. Вот его содержание: «Чтобы вызвать китайских сановников на откровенность, Вы можете отвечать им, что между европейскими державами принято правило невмешательства во внутренние дела государств, что бывают, однако, исключения, когда одна держава, по дружескому расположению к другой и по желанию ее, оказывает ей содействие при каких-либо внутренних затруднениях, стараясь первоначально достигать желаемой цели миролюбивыми путями и притом с полным, верным знанием дела; что поэтому, и в настоящем случае, Вам необходимо донести императорскому правительству в точности существо дела, необходимо знать силу, значение возмущения, чтобы согласно с тем можно было определить силу, размер действий для скорого и надежного достижения цели, что, может быть, по тщательном и глубоком обсуждении дела можно бы, без излишнего кровопролития, приискать и другие средства к усмирению возмущения, что Вам необходимо также знать мнение правительства богдохана о том, как оно разумеет просимую помощь, чем она должна начаться, чем ограничиться. Эта мысль относится до того предположения, что если императорское правительство и решится подать помощь против возмущения, то ни в каком случае не желает вовлечься в какую-либо долговременную борьбу, а ограничить свое влияние известным событием, например, взятием Нанкина и отступлением инсургентов за границы определенной провинции». (АВПРИ. Ф. 161. IV-2. Оп. 119. 1861–1863 гг. Д. 12. Л. 37–38.)

⁹⁰¹ АВПРИ. Ф. 161. IV-2. Оп. 119. 1861–1863 гг. Д. 12. Л. 29 об.–41.

какой степени были реализованы постановления заключенного в ноябре 1860 г. русско-китайского договора, пойдет речь ниже.

Самым важным вопросом после подписания Пекинского договора являлся вопрос об окончательном оформлении русско-китайской границы. Впервые наглядная декларация пекинской договоренностей⁹⁰² относительно границ на востоке появилась в виде «Карты Амурской страны...», изданной в Иркутске в 1860 г.⁹⁰³ Она являлась копией карты, составленной экспедицией К.Ф. Будогосского в 1859 г. и приложенной Игнатьевым к Пекинскому договору. Граничная линия была проведена на ней красным цветом, скорее всего, рукой самого Игнатьева, но на неизученной части местности в Уссурийском крае линия прерывалась, в результате чего образовалось своеобразное «окно»⁹⁰⁴. Его устранение, обмен окончательных карт и постановка пограничных знаков были поручены специальной комиссии, которую с российской стороны возглавили П.В. Казакевич и К.Ф. Будогосский. Последний получил это назначение по инициативе Игнатьева, но, утомленный этой крайне тяжелой работой, в личном письме сообщал ему, что собирается оставить свою службу в Восточной Сибири после окончания разграничения⁹⁰⁵. Русские комиссары получили инструкцию не усложнять переговоры мелкими спорами и 16 (28) июня 1861 г. благополучно исполнили данное им поручение, отправив в Петербург официальную пограничную карту⁹⁰⁶. Проведенные впоследствии Будогосским и его подчиненными топографическая съемка и постановка пограничных знаков⁹⁰⁷ окончательно закрепили за Россией обширнейшие территории на Дальнем Востоке, присоединение которых стало возможным благодаря активной деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского и Н.П. Игнатьева.

⁹⁰² *Постников А.В.* История географического изучения и картографирования ... С. 241.

⁹⁰³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 928. Л. 31.

⁹⁰⁴ *Киреев Г.В.* Россия–Китай ... С. 24.

⁹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2484. Л. 1

⁹⁰⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 839. Л. 69–69 об.

⁹⁰⁷ Подробнее об этом см.: *Постников А.В.* Географическое изучение и картографирование ... С. 239–242 ; *Захаренко И.А.* История географического изучения ... С. 137–143.

Граница между Россией и Китаем на западе не была четко определена Пекинским договором, который ограничивался выделением основных опорных точек. Как известно, Игнатьев считал это большим плюсом, т.к. таким образом появлялась возможность мирным путем сдвинуть итоговую граничную линию в выгодном для себя направлении. В Петербурге он расширил круг своих соображений, объясняя, что скорейшее проведение границы на западе необходимо еще и затем, чтобы не дать повода иностранным государствам обвинить Россию в захвате земель на Амуре, т.к. в этом случае можно будет утверждать о желании четко обозначить граничную линию на всем ее протяжении⁹⁰⁸. Были также конкретизированы и основные территории, которые желательно было приобрести при разграничении – озеро Нор-Зайсан, богатое рыбой⁹⁰⁹, и Чарынская горная система, предоставлявшая удобные проходы в Кашгар, Яркенд и Хотан⁹¹⁰. Важно было и то, что в районе предполагаемой границы кочевали подвластные России племена киргизов, и этот факт можно было использовать для обоснования расширения границы в некоторых местах⁹¹¹. Игнатьев составил отдельную записку по вопросам западного разграничения, о содержании которой мы не будем говорить здесь подробно⁹¹². Отметим только, что согласно правительственным распоряжениям начальниками российской пограничной комиссии были назначены обер-квартирмейстер войск Западной Сибири полковник И.Ф. Бабков и бывший консул в Кашгаре, знаток Китая и Востока И.И. Захаров⁹¹³. Комиссарам рекомендовалось следовать естественным рубежам, оставляя пограничные знаки только в местах искусственной границы⁹¹⁴. Однако утверждение намеченной Пекинским договором граничной линии было сопряжено с большими

⁹⁰⁸ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 471–472.

⁹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 432. Л. 2.

⁹¹⁰ Там же. Д. 431. Л. 2 об.

⁹¹¹ Там же. Л. 2 об.–3.

⁹¹² Там же. Д. 432. Л. 5–10.

⁹¹³ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 472.

⁹¹⁴ Там же. С. 473.

сложностями⁹¹⁵, т.к. она совпадала с крайне нестабильной линией китайских пикетов, и, кроме того, пограничный регион был населен постоянно перемещавшимися кочевыми племенами⁹¹⁶. В 1864 г. после двухлетних споров был подписан Чугучакский протокол, закрепивший западную русско-китайскую границу, соответствовавшую всем пожеланиям Игнатьева⁹¹⁷. По этому поводу Захаров писал Игнатьеву: «Поспешаю уведомить и поздравить ваше превосходительство со счастливым окончанием дела об установлении западной границы, которому Вы положили такое прочное основание Пекинским трактатом. И на последнем съезде нашем с комиссарами не обошлось без споров и крупных объяснений, но все же нам удалось сломить китайскую гордыню и упорство»⁹¹⁸. Свое удовлетворение высказывал и генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель: «Я представляю, какие большие глаза сделают китайцы, когда увидят, как корабль под русским флагом пересекает озеро Нор-Зайсан вдоль и поперек. Приобретением в наше распоряжение этого внутреннего озера мы обязаны заключенному Вами мирному договору»⁹¹⁹.

Оценивая статьи заключенного Игнатьевым Пекинского договора о торговле, кяхтинское купечество в своем торжественном адресе от 6 (18) декабря 1860 г. высказывалось следующим образом: «Освободив нашу торговлю с Китаем от тех колодок, в которых она едва двигалась до настоящего времени, Вы вместе с тем дали новый исход для богатых, но находившихся до сих пор в застое, промышленных сил Сибири. Вы открыли для русской торговли новый широкий и самостоятельный путь, в котором она давно чувствовала потребность и на который указывало ей и географическое положение России и вся история наших торговых сношений с Китаем

⁹¹⁵ Изучение и описание всех событий, связанных с подписанием Чугучакского протокола, может стать предметом отдельного исследования. Подробнее о деятельности российской комиссии, уполномоченной провести западную русско-китайскую границу см.: *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири ... С. 86–103, 162–288.

⁹¹⁶ *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений ... С. 244.

⁹¹⁷ Полный текст протокола см.: *Русско-китайские отношения ...* С. 46–49.

⁹¹⁸ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 473.

⁹¹⁹ Там же.

<...> Словом, с Вами начинается новое время и новая жизнь для русской сухопутной торговли с Китаем, и имя Ваше, рядом с именем графа Муравьева-Амурского, останется вечно дорогим для памяти каждого, кто умеет сочувствовать общему делу»⁹²⁰. Позже директор кяхтинской таможни Н.К. Крит в письме в Министерство финансов отмечал: «Игнатъев вполне понял бедственное положение нашей торговли, если бы она при конкуренции английских товаров осталась при прежнем ограничении, потому он и хлопотал о караванной торговле, и чтобы при этом нашим купцам предоставлено было совершенно исключительное положение в Китае. Он вполне этого достиг. Никому из наших уполномоченных, не говоря уже на Востоке, но даже и на Западе, не удавалось заключать такого выгодного трактата. И всего этого он достиг, не издержав ни гроша, тогда как Тяньцзиньский трактат и Пекинская конвенция далеко не так выгодные, как наш трактат, англичанам и французам стоили около 100 миллионов рублей. Трактатом своим Игнатъев открыл нашей торговле блистательную будущность, если только наши купцы и фабриканты сумеют воспользоваться преимуществами им дарованными»⁹²¹.

Сам Игнатъев в особой записке о кяхтинской торговле предлагал сделать следующее в целях достижения положительного эффекта от постановлений Пекинского договора:

- 1) предоставить торгующим в Кяхте полную свободу в их действиях;
- 2) разрешить торговать купцам 3 гильдии и крестьянам;
- 3) разрешить купцам взаимные долговые обязательства;
- 4) изменить существующий кяхтинский тариф;
- 5) изменить правила отсрочки пошлин и таможенных платежей;
- 6) сократить штат и расходы таможенного управления⁹²².

⁹²⁰ Там же. С. 414.

⁹²¹ Там же. С. 417–418.

⁹²² ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 418. Л. 7–7 об.

Он выступал и за уменьшение таможенного тарифа для торговли со всей Азией, а для русско-китайской торговли также считал полезным дополнение традиционного ассортимента из чая, золота и серебра с русской стороны мануфактурными товарами, а с китайской – кожами⁹²³.

Любопытно, но положения этой записки во многом схожи с предложениями обширной записки А.И. Деспота-Зеновича «О мерах, необходимых для исполнения Пекинского договора», среди которых, кроме совпадений, значилось:

- 1) отменить ограничения в отпуске драгоценных металлов;
- 2) уменьшить пошлину с чая и назначить на разные его виды одинаковый налог;
- 3) отменить ограничения на отпуск с обеих сторон некоторых товаров;
- 4) отменить ввозные пошлины на все товары, кроме чая;
- 5) облегчить порядок таможенного делопроизводства⁹²⁴.

Тем не менее реализация этих предложений и постановлений Амурского комитета не была столь успешной. О причинах неудач Игнатъев писал: «К сожалению, надежды эти не вполне оправдались: отчасти по вине купцов наших и промахов преклонявшегося, в качестве синолога, перед китайцами начальника духовной миссии о. Гурия, заведовавшего нашими делами до прибытия резидента; но главнейше от непоследовательности постоянного желания не отделяться от европейских представителей и излишней сговорчивости первого резидента нашего в Пекине Баллюзека»⁹²⁵.

Наиболее показательной в этой связи является история, произошедшая с первым караваном, отправленным из Кяхты в Пекин⁹²⁶. В марте 1861 г. он отправился по направлению к Урге в составе 15 повозок и фур от восьми торговых домов во главе с приказчиками Нерпиным, Ивановым и Ковригиным и из присоединившихся четырех

⁹²³ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 483–484.

⁹²⁴ ГА РФ. Ф. 916. Оп. 1. Д. 25. Л. 3 об.

⁹²⁵ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 418.

⁹²⁶ Подробнее об этом см.: *Хохлов А.Н.* История с караваном ...

учеников китайского училища⁹²⁷. Однако его движение было задержано, т.к. маршрут пролегал не через Калган, а через Думикоу⁹²⁸. Выяснилось, что недоразумение произошло из-за разночтений в текстах Пекинского договора⁹²⁹. Игнатъев отреагировал на это следующим образом: отцу Гурию он написал просьбу не допускать подобных разночтений, т.к. китайский текст договора является только переводом русского, а Горчакову – что подобные инциденты можно использовать для отсрочки выдачи китайцам обещанного оружия⁹³⁰. Конфликт был разрешен, караван проехал, но не в Пекин, а в Тяньцзинь⁹³¹. Игнатъев рекомендовал А.И. Деспоту-Зеновичу, чтобы русские купцы не оставляли попыток наладить караванную торговлю, т.к. для изменения торговых дел всегда необходимо время⁹³².

В любом случае, заключение Пекинского договора способствовало оживлению русско-китайской торговли, в том числе и караванной⁹³³. Но в то же время история с первым кяхтинским караваном являлась показательной. Китайское правительство слишком опасалось влияния России на население пограничных территорий, особенно Монголии, и поэтому продолжало чинить русским купцам различные препятствия не только в сухопутной караванной торговле, но и в передвижении по рекам, оправдываясь отсутствием соответствующих распоряжений из Пекина. Кроме того, российская торговля испытывала постоянную конкуренцию со стороны английской и американской. Этому было две причины: во-первых, английские и американские товары имели более низкую себестоимость, во-вторых, они доставлялись морем и достигали цели быстрее, нежели из России по суше. Казалось бы, имеющиеся убытки должны были покрывать высокие цены на чай в России, но и здесь слишком большое расстояние и высокая стоимость сухопутной доставки сыграли отрицательную роль:

⁹²⁷ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 470.

⁹²⁸ *Хохлов А.Н.* История с караваном ... С. 138.

⁹²⁹ Там же. С. 142.

⁹³⁰ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 479–480.

⁹³¹ *Хохлов А.Н.* История с караваном ... С. 145.

⁹³² *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 480.

⁹³³ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 413 ; *Хохлов А.Н.* История с караваном ... С. 145–146.

в итоге больше половины китайского чая достигало центральных регионов России либо контрабандным путем, либо через ее западную границу при посредничестве англичан и американцев⁹³⁴. В этой связи сложно согласиться с Игнатьевым, который в неудачах русско-китайской торговли обвинял мягких и слабых, по его мнению, представителей России в Пекине и малоактивных кяхтинских купцов⁹³⁵. То обстоятельство, что Пекинский договор не смог дать по-настоящему серьезного развития русско-китайской торговле, не было результатом деятельности отдельных людей, так работала экономическая система России, для которой Китай не был первоочередной точкой экспорта собственных товаров, а чай, при всей его важности, был просто частью российского импорта.

Для ограждения интересов русской торговли Игнатьев ратовал за создание консульств⁹³⁶. В Петербурге он составил объемную записку, своего рода проект инструкции, о значении новых консульских учреждений и обязанностях лиц, которые должны были их возглавить⁹³⁷. Предполагалось подчинение консулов одновременно и МИД, и местному генерал-губернатору с подробным отчетом о делах и получении инструкций⁹³⁸. Поэтому торговлей значение этих учреждений не ограничивалось.

Экономическое развитие новоприобретенных земель (в том числе и Уссурийского края), которые фактически пустовали, не представлялось возможным без их колонизации. Таким образом, предстояла колонизация региона. Узнав о том, что переехавшие в Америку чехи тяготеют своей жизнью там и хотели бы переехать на вновь вошедшие в состав России земли, не требуя ничего, кроме переправы через океан, Игнатьев составил для МИД особую записку, в которой отмечал, что колонизацию нужно производить при помощи русского населения, а в случае

⁹³⁴ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая ... С. 69–70.

⁹³⁵ Игнатьев Н.П. Материалы ... С. 418.

⁹³⁶ Об их дальнейшей деятельности на примере Урги см.: Сизова А.А. Российское консульство в Урге и жизнь русской диаспоры в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Общество и государство в Китае: XL научная конференция. М., 2010. С. 212–221.

⁹³⁷ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 429. Л. 1–30.

⁹³⁸ Там же. Л. 3 об.–4.

недостатка желающих, прибавлять к ним лиц исключительно славянского происхождения⁹³⁹. Он предлагал:

1) отводить земли в вечное пользование безвозмездно, с определением при этом податей и размеров участков;

2) разрешать приобретение земель в частную собственность на льготных условиях везде, кроме стратегически важных территорий;

3) публично объявить о правилах заселения и привлекать желающих;

4) освободить местных жителей и колонистов от рекрутских наборов, обязав их участвовать в ополчении в случае военных действий, вплоть до момента установления приличной плотности населения;

5) сумму, определяемую на заселение Амура, некоторое время полностью тратить на Уссурийский край;

6) договориться с частными пароходными компаниями о контрактах на перевозку желающих морем;

7) в случае с заселением нижнего Амура разрешить селиться в этой относительно бесплодной местности германским колонистам, которых в Уссурийский край пускать не следует;

8) разрешить поселяющимся единоверцам-славянам сохранить их привычный быт и традиции регулирования общественной жизни⁹⁴⁰.

Предложения Игнатьева были в целом приняты, но еще до приобретения Дальнего Востока заселение земель Восточной Сибири проводилось в основном за счет казаков и ссыльных. Такая же стратегия изначально применялась и в отношении дальневосточных земель, но после реформы 1861 г. основной упор был сделан на крестьянскую колонизацию⁹⁴¹. Она началась в 1865 г. и продолжалась до 1917 г., но была крайне затруднена сложностями сообщения, проводилась как добровольно, так

⁹³⁹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 427. Л. 1.

⁹⁴⁰ Там же. Л. 2–3 об.

⁹⁴¹ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая ... С. 52–53.

и принудительно, и по этой причине шла медленными темпами⁹⁴². Любопытно, что появившиеся в 1882 г. новые правила для переселяющихся на Дальний Восток во многом совпадали с предложениями Игнатьева:

- 1) прощение всех недоимок на родине;
- 2) выделение 15 десятин земли на руки при пониженной стоимости 3 рубля за десятину;
- 3) бесплатный проезд от Одессы до Владивостока морем⁹⁴³.

Таким образом, и в этом вопросе соображения Игнатьева оказались полезны в перспективе его дальнейшего решения.

Безусловно, приобретение дальневосточных земель, значительно удаленных от российской столицы, обуславливало необходимость установления качественной связи с этим регионом. Существовавшее почтовое сообщение не могло быть признано удовлетворительным, т.к. доставка корреспонденции занимала в среднем месяц. Поэтому Игнатьев настаивал на скорейшем установлении телеграфной линии и проведении ветки железной дороги. Телеграф, согласно постановлениям Амурского комитета, должен был появиться на Дальнем Востоке постепенно⁹⁴⁴. В 1861 г. телеграфная линия была проведена от Казани до Тюмени, в 1862 г. – до Омска, в 1863 г. продлилась до Томска, а оттуда, в 1864 г. – до Иркутска. В 1870 г. телеграф достиг Благовещенска и Хабаровска, в 1871 г. – Владивостока и тогда же соединил его с Нагасаки и Шанхаем⁹⁴⁵. Связь с самыми удаленными уголками страны была установлена. Железнодорожное сообщение появилось в Сибири только после 1891 г.

Последний вопрос, который мы рассмотрим, стоит особняком и касается отправки в Китай оружия и офицеров. Повторное решение о предоставлении пекинскому правительству помощи было принято в Петербурге 17 (29) января 1861

⁹⁴² Кабузан В.М. Дальневосточный край ... С. 96–146.

⁹⁴³ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая ... С. 53.

⁹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 410. Л. 3 об.–4.

⁹⁴⁵ Морев В.А. Сибирский телеграф во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 4. С. 25–27.

г⁹⁴⁶. Через три дня Азиатский департамент рекомендовал архимандриту Гурию при его разговорах с местными чиновниками поступать следующим образом: «Весьма важно было бы для нас, чтобы место для обучения китайских войск, а также для устройства заводов было избрано китайским правительством в отдалении от морских берегов, а следовательно, и от столицы; всего лучше на северной границе Китая⁹⁴⁷. Вы можете внушить китайским министрам, что в противном случае, при первых могущих возникнуть вновь неприязненных действиях с европейскими державами, заводы эти попадут под их власть. Вам, многоуважаемый отец архимандрит, вполне известно, как неприятно было бы и для нас подвергать офицеров наших всем случайностям подобного военного столкновения»⁹⁴⁸. Видимо, в Пекине решили последовать этим советам, т.к. базой для обучения китайских солдат в конечном итоге была выбрана Кяхта, хотя это было не совсем удобно, но позволяло избежать ненужной огласки⁹⁴⁹. Руководителем военных инструкторов, совмещая эти обязанности с обязанностями дипломатического агента, стал Л.Ф. Баллюзек. Его инструкция почти полностью совпадала с данной в феврале 1859 г. Игнатьеву. Прибыв в начале июля в Пекин, он в первую очередь старался провести уже не раз высказанную мысль о том, что отправка оружия невозможна без соответствующего обучения войск русскими инструкторами⁹⁵⁰. Российский резидент предлагал также подумать об учреждении военных заводов, уделяя особое внимание производству пороха, т.к. «лучше иметь свое, чем находиться в зависимости от других»⁹⁵¹. Занятия по военному делу, включавшие строевую, тактическую подготовку и главным образом изучение материальной части оружия, начались в Кяхте в октябре 1861 г., но в январе 1862 г. были прекращены по доносу ургинского амбана, сообщившего, что солдаты

⁹⁴⁶ Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война ... С. 326.

⁹⁴⁷ Это пожелание в точности было повторено в инструкции МИД Л.Ф. Баллюзеку. (АВПРИ. Ф. 161. IV-2. Оп. 119. 1861–1863 гг. Д. 12. Л. 34–34 об.)

⁹⁴⁸ АВПРИ. Ф. 161. I-5. 1823 г. Д. 107. Л. 21–21 об.

⁹⁴⁹ Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война ... С. 327.

⁹⁵⁰ Там же. С. 326–328.

⁹⁵¹ Там же. С. 328.

занимаются исключительно муштрой, не имеющей, по его мнению, никакой пользы. Отчасти решение отозвать «учеников» было вызвано давлением со стороны англичан, также предлагавших соответствующие услуги, особо усилившимся после того, как оказание Россией помощи Китаю перестало быть тайной. Но даже за такой короткий срок русские офицеры смогли многому научить своих подопечных, которые продемонстрировали неплохие результаты на смотре в Пекине и удивляли своими навыками англичан, предложение которых в итоге все же было принято. Оружие – 10000 штуцеров, батареи полевых орудий, 500 боевых ракет и 70 ящиков запчастей к ружьям – доставлялось постепенно и было полностью передано в 1862 г. В конечном итоге, как отмечает А.Н. Хохлов, все усилия Китая создать с чужой помощью боеспособную армию по европейскому образцу к началу XX в. не имели большого успеха⁹⁵². Тем не менее Россия продемонстрировала свое желание помочь соседнему государству и исполнила данные ранее обещания, столкнувшись, как и во многих случаях, с непредсказуемой и непоследовательной политикой китайских властей.

В заключение скажем о том, как была оценена руководством, коллегами и подчиненными деятельность Н.П. Игнатьева в Китае. Российский уполномоченный вернулся из Китая с триумфом и стал настоящим «героем дня». «Русский художественный листок» В. Тимма посвятил его достижениям в Китае отдельный сюжет⁹⁵³.

Кроме материальных наград Игнатьев получил и множество отзывов о своей работе. Министр иностранных дел А.М. Горчаков написал его отцу: «Сейчас получил курьера из Пекина. Сын Ваш прекрасно действовал – решительно и с успехом. Поздравляю Вас от души»⁹⁵⁴. Принимая позже своего подчиненного лично, князь был более красноречив: «Действия Ваши в Азии благоприятно повлияли на наше положение в Европе, так что Вы можете похвалиться услугами, которые Вы оказали

⁹⁵² Там же. С. 330–336.

⁹⁵³ Русский художественный листок. 1861. № 23. С. 95–96.

⁹⁵⁴ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 441.

России не только в Азии, но одновременно и в Европе»⁹⁵⁵. Директор Азиатского департамента Е.П. Ковалевский, по словам Игнатьева, намекнул ему, что дожидался только назначения высокой пенсии, чтобы уступить ему свой пост⁹⁵⁶. В августе 1861 г. 29-летний дипломат действительно занял место Ковалевского, но был смещен с должности в 1864 г. Вот как он объяснял недолгий срок своего директорства⁹⁵⁷: «Впоследствии, канцлер, признававший заслуги Игнатьева и вполне ему доверявший до 1865 г., стал ревновать его и под влиянием Стремоухова и разных интригантов, его окружавших, питать неприязненные к нему чувства, стараясь ему навредить в глазах государя и общественного мнения (*Tempora mutantur*)»⁹⁵⁸. Но отношение к результатам его деятельности в высших кругах было, безусловно, положительным. Оценивая заключенный Игнатьевым договор, свое авторитетное мнение высказал бывший директор того же департамента, знаток Китая Н.И. Любимов: «Поздравляю от всей души со столь неимоверно счастливым и блистательным окончанием данных Вам поручений. Когда я читал трактат, Вами заключенный, и смотрел на карту, то своим глазам не верил, так он чуден и великолепен... Слава и честь Вам! Велика Ваша заслуга перед Отечеством. После такого дела можно умереть спокойно»⁹⁵⁹.

За помощь, оказанную англичанам и французам в Китае, Игнатьев, по распоряжению Наполеона III, удостоился ордена Почетного легиона. Поздравляя его, посол Франции в России герцог Монтебелло сказал: «Я рад Вас известить об этой награде, которую Вы, без сомнения, заслужили своими добрыми советами и лояльным

⁹⁵⁵ Там же. С. 442.

⁹⁵⁶ Там же. С. 441.

⁹⁵⁷ М.И. Венюков в своих воспоминаниях пишет, что А.М. Горчаков совершил большую ошибку, сменив Е.П. Ковалевского на посту директора Азиатского департамента МИД Н.П. Игнатьевым, «который потом тринадцать лет досаждал ему гораздо сильнее, чем капризный старик, «путешественник славный»». (*Венюков М.И. Путешествия по Приамурью ... С. 70*). Зная непростой характер Игнатьева и его порой чрезмерно активную позицию, не совпадавшую с осторожной позицией Горчакова, эту информацию стоит принять во внимание, не сводя причины потери им директорской должности лишь к интригам завистников.

⁹⁵⁸ *Игнатьев Н.П. Материалы ... С. 442.*

⁹⁵⁹ Там же. С. 452.

поведением по отношению к нам в Пекине»⁹⁶⁰. Лорд Джон Расселл от имени королевы также высказал благодарность в отдельном письме, более того, он намекал о желании присвоить Игнатьеву орден Бани, но это награждение так и не состоялось. Сам дипломат в своих мемуарах объяснял это завистью и всплеском русофобии после опубликования российского Пекинского договора, в результате чего он приобрел на Туманном Альбионе образ «опасного фанатика-патриота»⁹⁶¹.

Н.П. Игнатьева любили и ценили его подчиненные. Также и он постоянно о них думал и заботился, без разбора чинов. Л.Ф. Баллюзек, состоявший при нем адъютантом, после доставки в Петербург текста Пекинского договора, был произведен в полковники, назначен флигель-адъютантом и удостоен ордена св. Анны 2 степени с короной; А.А. Татаринов получил орден св. Владимира 3 степени и пожизненную пенсию в 1500 рублей, секретарь миссии Вольф – орден св. Анны 3 степени и звание камер-юнкера⁹⁶². Игнатьев не забыл и о членах Русской духовной миссии в Пекине. Архимандрит Гурий получил орден св. Анны 2 степени с короной⁹⁶³ и драгоценную панагию⁹⁶⁴, миссионеры Пещуров, Попов и Павлинов и иеромонахи Александр, Антоний и Исайя – орден св. Анны 3 степени, а чиновники Корниевский и Мраморнов – орден св. Станислава 3 степени⁹⁶⁵. По просьбе Игнатьева повышение в чинах получили некоторые казаки, состоявшие в его конвое⁹⁶⁶.

Внимание Игнатьева к своим коллегам и подчиненным выразилось не только в наградах, он действительно умел расположить к себе окружающих, даже за короткий промежуток времени. К.Ф. Будогосский, видевший дипломата не более двух недель в июле 1859 г. в Пекине, писал ему в январе 1861 г.: «Поздравляю Вас от всей души. Дай Бог, чтобы Вы получили все, что желают Вам все сибиряки и все любящие и

⁹⁶⁰ Там же. С. 443.

⁹⁶¹ Там же.

⁹⁶² Там же. С. 438, 442.

⁹⁶³ АВПРИ. Ф. 161. IV-4. 1841 г. Д. 123, ч. 2. Л. 36.

⁹⁶⁴ *Игнатьев Н.П.* Материалы ... С. 442.

⁹⁶⁵ АВПРИ. Ф. 161. I-5. Оп. 4. 1823 г. Д. 112. Л. 28–30.

⁹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2173. Л. 5.

уважающие Вас»⁹⁶⁷. Большое впечатление Игнатъев произвел и на пекинских духовных миссионеров. «С отъездом Вашим из Пекина мы все осиротели», – писал ему архимандрит Гурий⁹⁶⁸. Пользуясь отъездом своего бывшего непосредственного начальника в Петербург и достаточно близкими отношениями с ним, этот священнослужитель впоследствии обращался с многочисленными личными просьбами, главная из которых касалась освобождения от занимаемой должности и была впервые высказана еще в декабре 1860 г.⁹⁶⁹. Доведенный, по всей видимости, до отчаяния, в 1864 г. Гурий практически умолял об отставке: «Настоящее мое здесь пребывание для церкви – по меньшей мере – бесполезно, для меня лично – положительно вредно. Спасите меня! Позвольте мне выехать. Если правительству угодно, чтобы я кончил мою жизнь здесь, то я снова возвращусь. Дайте мне только вздохнуть»⁹⁷⁰. Игнатъев, который, как нам кажется, был готов исполнить подобную просьбу, попросту не мог этого сделать, т.к. в 1862 г. Российская духовная миссия в Пекине была передана из ведомства МИД в ведомство Святейшего Синода.

Особого внимания заслуживает отношение к Н.П. Игнатъеву китайского простого населения и высших сановников, т.к. он неоднократно в ходе европейско-китайского конфликта демонстрировал свое желание помочь жителям Поднебесной империи и защитить их от произвола союзников. «Китайцы все, от мала до велика, интересуются знать, скоро ли Вы возвратитесь для окончательного освобождения их от бед, отяготевших над Китаем? В последние дни это любопытство особенно усилилось по причине приближения инсургентов к столице», – писал архимандрит Гурий⁹⁷¹. Член Российской духовной миссии А. Ф. Попов дополнял эти сведения: «Уже бóльшая часть массы отличает нас от англичан, по крайней мере, знает, что мы не враги и не воевали с ними. Что же касается до Вашего имени, то все почти знают

⁹⁶⁷ Там же. Д. 2484. Л. 1.

⁹⁶⁸ Там же. Д. 398. Л. 16.

⁹⁶⁹ Там же. Л. 7 об.

⁹⁷⁰ АВПРИ. Ф. 161. I-5. 1823 г. Д. 108. Л. 82 об.

⁹⁷¹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 398. Л. 16 об.

И-дажэня (великий человек И) и что он спас столицу, хотя не все знают, кто это И-дажэнь и чей он. Некоторые даже думают, что И-дажэнь – просто китайский дажэнь и очень удивляются, когда скажешь им, что это – наш русский»⁹⁷². М.А. Бакунин, ожидавший в Сибири ответа на свое прошение о помиловании, в одном из частных писем рассказывал: «Мы ездили с женой и сестрой в Кяхту на целый месяц, и я сам видел, какая огромная перемена произошла в отношениях китайцев к русским. Не говоря о том, что сношения стали несравненно ближе, чище, легче, чем прежде, чувствуется решительное расположение, какая-то предупредительная нежность к нам. Ignatief est le héros du jour*. В убеждении китайцев, называющих его и Ифу, и Игнаткафу, он не простой человек, а перерожденец, кутухта. Есть сказание, что отец его, брат богдыхана, бежал сначала в Россию и там женился на дочери русского царя, потом в Англию, где женился на дочери короля, и во Францию, где также женился на дочери императора. От этого тройного брака родился один сын – Н.П. Игнатьев. Таким образом объясняют себе китайцы влияние нашего посланника на французов и англичан, до того их поразившее, что о нем говорят даже в Маймачене»⁹⁷³.

По результатам данной главы можно сделать следующие выводы:

1) Н.П. Игнатьев не только заключил блестящий Пекинский договор, но и по возвращении в Петербург серьезно поучаствовал в реализации его конкретных постановлений. На основе полученного в Китае опыта дипломат составил несколько проектов и записок, посвященных различным аспектам русско-китайских отношений. Анализ дальнейших событий показывает, что эти документы не только были приняты во внимание российским правительством, но и нередко становились основой для дальнейших действий в соответствующих направлениях.

2) Результаты деятельности Н.П. Игнатьева в Китае в 1859–1860 гг. высоко оценили в России и за рубежом. Российское правительство не только удостоило

⁹⁷² Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война ... С. 323.

* Игнатьев герой дня. (фр.)

⁹⁷³ Игнатьев Н.П. Материалы ... С. 419.

своего бывшего уполномоченного в Китае нескольких орденов, но и доверило ему высокий пост директора Азиатского департамента МИД, который предполагал непосредственное участие в ведении дел со всеми странами Востока. Безусловно, это можно рассматривать как стремительный взлет дипломатической карьеры Игнатьева, которому на момент занятия новой должности не исполнилось и 30 лет.

3) В числе успешно реализованных постановлений Пекинского договора стоит назвать окончательное юридическое оформление границы двух государств как на востоке, так и на западе и увенчавшую этот процесс постановку пограничных знаков; начало колонизации новоприобретенных земель; постепенное проведение на Дальний Восток телеграфной линии.

4) Несмотря на все старания, неудача постигла российское правительство в вопросе развития русско-китайской торговли, которое тормозилось серьезной конкуренцией Англии и отсутствием у России развитого торгового флота. Не принесла ожидаемых результатов и поддержка, оказанная Китаю в виде поставок оружия и присылки военных инструкторов. Поскольку китайские местные начальники распространяли в своем правительстве ложные слухи о бесполезности проводимых в Кяхте тренировок, а англичане настойчиво предлагали свои аналогичные услуги, в Пекине были вынуждены отказаться от российской помощи в обучении собственных войск.

Заключение

В настоящем исследовании миссия Н.П. Игнатьева в Китай в 1859–1860 гг. рассматривается не отдельным событием, а в контексте российской внешней политики на Дальнем Востоке во второй половине 1850-х гг. Без такого подхода, на наш взгляд, сложно дать деятельности Игнатьева справедливую оценку.

Взаимоотношения России с Китаем имеют давнюю историю, но их характер был в основном вялотекущим, за исключением отдельных кратковременных периодов активности. Безусловно, накладывала свой отпечаток отдаленность дальневосточного региона от политического центра России. Происходящие на этой периферии события были в повестке дня у российского высшего руководства не на первом месте. Характерно, что потеря в конце XVII века части земель в Приамурье, незадолго до этого открытых российскими первопроходцами, не была воспринята как серьезная утрата. На дальневосточный территориальный вопрос обратили серьезное внимание лишь полтора века спустя. Повторное изучение Приамурья, показавшее все преимущества этого региона, дало повод местным российским властям, и в особенности решительному и энергичному Н.Н. Муравьеву, добиваться скорейшего решения «амурского вопроса» в Петербурге, но здесь он столкнулся с глухим сопротивлением значительной части столичных дипломатов во главе с К.В. Нессельроде, не воспринимавшей призывы восточносибирского генерал-губернатора всерьез. Приобретение диких и весьма отдаленных земель было делом нелегким, а выгода от этого предприятия не была очевидной.

Как и во всей истории России XIX в., переломным моментом стала Крымская война. Нападение английского флота на Петропавловск-Камчатский обозначило острую необходимость укрепления российских дальневосточных пределов. Вопрос имел стратегический характер, но решить его в условиях огромного неразграниченного пространства с Китаем вплоть до океанского побережья не представлялось возможным. Проблема юридического оформления границы с

Цинской империей вошла в сферу непосредственных интересов российского МИД, но это не означает, что вектор внешней политики переместился с традиционного западного направления на восточное. Безусловно, период после Крымской войны характеризовался активизацией действий России по отношению к странам Востока, но взаимоотношения с Европой по-прежнему ставились во главу угла. Деятельность занявшего в 1856 г. пост министра иностранных дел А.М. Горчакова в первую очередь была направлена на борьбу за отмену ограничительных статей Парижского мирного договора и на решение сложных вопросов взаимоотношения с европейскими державами, а не на заключение договоров с Китаем или Японией. Соответственно, делами Востока канцлер также интересовался мало, возложив на своих подчиненных обязанность контролировать этот вопрос. При вступлении в должность он поручил пост директора Азиатского департамента известному путешественнику, знатоку и ценителю Востока Е.П. Ковалевскому, который всегда присутствовал на докладах министра императору, затрагивающих взаимоотношения с восточными государствами, и излагал свою точку зрения⁹⁷⁴.

Активизацию действий России в «амурском вопросе» ускорило начало второй «опиумной» войны. С одной стороны, появилась возможность предъявить свои территориальные претензии Китаю в тот момент, когда он был ослаблен не только начавшимся в 1850 г. восстанием тайпинов, но и необходимостью вести боевые действия с превосходящими силами Англии и Франции. С другой стороны, нельзя было допустить чрезмерного усиления европейцев на Дальнем Востоке, и прежде всего англичан, в контексте зарождающейся «Большой игры». Безусловно, по многим причинам Россия не могла принять в новом европейско-китайском конфликте прямое участие и сохраняла нейтралитет. При решении собственных проблем во взаимоотношениях с Китаем в Петербурге также было решено придерживаться исключительно миролюбивой тактики.

⁹⁷⁴ Венюков М.И. Путешествия по Приамурью ... С. 70.

Что касается многочисленных сложностей, возникших в ходе достижения главных целей российской внешней политики по отношению к Китаю во второй половине 1850-х гг., представляется возможным выделить три определивших их фактора.

Во-первых, уже упомянутая «периферийность» китайских дел определила как отсутствие единства в управлении ими, так и менее высокие, по сравнению с европейскими странами, требования к профессионализму официальных представителей России во взаимоотношениях с Поднебесной (имеется в виду прежде всего опыт предыдущей деятельности). Постоянно находившийся на границе с Китаем Н.Н. Муравьев, отдавший много сил решению «амурского вопроса» и являвшийся знатоком местных обычаев, хотел завершить начатое им дело и имел на это право, но временами был слишком агрессивен в дипломатических делах, что могло негативно отразиться на результатах. Отчасти по этой причине в Петербурге было принято решение отправить в Пекин дипломатическую миссию под руководством адмирала Е.В. Путятина, имевшего опыт переговоров с Японией. Его кандидатура была предложена имевшим большое влияние на государственные дела великим князем Константином Николаевичем. При этом у честолюбивого Муравьева забрали данные ему менее года назад полномочия по разграничению с Китаем и передали их человеку, с которым он имел большое количество разногласий и которого стал считать своим соперником. Провал переговоров с Китаем в 1857 г. послужил причиной обратной рокировки – ведение переговоров о границе вновь было признано прерогативой восточносибирского генерал-губернатора, но при этом российское правительство не лишало соответствующих полномочий и Путятина. Такое раздвоение привело в дальнейшем к заключению Айгунского и Тяньцзиньского трактатов с разницей в две недели, авторы которых стремились первыми добиться главной цели, но при этом ничего не знали о действиях друг друга. Больших сложностей это не принесло, но при подписании обоих документов был допущен ряд неточностей и ошибок. Надеясь окончательно определить государственную границу

с Китаем в соответствии со статьей 9 Тяньцзиньского трактата, российское правительство стало добиваться его скорейшей ратификации. С целью обмена соответствующими грамотами и заключения дополнительного договора о еще не урегулированных вопросах в Пекин, по протекции Е.П. Ковалевского, был послан не имеющий дипломатического опыта кабинетный чиновник П.Н. Перовский. В МИД надеялись на его успех, учитывая ту помощь, которую он оказал Н.Н. Муравьеву во время переговоров в Айгуне. С большим трудом обменяв ратификационные грамоты, Перовский оказался бессилем в попытках заключить требуемый дополнительный договор. Его провал вынудил передать функции дипломатического представителя в Пекине также непрофессиональному дипломату Н.П. Игнатьеву, который должен был одновременно возглавить российских военных инструкторов, отправляемых в Китай для обучения местных солдат согласно обещаниям, данным Е.В. Путятыным.

Во-вторых, весьма значительным оказался фактор удаленности места развития событий от центра принятия внешнеполитических решений. Ввиду отсутствия телеграфа обмен служебной корреспонденцией между Петербургом и Пекином занимал в среднем около месяца. Взвешенные решения, принятые российским правительством, в большинстве случаев были совершенно правильными, но к тому моменту, когда российский уполномоченный мог с ними ознакомиться, они нередко оказывались бесполезными в результате кардинального изменения обстоятельств. Таким образом, в этой ситуации главную роль часто играли самостоятельные действия уполномоченного.

В-третьих, серьезные сложности были связаны с непредсказуемой политикой правительства богдыхана. Многолетняя внешнеполитическая изоляция вместе с представлениями о Цинской империи как центре мира обусловили серьезные отличия китайских традиций дипломатии от европейских. В Пекине рассматривали всех иностранцев как «варваров» и относились к ним с высокомерием. В этой связи требования России о новом территориальном размежевании представлялись наглостью, несмотря на то что спорные земли были китайцам практически неизвестны

и крайне слабо заселены. С другой стороны, под угрозой тяжелого поражения от англо-французских войск китайское правительство искало помощи и защиты у России, придерживавшейся нейтралитета и предлагавшей свои посреднические услуги, и было готово пойти на уступки. Однако после того как угроза разгрома уменьшалась, Китай вновь принимал высокомерный тон. Этот «политический маятник» ярко проявился после победы китайских войск над англичанами при Дагу. Видимо, необходимость преодоления подобной негативной тенденции послужила одной из причин отправки в Пекин Н.П. Игнатъева, который за год до этого столкнулся с аналогичными трудностями при переговорах в Хиве и Бухаре. Стоит вспомнить, как Н.Н. Муравьев был недоволен тем, что П.Н. Перовский не предпринимает попыток расшевелить китайцев. Традиция использовать военных в качестве дипломатических представителей именно в тех случаях, когда было необходимо надавить на противоположную сторону своим упорством и настойчивостью, вообще являлась характерной для российской внешней политики.

Переходя к итогам деятельности Н.П. Игнатъева в Китае в 1859–1860 гг., необходимо прежде всего сравнить поставленные перед ним в первоначальной инструкции задачи с конкретными достигнутыми результатами.

В 1859 г. Игнатъев во время своих неудачных переговоров в Пекине писал отцу: «Все средства мною ныне испытаны – ни одно не достигло цели, тем более что исходная точка наших пограничных притязаний на Востоке исчезла. Китайцы упорно и совершенно отказываются от текста Айгунского договора, и мне приходится, таким образом, поправлять ошибки графа Путятина, Перовского и графа Муравьева, и все наши промахи в Китае в течение 150 лет. Обстоятельства внезапно обратились против нас, а на беду я в Пекине случился именно тогда, когда заваренную кашу пришлось расхлебывать. Тяжело биться, как рыба об лед, не имея никакой надежды на успех. Но покоряюсь судьбе и буду биться до конца»⁹⁷⁵. Действительно, те условия, в которые

⁹⁷⁵ *Игнатъев Н.П.* Материалы ... С. 130.

он был изначально поставлен в марте 1859 г., нельзя назвать простыми. Китайское правительство вело себя настолько непредсказуемо, что даже предположить, какими будут результаты деятельности новой миссии, было сложно. Известно, что МИД предписывал своему представителю добиться ратификации договоров и окончательного проведения границы на востоке, учреждения караванной торговли и открытия в китайских городах русских факторий, а также наладить почтовое сообщение Пекина с Кяхтой.

Постановления заключенного Игнатьевым в 1860 г. Пекинского договора показывают, что дипломат не только блестяще выполнил поставленные перед ним задачи, но и добился целого ряда дополнительных преимуществ.

Во-первых, при оформлении восточной части границы Россия приобрела в свое владение, в дополнение к достижениям Айгунского договора, значительную территорию Уссурийского края, с целым рядом важнейших морских портов. К сожалению, при переговорах о границе с Китаем в 1987–1991 гг. советская дипломатия отказалась от демаркации в соответствии с «красной чертой» Пекинского трактата, что привело к утрате территории в районе Хабаровска. Тем не менее подтверждение в ноябре 1860 г. в китайской столице айгунских договоренностей и присоединение Уссурийского края во многом определили современное состояние русско-китайской границы.

Во-вторых, при разграничении с Китаем на западе к России, в значительной степени благодаря усилиям Игнатьева, отошли земли, имевшие большое значение как в стратегическом, так и в экономическом плане. Еще одна попытка России сдвинуть граничную линию на западных пределах в свою пользу привела к т.н. «Илийскому кризису», разрешенному в 1881 г. Петербургским договором.

В-третьих, Пекинский договор предоставлял значительные преимущества русской торговле. Караванная торговля не только возобновлялась между Кяхтой и Пекином, но и разрешалась на всей территории Китая, уменьшались торговые пошлины и проч. Хотя многие из достигнутых преимуществ были впоследствии

упущены, деятельность Игнатьева в любом случае способствовала общему оживлению и дальнейшему развитию русско-китайских торговых отношений.

В-четвертых, было значительно упрощено пограничное взаимодействие двух стран, ранее испытывавшее значительные препятствия различного характера.

Помимо заключения межгосударственного договора деятельность Игнатьева способствовала фактическому учреждению в Пекине постоянного дипломатического представительства и общему развитию российской политики в отношении Китая, т.к. дипломат привез при возвращении на родину большое количество сведений об актуальной политической ситуации в этой стране. Он также внес вклад и в освоение Сибири, содействуя строительству телеграфной линии.

С другой стороны, учитывая все указанные выше положительные последствия, стоит признать, что такое блестящее окончание данного Игнатьеву поручения во многом явилось результатом счастливого стечения обстоятельств. Тяжелое положение Игнатьева в Пекине на протяжении года с июня 1859 г. по май 1860 г. мало чем отличалось от положения его предшественников, и сам уполномоченный придерживался весьма пессимистических взглядов относительно перспектив своей деятельности. Огромную роль в успехе Игнатьева сыграло то обстоятельство, что военная опасность, нависшая над Китаем осенью 1860 г. была гораздо серьезнее по сравнению с 1858 г., под угрозой оказалась столица Цинской империи. В сложившейся патовой ситуации правительство богдыхана было готово на любые меры, чтобы избежать окончательного разгрома, и посреднические услуги, предложенные Игнатьевым, были вознаграждены со всей возможной щедростью. Кроме того, деятельность российского уполномоченного в качестве посредника не была бы такой эффективной, если бы английский и французский посланники не нуждались в его советах как человека, прожившего в Пекине год и изучившего нравы китайской высшей власти.

Бесспорно, нельзя отрицать и личные заслуги Н.П. Игнатьева. По его собственным словам, он был скорее военным, чем дипломатом. Действительно,

«солдатская» сущность зачастую прорывалась наружу, заставляя строить чересчур воинственные планы в случае разочарований, но она же позволяла проявлять необходимые стойкость, выдержку и здоровое упрямство. Привычка безусловно следовать полученным инструкциям также уберегла уполномоченного от необдуманных действий. Было бы неверно говорить и об отсутствии у Игнатьева дипломатических талантов. За время своего пребывания в Китае, и особенно в решающий период, он ярко проявил способности вызывать доверие и симпатию своих оппонентов, умело выведывать их дальнейшие планы, а также при необходимости играть на противоречиях между ними.

После успешной миссии в Среднюю Азию Н.П. Игнатьев приобрел бесценный опыт ведения дипломатических переговоров с государствами Востока. Он стал одним из наиболее ярких, самобытных представителей плеяды дипломатов нового времени, что обеспечивало ему блестящее будущее. Став в 29 лет директором Азиатского департамента МИД, Игнатьев, казалось, мог беспрепятственно строить свою карьеру, но природная резкость характера и убеждения, зачастую противоречившие официальному курсу А.М. Горчакова, побудили последнего отправить его в Константинополь, где он продолжал самоотверженно, хотя и в соответствии со своими личными принципами, служить Отечеству, как это делал в Китае. Можно сказать, что именно в 1859–1860 гг. молодой генерал окончательно убедил окружающих в своих неординарных дипломатических способностях. Об итогах своей работы в Поднебесной он говорил следующим образом: «Это было одно из всех русских посольств, когда-либо бывших в Китае со времени наших с ним сношений, при котором честь и достоинство России без материальных пожертвований с нашей стороны были поддержаны со славой в глазах европейцев и китайцев. Политические отношения наши в Китае поставлены на более прочных основаниях, торговля

приобрела новые права и преимущества, а граница на Востоке расширена приобретением Уссурийского края»⁹⁷⁶.

Безусловно, миссию Н.П. Игнатьева не стоит рассматривать как уникальное явление. Она являлась лишь очередным звеном в цепи неоднократных попыток России решить главную задачу внешней политики России на Дальнем Востоке второй половины 1850-х гг. – оформить новую границу с Китаем, и ряд других задач меньшего масштаба – поддержать русско-китайскую сухопутную торговлю, улучшить почтовую связь между двумя государствами и др. Игнатьев отталкивался от фундамента, заложенного его предшественниками, и прежде всего Н.Н. Муравьевым. Поэтому от него требовали добиться окончательного закрепления результатов, достигнутых Айгунским и Тяньцзиньским трактатами. Очевидно, что отправляя нового уполномоченного в Пекин, в Петербурге не были уверены в успехе этого предприятия, дальнейшее развитие событий также не внушало оптимизма. Но блестящие результаты, достигнутые Игнатьевым, хотя и в значительной степени по воле случая, превзошли все ожидания российского правительства. В отчете МИД за 1860 г. А.М. Горчаков писал, что Пекинский договор прекратил все недоразумения в вопросе о разграничении с Китаем, предоставил России все преимущества, добытые европейцами трудом и кровью, а также оформил присоединение к империи края, который, благодаря своему выгодному положению и умеренному климату, гарантирует ей «блестящую будущность на Азиатском материке»⁹⁷⁷. По словам Н.Н. Муравьева, деятельность Игнатьева серьезно и надолго укрепила российское влияние в Китае⁹⁷⁸. Действительно, по сравнению с предшествующим периодом, положение России в Поднебесной стало гораздо более прочным. Дальнейшее укрепление межгосударственных связей, несмотря на возникновение отдельных конфликтных ситуаций, привело впоследствии к серьезному русско-китайскому сближению рубежа

⁹⁷⁶ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 150. Л. 185.

⁹⁷⁷ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 44. Л. 296–297.

⁹⁷⁸ Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский ... Т. 2. С. 314.

XIX и XX веков. Затем характер двусторонних отношений многократно менялся, но государственная граница, установленная Пекинским договором при непосредственном участии Н.П. Игнатьева, была незначительно изменена только в 2004 г. по соглашению, подписанному В.В. Путиным и Ху Цзиньтао.

Список источников и литературы

Источники:

Неопубликованные:

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ):

1. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1858 г. Дд. 57, 103; 1859 г. Д. 127; 1860 г. Д. 138.
2. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Дд. 40, 41, 42, 44.
3. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Дд. 3033, 3034, 3037, 3458.
4. Ф. 154. Азиатский департамент. Оп. 710/1. Д. 1094.
5. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. Разряд I–1. Оп. 781. Дд. 166, 167, 168, 169, 170, 494, 495.
6. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. Разряд I–5. Оп. 4. 1823 г. Дд. 101, 102, 105, 106, 107, 108, 112.
7. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. Разряд I–9. Оп. 8. 1857 г. Д. 16, ч. 1; 1859 г. Д. 15 (в 2 ч.).
8. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. Разряд IV–2. Оп. 119. 1861–1863 гг. Д. 12.
9. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. Разряд IV–4. Оп. 123. 1841 г. Д. 2.
10. Ф. 188. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 4.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):

11. Ф. 730. Н.П. Игнатъев. Оп. 1. Дд. 1, 121, 122, 124, 150, 241, 300, 360, 363, 398, 410, 418, 427, 428, 429, 431, 432, 440, 2150, 2173, 2484, 2491, 4447, 4484, 5054.
12. Ф. 916. А.И. Деспот-Зенович. Оп. 1. Дд. 19, 25.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА):

13. Ф. 38. Департамент Генерального штаба. Оп. 5. Дд. 839, 928; Оп. 8. Д. 49.

Опубликованные:**Мемуары, дневники, эпистолярный:*****На русском языке:***

14. Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1844 г.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1844. 404 с.
15. Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1845 г.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1845. 406 с.
16. Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1847 г.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1847. 342 с.
17. Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1848 г.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1848. 332 с.
18. Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1849 г.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1849. 318 с.
19. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1852 г.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1852. 321 с.
20. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1853 г.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1853. 325 с.
21. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1858–1859 г.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1858. 447 с.
22. *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 316 с.
23. *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1970. 233 с.

24. *Глебов С.* Как был подписан Айгунский трактат // *Русская старина*. 1914. № 3. С. 667–673.

25. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии) / Сост. *И. Барсуков*: в 2 т. Т. 1. М.: Синод. тип., 1891. 692 с.

26. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии) / Сост. *И. Барсуков*: в 2 т. Т. 2. М.: Синод. тип., 1891. 328 с.

27. Дневник архимандрита Палладия за 1858 г. // *Известия МИД*. 1912. Кн. 2. С. 225–282.

28. Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864 / отв. ред. *С.В. Мироненко*. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 726 с.

29. *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1988. 752 с.

30. *Игнатъев М.* Русский альбом. СПб.: Нева, 1996. 232 с.

31. *Игнатъев Н.П.* Автобиографическая записка // *Русская старина*. 1890. № 1. С. 281–292.

32. *Игнатъев Н.П.* Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н.П. Игнатъева в 1859–1860 годах. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1895. 488 с.

33. *Игнатъев Н.П.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897. 275 с.

34. *Игнатъев Н.П.* Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент генерал-адъютантом Н.П. Игнатъевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1895. 310 с.

35. Из записок адмирала Д.С. Арсеньева // Русский архив. 1910. № 10. С. 257–232 ; № 11. С. 385–442.

36. *Лихачев И.* К истории политики нашей в Китае и участия в ней нашего флота: брошюра Игнатьева, июнь 1902 г. // Морской сборник. 1913. № 11. С. 25–31.

37. Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1842 г.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. АН, 1842. 291 с.

38. Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем; Дневник Великого Князя Константина Николаевича (1857–1861) / Под ред. *Л.Г. Захаровой.* М.: Терра, 1994. 384 с.

39. Переписка начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Палладия с генерал-губернатором Восточной Сибири графом Н.Н. Муравьевым-Амурским // Русский архив. 1914. № 8. С. 508–528 ; № 9. С. 5–32 ; № 10. С. 165–216.

На иностранных языках:

40. *Bazancourt C.* Les expeditions de Chine et de Cochinchine d'apres les documents officiels. Part. 2. Paris: Amyot, 1862. 413 p.

41. British Parliamentary Papers. № 33. Correspondence relative to the Earl of Elgin special Missions to China and Japan, 1857–1859. London: Harrison, 1859. 488 p.

42. British Parliamentary Papers. № 69. Correspondence with Mr. Bruce, Her Majesty's Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary in China. London: Harrison, 1860. 54 p.

43. China War 1860: Letters and journal by Major-General *G. Allgood.* London: Longmans, 1901. 107 p.

44. *Fisher C.B.* Personal narrative of three years' service in China. London: Bentley, 1863. 420 p.

45. *Gros, Baron J.B.L.* Négociations entre la France et la Chine, en 1860: Livre jaune du Baron Gros, Ambassadeur Extraordinaire et Haut Commissaire de l'Empereur en Chine, en 1858 et en 1860, extrait de sa correspondance et de son journal, pendant la seconde mission qu'il a remplie dans l'Extreme Orient. Paris: Dumaine, 1864. 248 p.

46. *Herrison M.* Journal d'un interprète en Chine. Paris: Ollendorff, 1886. 442 p.

47. *Knollys H.* Incidents in China War of 1860, compiled from the private journals of General Sir Hope Grant, commander of the English expedition. Edinburgh-London: Blackwood, 1875. 263 p.

48. Letters and Journals of James, Eighth Earl of Elgin / Ed. *Theodore Walrond*. London: Murray, 1872. 467 p.

49. *Loch H.B.* Personal narrative of occurrences during Lord Elgin's second embassy to China, 1860. London: Murray, 1869. 298 p.

50. *Mutrecy Ch.* Journal de la Campagne de Chine, 1859–1860–1861. T. 2. Paris: Dentu, 1862. 412 p.

51. *Oliphant L.* Narrative of the Earl of Elgin's Mission to China and Japan in the years 1857, '58, '59. Vol. 2. Edinburgh–London: Blackwood, 1859. 496 p.

52. *Swinhoe R.* Narrative of the North China Campaign of 1860, containing personal experiences of Chinese character, and of the moral and social condition of the country, together with a description of the interior of Peking. London: Smith, 1861. 391 p.

53. The Russo-Chinese crisis: N.P. Ignatiev's mission to Peking, 1859–1860 / Ed. *John L. Evans*. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1987. 156 p.

54. *Varin P.* Expédition de Chine. Paris: Lévy, 1862. 308 p.

55. *Wolseley G.J.* Narrative of the war with China in 1860. London: Longman, 1862. 415 p.

Законодательные акты, официальные документы:

На русском языке:

56. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 138 с.

57. Сборник договоров России с Китаем (1689–1881 гг.) / Издание МИД. СПб.: Тип. Имп. АН, 1889. 271 с.

Периодическая печать:

На русском языке:

58. Амур. 1860.

59. Московские ведомости. 1860.

60. Русский художественный листок. 1861.

61. Санкт-Петербургские ведомости. 1860.

На иностранных языках:

62. Journal de St. Petersbourg. 1860, 1876.

Литература:

На русском языке:

63. Автономов А.С. Российская дипломатия и пекинская духовная миссия в XVIII–XIX вв. // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999. С. 265–272.

64. Айранетов О.Р. Внешняя политика России. 1801–1914. М.: Европа, 2006. 672 с.

65. *Айранетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М.: Кучково поле, 2017. 608 с.

66. *Айранетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 2. Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. 622 с.

67. *Айранетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М.: Кучково поле, 2018. 904 с.

68. *Айранетов О.Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М.: Алгоритм, 2015. 496 с.

69. *Андреева С.Г.* Тяньцзиньский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) международные договоры и их влияние на судьбу Российской духовной миссии в Пекине // Тридцать третья научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Восточная литература, 2003. С. 81–89.

70. *Анисимов А.Л.* Борьба российской дипломатии против попыток Англии и Франции втянуть США в антицинский союз в период второй «опиумной» войны // *Americana*. Вып. 2: Материалы Международной научной конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия», г. Волгоград, 24–26 сентября 1997 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. С. 66–82.

71. *Анисимов А.Л.* Нейтралитет России и США в период второй «опиумной» войны (1856–1860) // Россия и политика держав в странах Востока. Иркутск: ИГПИ, 1991. С. 9–19.

72. *Анисимов А.Л.* Неизвестная граница: к вопросу о российско-цинском разграничении в Приамурье в первой половине 50-х г. XIX в. // Вестник международного центра азиатских исследований. Кн. 1. Иркутск: ИГПИ, 1999. С. 110–117.

73. *Бескровный Л.Г., Нарочницкий А.Л.* К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX в. // Пекин: курсом провокаций и экспансии. М.: Политиздат, 1979. С. 179–198.

74. *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. 336 с.

75. *Блуднова Е.Ю.* Мемуары Н.П. Игнатъева как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09/Блуднова Елена Юрьевна. М., 2007. 216 с.

76. *Болгурцев Б.Н.* Роль первой самостоятельной тихоокеанской эскадры под командованием И.Ф. Лихачева в заключении Пекинского договора // Российский флот на Тихом океане: история и современность / Материалы Тихоокеанской конференции, посвященной 300-летию Российского флота. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1996. С. 5–10.

77. *Болгурцев Б.Н.* Русский флот на Дальнем Востоке (1860–1861 гг.): Пекинский договор и Цусимский инцидент. Владивосток: Дальнаука, 1996. 136 с.

78. *Брежнев А.А.* Россия и крестьянская война тайпинов // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 165–239.

79. *Буксгевден А.* Русский Китай. Очерки дипломатических отношений России с Китаем. I. Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур: Тип. газеты «Новый край», 1902. 239 с.

80. *Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е.* Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 г. / Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 8. СПб.: Военная типография, 1884. 333 с.

81. *Бутины, братья* Исторический очерк сношений русских с Китаем. Иркутск: Тип. Н.Н. Синицина, 1871. 39 с.

82. *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб: тип. Штаба войск Гвардии и Петерб. воен. окр., 1882. 793 с.

83. *Головин С.А.* Российская духовная миссия в Китае. Исторический очерк. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. 284 с.

84. *Гордеев Н.В., Васильева Г.В.* Проблемы приграничного сотрудничества России и Китая: история и современность. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП), 2003. 84 с.

85. Границы Китая: история формирования / Под ред. *В.С. Мясникова*. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 469 с.

86. *Густерин П.В.* Архимандрит Аввакум (к истории подписания Тяньцзиньского трактата 1858 года) // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 197–200.

87. *Единархова Н.Е.* О влиянии кяхтинской торговли на экономическое развитие Китая в 40–60-е гг. XIX в. (по русским архивным и неопубликованным материалам) // Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М.: Наука, 1977. С. 47–59.

88. *Единархова Н.Е.* Кяхтинская торговля и англо-русское соперничество в Китае в 40–60-х гг. XIX в. // Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М.: Наука, 1978. С. 109–116.

89. *Единархова Н.Е.* Вопросы русско-китайской торговли и режима купцов в Пекинском договоре 1860 года между Россией и Китаем // Проблемы социально-экономического развития стран Востока. Иркутск, 1981. С. 11–13.

90. *Единархова Н.Е.* Яков Парфеньевич Шишмарев // Сибирский архив: Архивные документы. Публикации. Факты. Комментарии: Науч.-попул. ист.-краевед. сб. Иркутск: Оттиск, 2000. С. 11–32.

91. *Ефимов Г.В.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.: Госполитиздат, 1951. 584 с.

92. *Завалишин Д.И.* Амурское дело и влияние его на Восточную Сибирь и государство, 1850–1863 гг. Очерк по документам и свидетельствам очевидцев // Русская Старина. 1881. Т. XXXII. С. 75–100.

93. *Зарецкая С.И.* Внешнеполитический курс цинского правительства в период второй «опиумной» войны (1856–1860 гг.) // Вопросы истории и историографии Китая. М.: Наука, 1968. С. 166–185.

94. *Зарецкая С.И.* Внешняя политика Китая в 1856–1860 годах: отношения с Англией и Францией. М.: Наука, 1976. 220 с.

95. *Захаренко И.А.* История географического изучения и картографирования Дальневосточного пограничного пространства России и Китая (середина XVII – начало XX в.). Минск: ВА РБ, 2009. 396 с.

96. *Иванов А.Ю.* Пекинский договор 1860 г. и проблема урегулирования пограничных вопросов между Россией и Кореей (1860–1885 гг.) // Корейский полуостров: время новых вызовов: Доклады, представленные на XIII научной конференции корееведов России и стран СНГ, г. Москва, 30–31 марта 2009 г. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 221–235.

97. *Илюшечкин В.П.* Крестьянская война тайпинов. М.: Наука, 1967. 394 с.

98. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.: Международные отношения, 1999. 384 с.

99. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.). Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1987. 424 с.

100. *Кабанов П.И.* Амурский вопрос. Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1959. 254 с.

101. *Кабузан В.М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917): Историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 264 с.
102. *Кадырбаев А.Ш.* Итоги миссии российского посольства Е.В. Путятина в Китай. 1857–1858 годы // Восточный архив. 2018. № 2. С. 18–22.
103. *Кадырбаев А.Ш.* На рубежах Дальнего Востока. Предыстория посольства Путятина в Китай (1844–1857) // Родина. 2010. № 4. С. 47–50.
104. *Кадырбаев А.Ш.* От Кяхты до Бохайского залива: адмирал Е.В. Путятин на пути в Китай. 1857 год // Восточный архив. 2017. № 1. С. 4–13.
105. *Кадырбаев А.Ш.* Подписание Тяньцзиньского договора и обретение Россией Приамурья и Уссурийского края // Восточный архив. 2018. № 1. С. 13–19.
106. *Кадырбаев А.Ш.* Российское посольство Е.В. Путятина у берегов Поднебесной. Август–декабрь 1857 года // Восточный архив. 2017. № 2. С. 4–6.
107. *Кадырбаев А.Ш.* Русская Америка или русский Дальний Восток? К вопросу о приоритетах российской политики в середине XIX века // Восточный архив. 2015. № 2. С. 4–6.
108. *Кадырбаев А.Ш.* У истоков миссии Е.В. Путятина ко двору императора Цин // Восточный архив. 2014. № 2. С. 4–7.
109. *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России второй половины XIX в. М. Высшая школа, 1974. 280 с.
110. *Киреев Г.В.* Россия – Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М.: РОССПЭН, 2006. 416 с.
111. *Коваль М.В.* Пограничная русско-китайская торговля в XIX в. // Вестник РУДН. Серия История России. 2013. № 3. С. 20–30.
112. *Козюра А.В.* К вопросу о русской военной помощи Китаю (конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в.) // Диалог культур народов России, Сибири и стран Востока. Кн. 1. Иркутск: Издательство ИГПУ, 1998. С. 127–131.

113. *Козюра А.В.* Н.Н. Муравьев-Амурский и становление дальневосточной политики России (1848–1860 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/Козюра Алексей Викторович. Иркутск, 1999. 180 с.

114. *Козюра А.В.* Российская историография о роли Н.Н. Муравьева-Амурского в становлении дальневосточной политики России // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады Второй Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 11–14 августа 1997 г. Кн. 2. Иркутск: ИГПУ, 1997. С. 28–32.

115. *Корсак А.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Изд-во И. Дубровина, 1857. 445 с.

116. Краткая история Русской православной миссии в Китае: составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин: Тип. Успен. монастыря, 1916. 226 с.

117. Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений через Кяхту. М.: Изд. Кяхтинского купечества, 1896. 90 с.

118. *Крит Н.К.* Будущность Кяхтинской торговли. СПб.: Тип. Артилл. Д-та ВМ, 1862. 101 с.

119. *Крит Н.К.* Заметка о торговых путях из Китая в Россию через Азиатскую границу // Известия ИРГО. 1865. Т. 1. С. 17–37.

120. *Куликов А.М.* «Ехали мы сюда с добрыми целями». Русско-китайские переговоры в Тяньцзине (по дневникам архимандрита Палладия (Кафарова) и барона Ф.Р. Остен-Сакена 1857–1858 гг.). М.: ИВ РАН, 2020. 354 с.

121. *Куликов А.М.* К истории публикации Тяньцзиньского дневника архимандрита Палладия (Кафарова) за 1858 г. // Восток (Oriens). 2014. № 3. С. 163–172.

122. *Куликов А.М.* Человек из палладия: научная, миссионерская и дипломатическая деятельность П.И. (Палладия) Кафарова. М.: ИВ РАН, 2020. 484 с.

123. *Куликов В.И.* Амурский комитет во внешнеполитическом механизме Российской империи (1857–1861 гг.) // Россия и евразийский мир: прошлое, настоящее, будущее: Материалы международной научно-практической конференции, г. Новосибирск, 15 мая 2015 г. / Науч. ред. С.В. Козлов. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. С. 84–88.

124. *Кюнер Н.В.* Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. 3. Владивосток: тип. Вост. ин-та. Лит. «Дальний Восток», 1912. 175 с.

125. *Лапина В.Г.* Приобретатель для России Амура // Россия и АТР. 1998. № 4. С. 18–22.

126. *Лещенко Н.Ф.* Посол с погонами адмирала. Необычная судьба Е.В. Путятина (1804–1883) // Восточный архив. 2015. № 2. С. 7–11.

127. *Лукоянов И.В.* Н.П. Игнатъев и его воспоминания // *Н.П. Игнатъев* Земский собор. СПб: Кишинев: Нестор, 2000. 191 с.

128. *Максимов С.* Заселение реки Амура // Морской сборник. 1861. № 10. С. 209–243.

129. *Мартенс Ф.Ф.* Россия и Китай: историко-политическое исследование. СПб.: Тип. Гартъе, 1881. 83 с.

130. Материалы по истории Русской духовной миссии в Пекине / под ред. *Н.И. Веселовского*. СПб.: Тип. Главн. Упр. Уделов, 1905. 72 с.

131. *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с.

132. *Матханова Н.П.* Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков // Из глубины времен. Вып. 8. СПб., 1997. С. 72–78.

133. *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск: Издательство СО РАН, 1998. 428 с.

134. Международные отношения на Дальнем Востоке (1840–1949) / Под общ. ред. чл.-корр. АН СССР *Е.М. Жукова*. М.: Госполитиздат, 1956. 783 с.

135. Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем, по 1860 год / *Д. Б. Мертваго*. СПб.: Тип. морского мин-ва, 1884. 655 с.

136. *Морев В.А.* Сибирский телеграф во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 4. С. 22–30.

137. *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М., 1996. 482 с.

138. *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860–1895). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 899 с.

139. *Носков И.* Кяхтинская торговля за последние восемь лет. СПб.: Тип. това «Обществ. польза», 1870. 18 с.

140. *Ону А.М.* Граф Николай Павлович Игнатъев и внешняя политика России // Труды V съезда Русских академических организаций за границей (София, 14–21 сентября 1930 г.). София: Изд-во Русских академических организаций, 1932. С.405–436.

141. Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. / Редкол.: *И.С. Иванов* (председатель) [и др.]. Т. 1: 860–1917 гг. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 606 с.

142. Памяти графа Н.П. Игнатьева. Речи, произнесенные на торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества 30 ноября 1908 г. СПб.: тип. В.Д. Смирнова, 1909. 48 с.

143. *Плотникова М.М.* Внешнеполитическая деятельность на Дальнем Востоке графа Е.В. Путятина в контексте русско-китайских отношений XVII – середины XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/Плотникова Мария Михайловна. Иркутск, 2006. 181 с.

144. *Плотникова М.М.* Дипломатическая деятельность Е.В. Путятина // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады Второй Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 11–14 августа 1997 г. Кн. 2. Иркутск: ИГПУ, 1997. С. 32–41.

145. *Плотникова М.М.* Проект договора между Россией и Китаем графа Е.В. Путятина // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность / Доклады международной научно-практической конференции. Кн. 1. Иркутск: Арком, 1995. С. 111–115.

146. *Повальников С.И.* Война Англии и Франции против Китая (вторая «опиумная» война 1856–1860 гг.) и позиция России // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 240–283.

147. *Покровский В.И.* Статистические сведения о торговле России с Китаем. СПб.: Типо-лит. М.И. Фроловой, 1909. 42 с.

148. *Попов А.* Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания // Красный архив. 1927. № 21. С. 182–199.

149. *Попов В.Г.* Русские и маньчжуры на Амуре: неизвестные факты из истории подписания и ратификации Пекинского договора // DIXI–2012: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сборник научных

трудов: вып. 3 / Под науч. ред. А.Ю. Завалишина. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2012. С. 29–38.

150. *Постников А.В.* История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М.: ЛЕНАНД, 2015. 388 с.

151. *Романов Д.И.* Последние события в Китае и значение их для России. Иркутск: Иркутская губернская типография, 1861. 34 с.

152. *Романов Д.И.* Присоединение Амура к России // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2001. № 3. С. 11–69 ; № 4. С. 3–79.

153. *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке XIX – начало XX в. М.: Наука, 1987. 166 с.

154. *Романова М.И.* Англо-русское морское соперничество на Дальнем Востоке в середине XIX в. и отношение к нему либеральных кругов Великобритании // Российский флот на Тихом океане: история и современность: Материалы Тихоокеанской конференции, посвященной 300-летию Российского флота. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1996. С. 11–15.

155. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. *А.В. Лукина*. М.: Весь Мир, 2013. 704 с.

156. *Самойлов Н.А.* Пекинская духовная миссия во второй половине XIX в. // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 47–54.

157. *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Ч. 3. СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1859. 536 с.

158. *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 456 с.

159. *Сизова А.А.* Российское консульство в Урге и жизнь русской диаспоры в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Общество и государство в Китае: XL научная конференция. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. С. 212–221.

160. *Синиченко В.В.* Внутрибюрократическая борьба вокруг дальневосточной политики России (1856–1860) // Диалог культур народов России, Сибири и стран Востока. Кн. 1. Иркутск: Издательство ИГПУ, 1998. С. 170–180.

161. *Синиченко В.В.* Восточная Сибирь в российско-китайских отношениях (середина 50-х гг. XIX века–1884 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/Синиченко Владимир Викторович. Иркутск, 1998. 199 с.

162. *Скальковский К.* Русская торговля в Тихом океане. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883. 515 с.

163. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. 440 с.

164. *Сладковский М.И.* Отношения между Россией и Китаем в середине XIX в. // Новая и новейшая история. 1975. № 3. С. 55–64.

165. *Сладковский М.И.* Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М.: Внешторгиздат, 1957. 456 с.

166. *Сосна Н.А.* Амурский комитет и его роль в политике России на Дальнем Востоке во второй половине 1850-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 62–70.

167. *Сосна Н.А.* Дипломат поневоле: деятельность П.Н. Перовского в Китае в 1858–1859 гг. // Клио. 2020. № 3. С. 159–166.

168. *Сосна Н.А.* Подготовка миссии Н.П. Игнатъева в Китай в 1859–1860 гг. // Человеческий капитал. 2020. № 1. С. 48–57.

169. *Сосна Н.А.* Последствия миссии Н.П. Игнатъева в Китай в 1859–1860 гг. // Россия и АТР. 2019. № 2. С. 20–36.

170. *Субботин А.П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб.: Тип. Сев. Телегр. Агентства, 1892. 683 с.

171. *Суворов В.А.* Н.Н. Муравьев-Амурский и закрепление за Россией Уссурийского края (1858–1860) // Россия и народы стран Востока / Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1993. С. 19–32.

172. *Темников Е.Г.* Межгосударственные отношения России и Китая во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03/Темников Евгений Геннадьевич. Казань, 2010. 275 с.

173. *Темников Е.Г.* Территориальный вопрос в межгосударственных отношениях России и Китая во второй половине XIX в. // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 149. Кн. 4. Гуманитарные науки. 2007. С. 203–209.

174. *Тимченко-Рубан Г.* Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края // Военный сборник. 1909. № 12. С. 181–222.

175. *Толстых А.П.* Государственно-дипломатическая деятельность Н.П. Игнатъева в 1856–1878 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Толстых Антон Павлович. М., 2005. 188 с.

176. *Толстых А.П.* Деятельность Н.П. Игнатъева в Китае в 1859–1860 гг. // Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 9. Воронеж: Истоки, 2004. С. 117–127.

177. *Фань В.-Л.* Новая история Китая. Т. 1 / перевод с кит. Р.В. Вяткин [и др.], ред. и предисл. В.Н. Никифоров. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1955. 600 с.

178. *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатъев – дипломат // Портреты российских дипломатов. М.: Ин-т истории АН СССР, 1991. С. 137–160

179. *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат. М.: Квадрига, 2009. 392 с.

180. *Хевролина В.М.* Российский дипломат Н.П. Игнатъев // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 136–153.

181. *Хевролина В.М.* Сан-Стефано: венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатъева // Российская дипломатия в портретах. М.: Международные отношения, 1992. С. 238–256.

182. *Хитрова Н.И.* Дипломатическая деятельность Е.П. Ковалевского в 30-х–50-х годах XIX века // Портреты российских дипломатов. М.: Ин-т истории АН СССР, 1991. С. 115–136.

183. *Хохлов А.Н.* Англо-франко-китайская война и вопрос о помощи России Китаю // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 284–340.

184. *Хохлов А.Н.* Военная помощь России Китаю в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в. // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (история и экономика). М.: Наука, 1967. С. 121–130.

185. *Хохлов А.Н.* История с караваном, отправленным из Кяхты в Пекин в 1861 г. (К характеристике позиции цинского правительства в отношении русско-китайской торговли после Пекинского договора 1860 г.) // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.: Наука, 1983. С. 136–148.

186. *Хохлов А.Н.* Китаист Д.А. Пещуров – дипломат и педагог // Восточный архив. 2014. № 1. С. 25–34.

187. *Хохлов А.Н.* Русско-китайская торговля и политика России в отношении Китая (вторая половина XIX в.) // Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона в XIX – начале XX вв. Иркутск: ИГПИ, 1988. С. 18–38.

188. *Хохлов А.Н.* Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20 годы XVIII в. – 50-е годы XIX в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 99–147.

189. *Хохлов А.Н.* Новые данные о деятельности Н.П. Игнатъева в Китае в 1859–1860 гг. // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников (апрель 1968 г.). Тезисы докладов. М.: Институт народов Азии АН СССР, 1968. С. 30–31.

190. *Хохлов А.Н.* Попытки укрепления маньчжурских восьмизнаменных войск в Китае во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории и историографии Китая. М.: ГРВЛ, 1968. С. 203–242.

191. *Чан Ц.* Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая. 1835–1908 / Пер. с англ. С.А. Белоусова. М.: Центрполиграф, 2019. 575 с.

192. *Шумахер П.* К истории приобретения Амура, сношения с Китаем с 1848 по 1860 год // Русский архив. 1878. № 3. С. 257–342.